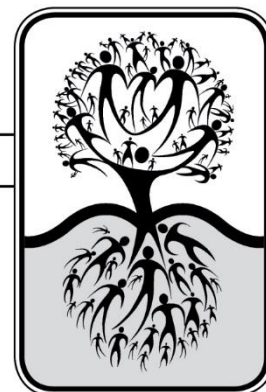

Живая ПСИХОЛОГИЯ

ISSN 2413-6522

Том 12 №5,
2025

Russian Journal
Humanistic Psychology

- » Журнал издается с 2014 года
- » Издание рекомендовано для публикации результатов научных исследований, согласно паспорту специальностей Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования РФ
- » Входит в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

РОСТОВ-НА-ДОНУ

Научно-практический рецензируемый журнал ЖИВАЯ ПСИХОЛОГИЯ создан в 2014г., ставит своей целью стать экспертным и информационным центром в области практической психологии в рамках гуманистического подхода. В журнале публикуются материалы различного характера из следующих научных разделов психологии: клиническая психология, спортивная психология, социальная, семейная и прикладная психология, педагогическая психология, медицинская психология, психология труда. Приоритетное внимание в журнале уделяется вопросам психологии развития и исследованиям в области образа жизни человека и его жизненных ориентиров. Рассматриваются методологические вопросы, касающиеся технология построения концепции педагогической деятельности, учебно-воспитательного процесса, его практической концепции, а также методика обучения и воспитания и ее применения в науке.

Основное содержание журнала составляют результаты исследований и аналитические обзоры. В журнале также публикуются дополнительные материалы, включающие в себя анонсы мероприятий, рецензии, письма и подборки практических рекомендаций по применению.

Согласно паспорту Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, журнал рекомендован для публикации результатов научных исследований, выполняющихся в рамках подготовки диссертационных работ по следующим специальностям:

5.3.6. «Медицинская психология»;

5.3.1. «Общая психология, психология личности, история психологии» (психологические науки);

5.3.3. «Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика» (психологические науки);

5.3.4. «Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред» (психологические науки);

Редакция может принимать статьи на рассмотрение в печать по педагогическим специальностям.

Язык издания: русский, английский.

Количество статей в выпуске: до 25

Периодичность выхода: восемь выпусков в год.

Международный стандартный сериальный номер (ISSN): 2413-6522 (печатная версия).

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-83669 от 05 августа 2022г.

Учредитель и издатель журнала: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Манускрипт" (ОГРН 1226100004679).

Адрес редакции: 344114, РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, Г.О. ГОРОД РОСТОВ-НА-ДОНУ, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, УЛ БОРЯНА, Д. 20, 24.

Сайт издательства: <https://naukavak.ru>, **E-mail:** VAK-info@yandex.ru

**ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
К АВТОРАМ И ЧИТАТЕЛЯМ НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ
«ЖИВАЯ ПСИХОЛОГИЯ»**

Дорогие друзья!

Научная деятельность в наши дни предполагает обязательную вовлеченность ученого в международный информационный обмен, свободную ориентацию в актуальной проблематике избранной предметной области, тщательный выбор медиаплощадки для презентации результатов своей работы.

Научно-практический журнал «Живая психология» относится к разряду качественной научной периодики. Издание выходит в свет с 2014 года, выступая трибуной и одновременно экспертным медиаресурсом как для молодых ученых – представителей вузовских научных школ, так и для независимых исследователей. На страницах журнала традиционно размещаются статьи, раскрывающие отдельные аспекты истории психологии, теории и практики медицинской психологии, психологии личности, акмеологии, инженерной психологии, педагогической психологии и др.

Авторские материалы, представляющие собой оригинальный научный труд исследователя, проходят процедуру предварительного рецензирования и проверки на уникальность. Тщательный отбор редакционной коллегией рукописей, составляющих редакционный портфель журнала, выступают залогом высокого научного уровня журнала. Особый статус журнала «Живая психология» отражен в решении Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации рекомендовать наше издание для публикации результатов диссертационных исследований по ряду специальностей психологического профиля.

«Живая психология» имеет давние партнерские отношения со многими российскими вузами, научными школами и зарубежными образовательными центрами, что доказывает исключительную эффективность избранного курса редакционной политики, который выражается в формате работы с авторами и способах подачи научной информации.

Мы постоянно совершенствуем наши издательские технологии, стремясь сделать сотрудничество с «Живой психологией» максимально комфортным для научного сообщества.

Надеемся, что усилия, предпринимаемые коллективом нашего издания, будут по достоинству оценены нашими коллегами и благодарной читательской аудиторией.

С Уважением,
главный редактор научно-практического журнала «Живая психология»,
Осипова Алла Анатольевна.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

ОСИПОВА Алла Анатольевна – доктор психологических наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии, Академии психологии и педагогики, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АВАНЕСЯН Грант Михайлович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Ереванского государственного университета

АГАПОВ Валерий Сергеевич – доктор психологических наук, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

АЛЁХИН Анатолий Николаевич, доктор медицинских наук, профессор РГПУ им. А. И. Герцена, заведующий кафедрой клинической психологии и психологической помощи

АНИСИМОВ Олег Сергеевич – доктор психологических наук, профессор, Академик Международной академии акмеологических наук, Российской экологической академии, Академии социальных технологий и местного самоуправления, Академии социальных и педагогических наук, Международной академии наук, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ВАСИЛЕНКО Татьяна Дмитриевна, доктор психологических наук по специальности «Медицинская психология», профессор по специальности «Медицинская психология». Декан факультета клинической психологии, зав. кафедрой общей и клинической психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный медицинский университет» Министерства

ВОЛКОВ Александр Кузьмич – доктор медицинских наук, профессор, директор Научно-образовательного медико-технологического центра МГТУ им. Н. Э. Баумана

ГОРДЕЕВ Михаил Николаевич – доктор медицинских наук, кандидат психологических наук, профессор, Ректор института психотерапии и клинической психологии

ДЖАНЕРЬЯН Светлана Тиграновна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и консультативной психологии Академии психологии и педагогики, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»

ДЖИГА Надежда Дмитриевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики экономико-правового факультета «БИП – Институт правоведения», Республика Беларусь

ДНОВ Константин Викторович, доктор медицинских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное военное образовательное учреждение высшего образования «Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова» Министерства обороны Российской Федерации

- ЗАЩИРИНСКАЯ Оксана Владимировна** – доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», заведующий кафедрой психотравматологии Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского, научный руководитель Информационно-консультационного центра «Психометрика», президент некоммерческой организации «Евразийский консорциум по травматическому стрессу и психотравме»
- КАГЕРМАЗОВА Лаура Цраевна** – доктор психол. наук, доцент, профессор РАО, академик РАЕН, "Заслуженный деятель науки и образования». Чеченский государственный педагогический университет
- КОВШОВА Ольга Степановна**, профессор кафедры общей и клинической психологии, доктор медицинских наук по специальности медицинская психология, профессор, ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ
- КОЛЕСОВ Владимир Иванович** – доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, профессор, Лужский институт (филиал) кафедра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заслуженный деятель науки и образования РАЕ, академик РАЕ, магистр образования
- КРУГ Владимир Михайлович** – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник учебно-методического центра «Здоровьесберегающие технологии и профилактика наркомании в молодежной среде» МГТУ им. Н. Э. Баумана
- ЛЮБОВ Евгений Борисович** – доктор медицинских наук, профессор, заведующий отделом суицидологии Московского научно-исследовательского института психиатрии – филиала Федерального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации
- РЮМШИНА Любовь Ивановна** – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»
- СИНЯГИН Юрий Владимирович** – доктор психологических наук, профессор, заместитель директора Высшей школы государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- СИНЯГИНА Наталья Юрьевна** – доктор психологических наук, профессор, президент Межрегиональной общественной организации содействия воспитанию «Содружество организаторов воспитательного процесса»
- СИРОТА Наталья Александровна**, доктор медицинских, декан факультета клинической психологии, заведующая кафедрой Клинической психологии Российского Университета Медицины Минздрава РФ
- ХАРЧЕНКОВА Людмила Ивановна** – доктор психологических наук, профессор, Российский гос. Гидрометеорологический университет
- ЧЕРНАЯ Анна Викторовна** – доктор психологических наук, зав. кафедрой психологии развития Академии психологии и педагогики, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»
- ЮСУПОВ Владислав Викторович** – доктор медицинских наук, профессор начальник НИО (медико-психологического сопровождения) НИЦ Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова

EDITOR-IN-CHIEF:

OSIPOVA Alla Anatolyevna – Doctor of Psychological Sciences, Professor of the General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

EDITORIAL BOARD:

AVANESYAN Grant Mikhailovich – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the General Psychology Department of Yerevan State University

AGAPOV Valery Sergeevich – Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Acmeology and Psychology Department of Professional Activity of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

ALYOKHIN Anatoly Nikolaevich, Doctor of Medical Sciences, Professor of the Herzen State Pedagogical University, Head of the Department of Clinical Psychology and Psychological Assistance

ANISIMOV Oleg Sergeevich – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Academician of the International Academy of Acmeological Sciences, the Russian Ecological Academy, the Academy of Social Technologies and Local Self-Government, the Academy of Social and Pedagogical Sciences, the International Academy of Sciences, Professor of the Acmeology and Psychology Department of Professional Activity of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

VOLKOV Alexander Kuzmich – Doctor of Medical Sciences, Professor, Director of the Scientific and Educational Medical and Technological Center of the Bauman Moscow State Technical University

GORDEEV Mikhail Nikolaevich – Doctor of Medical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Rector of the Institute of Psychotherapy and Clinical Psychology

Svetlana Tigranovna DZHANERYAN – Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Personality Psychology and Counseling Psychology Department of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

DZHIGA Nadezhda Dmitrievna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of the Faculty of Economics and Law Institute of Jurisprudence, Republic of Belarus

DNOV Konstantin Viktorovich, MD, Associate Professor, Federal State Budgetary Military Educational Institution of Higher Education "Military Medical Academy named after S. M. Kirov" of the Ministry of Defense of the Russian Federation

ZASCHIRINSKAYA Oksana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology, Faculty of Psychology, St. Petersburg State University, Head of the Department of Psychotraumatology of the Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky, Scientific director of the Psychometrica Information and Consulting Center, President of the non-profit organization Eurasian Consortium on Traumatic Stress and psychotrauma."

Kagermazova Laura Tsraevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, "Honored Worker of Science and Education". Chechen State Pedagogical University

KOLESOV Vladimir Ivanovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Economic Sciences, Professor, Luga Institute (branch) Department of Humanities and Natural Sciences, Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honored Worker of Science and Education of the RAE, Academician of the RAE, Master of Education

KOVSHOVA Olga Stepanovna, Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Doctor of Medical Sciences, specialty Medical Psychology, Professor, Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

- KRUG Vladimir Mikhailovich** – Doctor of Psychological Sciences, Professor, leading researcher of the educational and methodological center "Health-saving technologies and prevention of drug addiction among young people" of the Bauman Moscow State Technical University
- LYUBOV Evgeny Borisovich** – Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Suicidology Department of the Moscow Research Institute of Psychiatry, a branch of the V. P. Serbsky Federal Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Russian Federation Ministry of Health
- SINYAGIN Yuri Vladimirovich** – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Deputy Director of the Higher School of Public Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
- SINYAGINA Natalia Yuryevna** – Doctor of Psychological Sciences, Professor, President of the Interregional Public Organization for the Promotion of Education «Commonwealth of organizers of the educational process»
- SIROTA Natalia Alexandrovna, MD**, Dean of the Faculty of Clinical Psychology, Head of the Department of Clinical Psychology of the Russian University of Medicine of the Ministry of Health of the Russian Federation
- KHARCHENKOVA Lyudmila Ivanovna** – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Russian State University. Hydrometeorological University
- CHERNAYA Anna Viktorovna** – Doctor of Psychological Sciences, Head of the Developmental Psychology Department of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University
- YUSUPOV Vladislav Viktorovich** – Doctor of Medical Sciences, Professor Head of the Research Institute (medical and psychological support) SIC of the Military Medical Academy named after S.M. Kirov

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Бородина Викторина Николаевна, Герасименко Дарья.
ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ, ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И ЛИЧНОСТНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИОНОМИЧЕСКОЙ И
ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 12

Коростелева Наталья Александровна, Попова Оксана Николаевна.
ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ
ЛИЧНОСТИ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ 23

Лукьянова Марина Владимировна, Лукьянов Алексей Сергеевич.
ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У
ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА 37

Суворова Татьяна Александровна, Новак Наталья Геннадьевна.
ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ, ПЕРЕЖИВШИХ
И ТЯЖЕЛЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ СИТУАЦИИ 44

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Жемерикина Юлия Игоревна, Войтикова Марина Андреевна.
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ФАКТОРОВ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ 58

Кригина Татьяна Васильевна, Бонкало Татьяна Ивановна.
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СПОРТИВНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ИХ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ 72

Меркулова Ирина Владимировна, Бонкало Татьяна Ивановна.
РАЗВИТИЕ РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ
ДЕЙСТВИЙ КАК УСЛОВИЕ ИХ УСПЕШНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ 80

Посохова Анастасия Владиславовна. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЛИДЕРСТВА СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН-РУКОВОДИТЕЛЕЙ 88

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФР ОБРАЗОВ СРЕД

**Кондрашихина Оксана Александровна, Медведева Снежанна
Анатольевна, Харитонов Валерия Станиславовна.** ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
БЛАГОПОЛУЧИЕ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО РАЗНЫМ МОДЕЛЯМ
ОБРАЗОВАНИЯ 89

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Бакиров Рамиль Равилович. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЧЛЕНОВ ОПГ И
ЗАКОНОПОСЛУШНЫХ ГРАЖДАН 98

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Тур Екатерина Юрьевна. МОДЕЛЬ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОЙ СТИГМАТИЗАЦИИ: ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЙ И НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 106

Черкасова Анастасия Николаевна, Иванова Елена Валериевна, Иконникова Екатерина Сергеевна, Люкманов Роман Харисович, Супонева Наталья Александровна. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПСИХОТЕРАПИИ НА ОСНОВЕ МЕТОДА ДЕСЕНСИБИЛИЗАЦИИ И ПЕРЕРАБОТКИ ДВИЖЕНИЕМ ГЛАЗ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ 117

Шишкова Кристина Валерьевна, Гартфельдер Денис Викторович, Лазарева Елена Юрьевна. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ПАЦИЕНТОВ СРЕДНЕГО И ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА С ОСТЕОАРТРОЗОМ КРУПНЫХ СУСТАВОВ В ПЕРИОПЕРАЦИОННОМ ПЕРИОДЕ 133

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY

- Borodina Victorina Nikolaevna, Gerasimenko Daria.** EMOTIONAL BURNOUT, RESILIENCE AND PERSONAL CHARACTERISTICS OF SPECIALISTS IN THE SOCIO-ECONOMIC AND TECHNICAL FIELDS OF ACTIVITY 12
- Korosteleva Natalia Alexandrovna, Popova Oksana Nikolaevna.** THE DIFFERENTIAL ASPECT OF PROFESSIONAL SELF-REALIZATION IN ADULTHOOD 23
- Lukyanova Marina Vladimirovna, Lukyanov Alexey Sergeevich.** FEATURES OF PSYCHOLOGICAL DEFENSE MECHANISMS IN ADOLESCENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF EMOTIONAL INTELLIGENCE 37
- Suvorova Tatiana Alexandrovna, Novak Natalia Gennadievna.** FEATURES OF THE VALUE ORIENTATIONS OF YOUNG PEOPLE WHO HAVE EXPERIENCED DIFFICULT LIFE SITUATIONS 44

PSYCHOLOGY OF WORK

- Julia Igorevna Zhemerikina, Marina Andreevna Voitikova.** CONCEPTUAL APPROACHES TO THE STUDY OF PSYCHOLOGICAL FACTORS OF COMPETITIVENESS OF ENGINEERING PERSONNEL 58
- Krigina Tatiana Vasilyevna, Bonkalo Tatiana Ivanovna.** STRATEGIC THINKING OF THE HEADS OF SPORTS ORGANIZATIONS AS A FACTOR OF THE EFFECTIVENESS OF THEIR MANAGEMENT ACTIVITIES IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY 72
- Merkulova Irina Vladimirovna, Bonkalo Tatiana Ivanovna.** DEVELOPING THE REHABILITATION POTENTIAL OF COMBAT PARTICIPANTS AS A CONDITION FOR THEIR SUCCESSFUL PROFESSIONAL REORIENTATION 80
- Posokhova Anastasia Vladislavovna.** PSYCHOLOGICAL FEATURES OF LEADERSHIP OF MODERN FEMALE LEADERS 88

EDUCATIONAL PSYCHOLOGY. PSYCHODIAGNOSTICS OF NUMBERS IMAGES ENVIRONMENTS

- Kondrashikhina Oksana Alexandrovna, Medvedeva Snezhanna Anatolyevna, Kharitonova Valeria Stanislavovna.** PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF STUDENTS ENROLLED IN DIFFERENT EDUCATIONAL MODELS 89

SOCIAL PSYCHOLOGY

- Bakirov Ramil Ravilovich.** FEATURES OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ORGANIZED CRIME GROUP MEMBERS AND LAW-ABIDING CITIZENS 98

MEDICAL PSYCHOLOGY

- Tour Ekaterina Yurievna.** A MODEL OF PSYCHOSOMATIC STIGMATIZATION: A PSYCHODYNAMIC AND NEUROBIOLOGICAL ANALYSIS **106**
- Cherkasova Anastasia Nikolaevna, Ivanova Elena Valerievna, Ikonnikova Ekaterina Sergeevna, Liukmanov Roman Kharisovich, Suponeva Natalia Alexandrovna.** EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF PSYCHOTHERAPY BASED ON THE METHOD OF EYE MOVEMENT DESENSITIZATION AND PROCESSING IN VIRTUAL REALITY **117**
- Shishkova Kristina Valeryevna, Gartfelder Denis Viktorovich, Lazareva Elena Yuryevna.** QUALITY OF LIFE OF MIDDLE-AGED AND ELDERLY PATIENTS WITH OSTEOARTHRITIS OF LARGE JOINTS IN THE PERIOPERATIVE PERIOD **133**

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.07

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ, ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИОНОМИЧЕСКОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бородина Викторина Николаевна

Доцент кафедры «Прикладная психология»,
кандидат психологических наук, доцент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Петербургский государственный университет путей сообщения
Императора Александра I»,
Город Санкт-Петербург, Россия
SPIN-код: 9494-2638

Герасименко Дарья

Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия

В статье представлено эмпирическое исследование по выявлению особенностей эмоционального выгорания, жизнестойкости, личностных характеристик у специалистов социономической и технической сфер деятельности. В результате проведенного сравнительного анализа двух выборок было выявлено, что специалисты не только социономической, но и технической сфер деятельности подвержены синдрому эмоционального выгорания. Профессионалы, работающие с людьми, в большей степени ощущают себя «загнанными в клетку», чем специалисты технического профиля. Проведенный корреляционный анализ позволил выделить общие и различные связи между шкалами исследования в группах. Действующие профессионалы, обладающие высоким уровнем жизнестойкости менее подвержены формированию синдрома эмоционального выгорания. Специалисты социономической сферы деятельности, способные успешно преодолевать неблагоприятные условия среды, менее чувствительны к психотравмирующим факторам, тревоге. Специалисты по работе с людьми, невовлеченные в собственную деятельность, склонны к избирательному эмоциональному реагированию, сокращению социальных контактов, требующих эмоциональных затрат. Специалистам технической сферы деятельности с высоким уровнем жизнестойкости в меньшей степени присущи резкие перепады настроения, более активно взаимодействуют с другими, умеют планировать, организовывать и контролировать результаты своей деятельности. Работники технического профиля, глубоко вовлеченные в собственную деятельность, менее подвержены недовольству собой, своими результатами, резким перепадам настроения, способны сочувствовать, сопереживать другим, более экстравертированы.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, жизнестойкость, личностные характеристики, техническая сфера деятельности, социономическая сфера деятельности.

EMOTIONAL BURNOUT, RESILIENCE, AND PERSONALITY TRAITS AMONG PROFESSIONALS IN SOCIONOMIC AND TECHNICAL FIELDS

Borodina Victorina Nikolaevna

Associate Professor of the Department of "Applied Psychology",
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University
Saint Petersburg, Russia
SPIN code: 9494-2638

Gerasimenko Daria

Independent researcher
Saint Petersburg, Russia

This study explores the characteristics of emotional burnout, resilience, and personality traits among professionals working in socionomic and technical fields. A comparative analysis of two samples demonstrated that specialists in both domains are susceptible to burnout syndrome. However, professionals engaged in direct interaction with people report a stronger sense of being "trapped" than those in technical occupations. Correlation analysis identified both shared and distinct relationships among the study variables across groups. Practicing professionals with higher levels of resilience were found to be less vulnerable to burnout. Socionomic specialists who are capable of successfully overcoming adverse environmental conditions exhibit lower sensitivity to traumatic factors and anxiety. Conversely, those working with people but showing low engagement in their activities tend to display selective emotional responses and to reduce emotionally demanding social contacts. Technical professionals with greater resilience are less prone to mood swings, demonstrate more active social interaction, and show stronger planning, organizational, and self-monitoring abilities. Furthermore, highly engaged technical specialists are less dissatisfied with themselves and their outcomes, more emotionally stable, capable of empathy, and more extroverted.

Keywords: *emotional burnout, resilience, personality traits, technical professions, socionomic professions.*

В настоящее время в современном обществе все чаще заявляет о себе проблема эмоционального выгорания. Согласно исследованию, проведённому в 2019 году, институтом Гэллага, 28% сотрудников, работающих полный рабочий день, признались, что испытывают эмоциональное выгорание на работе «очень часто» или «всегда» Ещё 48% сообщили, что испытывают эмоциональное выгорание «иногда» Это свидетельствует о том, что большинство сотрудников сталкиваются на работе с эмоциональным выгоранием [1].

Ученые сегодня изучают данный феномен не только в сфере социальных профессий. Например, А. Пайнз и Е. Аронсон определяют выгорание как симптом, который может проявиться в любой профессии, а также вне ее [2].

Проблема выгорания разрабатывалась в науке такими авторами как В.В. Бойко, Н.Е. Водопьянова, С. Джексон, М.П. Лейтер, К. Маслач, В.Е. Орел, Т.И. Ронгинская, Е.С. Старченкова, Т.В. Форманюк и другими.

Впервые термин «выгорание» ввел американский психолог Г. Фрейденбергер в 1974 году. На сегодняшний день не существует общепринятого определения эмоционального выгорания.

По мнению чешских исследователей N. Riethof, P. Vob синдром эмоционального выгорания – это состояние полного истощения, вызванное условиями труда и стрессом

на работе [3]. В то же время, они отмечают, что синдром выгорания не нужно сводить к индивидуальной реакции на стресс и/или к рабочей перегрузке и соглашаются с точкой зрения К. Маслач, М.П. Лейтер, считающими, что одним из отличительных признаков выгорания является кризис смысла и ценностей [4]. В этой связи, интерес представляет определение А. Лэнгле, который под эмоциональным выгоранием понимает состояние истощения, появляющееся из-за постепенной утраты жизненных ценностей. В основе выгорания лежит двойная бедность отношений, которая касается отношений с другими людьми и деятельностью, а также отношений с самим собой и собственными эмоциями. Следствием этого появляется ощущение пустоты и чувства бессмысленности, которое постепенно распространяется на все сферы жизнедеятельности, т.е. синдром эмоционального выгорания связан с потерей экзистенциального смысла. Работник, страдающий выгоранием, не заинтересован в содержании своей деятельности, не ощущает ее ценности. У него отсутствует направленность на работу, на выполнение задачи. Он работает ради карьеры, вознаграждения, власти, влияния и т.д., т.е. происходит разрыв между реальными действиями и мотивом, точнее псевдомотивом, что приводит к психологическому неблагополучию личности, вызванное отсутствием внутренней удовлетворенности [5].

Е.В. Орел считает, что выгорание нарушает функционирование различных подструктур личности (эмоциональную, мотивационную, когнитивную сферы). Оно появляется в процессе профессионального становления личности как форма профессиональной деструкции [6].

О.О. Гофман, Н.Е. Водопьянова и др., рассматривая соотношение понятий «эмоциональное выгорание» и «психическое выгорание», отмечают, что эмоциональное истощение является ключевым компонентом эмоционального выгорания [7].

А. Ленгле, И. Кюнц выделяют следующие факторы риска, способствующих появлению синдрома эмоционального выгорания. К первой группе – индивидуально-психологические факторы, можно отнести психологические и личностные факторы риска, такие как перфекционизм, нарциссизм, целеустремленность и склонность к депрессии. Вторая группа факторов – это социально-психологические, в которой особое внимание уделяется таким явлениям, как моббинг, социальные взаимодействия (особенно для профессий типа «человек–человек» и т.д.). Третья группа – это организационные факторы, которые связаны с перегрузкой на работе, с отсутствием или недостатком обратной связи, неэффективной командной работой, с чрезмерным уровнем контроля со стороны руководителя и т.д. [8].

Согласно наиболее распространенному в настоящее время описанию синдрома эмоционального выгорания данное явление характеризуется эмоциональным истощением (эмоциональных, физических, интеллектуальных ресурсов), деперсонализацией (негативными чувствами и циничным отношением к людям, с которыми человек работает, что увеличивает межличностную дистанцию и автоматизм в отношениях) и отсутствием самореализации на работе, сопровождающееся негативной оценкой уровня развития своих профессиональных компетенций и ощущением неудовлетворенности исполняемой профессиональной ролью [9].

Таким образом, выгорание, как правило, возникает в результате накопления отрицательных эмоций без соответствующей «разрядки» или «освобождения» от них. Работники теряют интерес к своей профессиональной деятельности, не видят перспектив, снижается способность сочувствовать другим людям, нарушается коммуникация, перестают переживать за результаты своей работы, преуменьшают свои профессиональные успехи и достижения.

В связи с быстротекущим ритмом современной жизни и необходимостью соответствовать высоким стандартам общества жизнестойкость сегодня важна как никогда для специалистов самых разных сфер деятельности. Поэтому проблема

жизнестойкости сейчас выходит на первый план научного исследования. К данной теме обращались такие ученые как Л.А. Александрова, С. Кобейса, Д.А. Леонтьев, М.В. Логинова, С. Мадди, Т.В. Наливайко и др.

Жизнестойкость представляет собой устойчивость к стрессогенным факторам и способность преодолевать трудности. Жизнестойкость включает в себя следующие относительно автономные компоненты: вовлеченность, контроль, принятие риска. «Вовлеченность» – это заинтересованность человека в своей деятельности. «Контроль» представляет собой уверенность человека в том, что его усилия могут повлиять на то, что происходит вокруг него. «Принятие риска» – это вера в то, что все, что происходит с человеком, независимо от того, позитивное или негативное, может быть полезным опытом [10]. Для поддержания оптимальной работоспособности, устойчивости к стрессогенным факторам и общего психологического благополучия крайне важно развивать все три компонента жизнестойкости.

Цель исследования – определить эмоциональное выгорание, жизнестойкость и личностные характеристики специалистов технической и социономической сфер деятельности.

При проведении исследования нами были использованы методики «Big Five Inventory-2» К. Дж. Сото и О.П. Джона в адаптации А.Ю. Калугина, С.А. Щебетенко, А.М. Мишкевич, «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой, «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В.В. Бойко. С целью оценки различий между независимыми выборками был применен t-критерий Стьюдента и коэффициент корреляции Пирсона для выявления взаимосвязей между показателями шкал исследования.

Выборка исследования состоит из 60 действующих профессионалов социономического и технического профиля, из них 30 представителей технических профессий (программист, инженер, аналитик, тестировщик и т.д.) и 30 представителей социономических профессий (преподаватель, врач, менеджер службы поддержки, массажист и т.д.) в возрасте 25 – 40 лет (средний возраст – 27,4 года, стаж работы от 5 до 8 лет), 30 мужчин и 30 женщин.

В результате проведенного сравнительного анализа между специалистами социономической и технической профессиональных сфер было выявлено следующее:

В ходе исследования по методике «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В. В. Бойко обнаружено одно значимое различие: в выборке специалистов социономической сферы выявлена большая сформированность симптома эмоционального выгорания «Загнанность в клетку» ($t = 2,096, p \leq 0,05$). Симптом эмоционального выгорания «Загнанность в клетку» среди специалистов социономической сферы профессиональной деятельности находится в стадии формирования у 13% респондентов, сформирован у 10% респондентов и доминирует у 27% респондентов. Данный симптом среди специалистов технической сферы профессиональной деятельности находится в стадии формирования у 10% респондентов, сформирован у 10% респондентов и доминирует у 10% респондентов. Специалисты социономической сферы деятельности более подвержены чувству безысходности и состоянию эмоционального ступора.

2. Значимые различия между показателями шкал методики «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой у специалистов социономической и технической профессиональных сфер выявлены не были.

3. Обнаружены четыре значимых различия между действующими профессионалами социономического и технического профиля при сравнительном анализе результатов исследования по методике «Big Five Inventory-2» К. Дж. Сото и О. П. Джона, адаптация А. Ю. Калугина, С. А. Щебетенко, А. М. Мишкевича. В выборке специалистов технической сферы были выявлены более высокие показатели черты личности «Добросовестность (С)» ($t = -3,033, p \leq 0,01$), а также более высокие показатели таких аспектов данной черты личности как «Организованность (С1)»

($t = -3,265$, $p \leq 0,01$) и «Ответственность (С3)» ($t = -2,421$, $p \leq 0,05$). Это означает, что специалисты технических профессий лучше проявляют старательность в выполнении своих профессиональных обязанностей, способны контролировать собственные импульсы, имеют лучшую волевую регуляцию своего поведения в сравнении со специалистами социономических профессий.

В выборке специалистов социономической сферы выявлен более высокий показатель аспекта «Творческое воображение (Личностная креативность) (О3)» ($t = 2,184$, $p \leq 0,05$), что свидетельствует о том, что профессионалы, чья деятельность заключается в работе с людьми, характеризуются способностью создавать нечто новое и оригинальное, отступать от стандартных правил и шаблонов, чем специалисты технических профессий.

В результате проведенного исследования в группах специалистов социономической и технической профессиональных сфер были выявлены следующие общие корреляционные связи шкал исследования, характерные для каждой выборки:

1. Выявлены обратные корреляционные связи между показателями по шкале «Общий балл жизнестойкости» и показателями по всем шкалам фаз эмоционального выгорания: «Напряжение», «Резистенция», «Истощение» ($r = -0,757$ при $p \leq 0,001$; $r = -0,610$, $r = -0,571$ при $p \leq 0,01$ соответственно в группе специалистов социономического профиля и $r = -0,748$ при $p \leq 0,001$; $r = -0,574$ при $p \leq 0,01$; $r = -0,741$ при $p \leq 0,001$ соответственно в группе специалистов технического профиля), что свидетельствует о том, что действующие профессионалы, характеризующиеся как личности, способные успешно преодолевать неблагоприятные условия среды, демонстрируя высокую устойчивость к стрессогенным факторам, менее подвержены формированию эмоционального выгорания.

2. Выявлены обратные корреляционные связи между показателями по шкале «Общий балл жизнестойкости» и показателями по ряду шкал симптомов эмоционального выгорания: «Психосоматические и психовегетативные нарушения», «Загнанность в клетку» ($r = -0,701$ при $p \leq 0,001$; $r = -0,558$ при $p \leq 0,01$ соответственно в группе специалистов социономического профиля и $r = -0,556$, $r = -0,615$ при $p \leq 0,01$ соответственно в группе специалистов технического профиля). Это означает, что действующие профессионалы, характеризующиеся как личности, способные успешно преодолевать неблагоприятные условия среды, демонстрируя высокую устойчивость к стрессогенным факторам, менее подвержены психосоматическим последствиям стресса, ощущению безвыходности.

3. Выявлены обратные корреляционные связи между показателями по шкале «Общий балл жизнестойкости» и показателями по шкале черты личности «Негативная эмоциональность (Нейротизм) (N)», а также по шкалам аспектов данной черты личности «Тревожность (N1)» и «Депрессивность (N2)» ($r = -0,705$ при $p \leq 0,001$; $r = -0,632$, $r = -0,642$ при $p \leq 0,01$ соответственно в группе специалистов социономического профиля и $r = -0,724$ при $p \leq 0,001$; $r = -0,620$ при $p \leq 0,01$; $r = -0,753$ при $p \leq 0,001$ в группе специалистов технического профиля), что свидетельствует о том, что действующие профессионалы, характеризующиеся как личности, способные успешно преодолевать неблагоприятные условия среды, демонстрируя высокую устойчивость к стрессогенным факторам, уравновешены, спокойны, активны, в позитивном настроении и менее склонны к ситуативной и личностной тревоге.

4. Выявлена прямая корреляционная связь между показателями по шкале «Общий балл жизнестойкости» и показателями по шкале аспекта «Энергичность (Е3)» ($r = 0,678$ при $p \leq 0,001$ в группе специалистов социономического профиля и $r = 0,640$ при $p \leq 0,01$ в группе специалистов технического профиля). Это означает, что действующие профессионалы, характеризующиеся как личности, способные успешно преодолевать неблагоприятные условия среды, демонстрируя высокую устойчивость к стрессогенным факторам, характеризуются энергичностью.

5. Выявлена сильная обратная корреляционная связь между показателями по шкале «Вовлечённость» и показателями по шкалам симптомов эмоционального

выгорания: «Переживание психотравмирующих обстоятельств», «Тревога и депрессия», «Психосоматические и психовегетативные нарушения», «Загнанность в клетку», «Личностная отстраненность (деперсонализация)», ($r = -0,766$, $r = -0,689$, $r = -0,749$ при $p \leq 0,001$; $r = -0,549$, $r = -0,599$ при $p \leq 0,01$ соответственно в группе специалистов социномического профиля и $r = -0,538$ при $p \leq 0,01$; $r = -0,705$ при $p \leq 0,001$; $r = -0,612$, $r = -0,548$ при $p \leq 0,01$; $r = -0,701$ при $p \leq 0,001$ соответственно в группе специалистов технического профиля), что свидетельствует о том, что действующие профессионалы, глубоко вовлеченные в собственную деятельность, менее подвержены чувствительности к психотравмирующим факторам, ощущению безвыходности, личностной и ситуативной тревоге, утрате интереса к человеку как субъекту деятельности и психосоматическим последствиям стресса.

6. Выявлена сильная прямая корреляционная связь между показателями по шкале «Вовлечённость» и показателями по шкале аспекта «Энергичность (Е3)» ($r = 0,700$ при $p \leq 0,001$ в группе специалистов социномического профиля и $r = 0,640$ при $p \leq 0,01$ в группе специалистов технического профиля). Это означает, что действующие профессионалы, глубоко вовлеченные в собственную деятельность, характеризуются активностью, решительностью, настойчивостью в достижении результатов.

7. Выявлена сильная обратная корреляционная связь между показателями по шкале «Вовлечённость» и показателями по шкале черты личности «Негативная эмоциональность (Нейротизм) (N)» ($r = -0,667$ при $p \leq 0,001$ в группе специалистов социномического профиля и $r = -0,752$ при $p \leq 0,001$ в группе специалистов технического профиля), а также шкалами аспектов данной черты личности «Тревожность (N1)» и «Депрессивность (N2)» ($r = -0,579$, $r = -0,651$ при $p \leq 0,01$ соответственно, в группе специалистов социномического профиля и $r = -0,600$ при $p \leq 0,01$; $r = -0,798$ при $p \leq 0,001$ соответственно в группе специалистов технического профиля), что означает, что действующие профессионалы, глубоко вовлеченные в собственную деятельность, уравновешены, спокойны, в позитивном настроении, активны и менее склонны к ситуативной и личностной тревоге.

8. Выявлена обратная корреляционная связь между показателями по шкале «Контроль» и показателями по шкале черты личности «Негативная эмоциональность (Нейротизм) (N)», а также по шкале аспекта «Тревожность (N1)» ($r = -0,610$, $r = -0,578$ соответственно при $p \leq 0,01$ в группе специалистов социномического профиля и $r = -0,606$, $r = -0,571$ соответственно при $p \leq 0,01$ в группе специалистов технического профиля), что свидетельствует о том, что действующие профессионалы, ощущающие свое влияние на результат деятельности, склонны быть уравновешенными, спокойными и менее склонными к ситуативной и личностной тревоге.

9. Выявлена прямая корреляционная связь между показателями шкалы «Контроль» и показателями шкалы аспекта «Энергичность (Е3)» ($r = 0,562$ при $p \leq 0,01$ в группе специалистов социномического профиля и $r = 0,556$ при $p \leq 0,01$ в группе специалистов технического профиля). Это означает, что действующие профессионалы, ощущающие свое влияние на результат деятельности, характеризуются активностью, решительностью, настойчивостью в достижении результатов деятельности.

10. Выявлены обратные корреляционные связи между показателями по шкале «Принятие риска» и показателями по шкале фазы «Напряжение» ($r = -0,630$ при $p \leq 0,01$ в группе специалистов социномического профиля и $r = -0,645$ при $p \leq 0,01$ в группе специалистов технического профиля) и по шкале симптома эмоционального выгорания «Психосоматические и психовегетативные нарушения» ($r = -0,574$ при $p \leq 0,01$ в группе специалистов социномического профиля и $r = -0,559$ при $p \leq 0,01$ в группе специалистов технического профиля). Действующие профессионалы, принимающие любой результат как полезный опыт, менее подвержены эмоциональному истощению, психосоматическим последствиям стресса.

11. Выявлены обратные корреляционные связи между показателями по шкале «Принятие риска» и показателями по шкале черты личности «Негативная эмоциональность (Нейротизм) (N)» и шкале аспекта «Депрессивность (N2)» ($r = -0,580$, $r = -0,579$ при $p \leq 0,01$ соответственно в группе специалистов социномического профиля и $r = -0,644$ при $p \leq 0,01$; $r = -0,693$ при $p \leq 0,001$ соответственно в группе специалистов технического профиля). Действующие профессионалы, принимающие любой результат как полезный опыт, склонны быть уравновешенными, спокойными и менее склонными к депрессивным состояниям.

12. Выявлены обратные корреляционные связи между показателями по шкале черты личности «Экстраверсия (E)» и показателями по шкале фазы эмоционального выгорания «Истощение» ($r = -0,562$ при $p \leq 0,01$ в группе специалистов социномического профиля и $r = -0,545$ при $p \leq 0,01$ в группе специалистов технического профиля), что свидетельствует о том, что общительные и социально активные работники менее подвержены эмоциональному истощению и эмоциональному выгоранию в целом.

13. Выявлены обратные корреляционные связи между показателями по шкале аспекта «Энергичность (E3)» и показателями по шкале фазы эмоционального выгорания «Истощение» ($r = -0,615$ при $p \leq 0,01$ в группе специалистов социномического профиля и $r = -0,612$ при $p \leq 0,01$ в группе специалистов технического профиля). Это означает, что активные, решительные работники менее подвержены эмоциональному истощению.

Проведенный корреляционный анализ позволил выявить различия в структуре связей в группах специалистов социномической и технической профессиональных сфер:

1. В выборке специалистов технической сферы обнаружены прямые корреляционные связи между показателями по шкале «Контроль» и показателями по шкалам черты личности «Добросовестность (C)», а также по такому аспекту как «Продуктивность (C2)» ($r = 0,540$, $r = 0,576$ при $p \leq 0,01$ соответственно), что демонстрирует, что технические специалисты, ощущающие свое влияние на результат деятельности, характеризуются старательностью в выполнении своих профессиональных обязанностей, а также умеют планировать, организовывать и достигать результатов при постановке задач. Выявлена обратная корреляционная связь показателей по шкалам «Общий балл жизнестойкости» и «Эмоциональная изменчивость (Эмоциональная волатильность) (N3)» ($r = -0,569$ при $p \leq 0,01$), а также прямые корреляционные связи с показателями шкал «Экстраверсия (E)» и «Продуктивность (C2)» ($r = 0,576$, $r = 0,539$ соответственно при $p \leq 0,01$). Это означает, что технические специалисты, характеризующиеся как личности, способные успешно преодолевать неблагоприятные условия среды, демонстрируя высокую устойчивость к стрессогенным факторам, в меньшей степени подвержены резким перепадам настроения, характеризуются общительностью, тяготением к большим группам и собраниям, способностью к планированию, организации и контролю результатов своей деятельности. Выявленная обратная корреляционная связь между показателями по шкале «Вовлечённость» и показателями по ряду шкал симптомов эмоционального выгорания: «Неудовлетворенность собой» ($r = -0,545$ при $p \leq 0,01$), «Эмоциональный дефицит» ($r = -0,595$ при $p \leq 0,01$) свидетельствует о том, что технические специалисты, глубоко вовлеченные в собственную деятельность, менее подвержены недовольству собой, своими результатами, способны сочувствовать, сопереживать другим. Выявлена прямая корреляционная связь между показателями по шкале «Вовлечённость» и показателями по шкале черты личности «Экстраверсия (E)» ($r = 0,602$ при $p \leq 0,01$), т.е. технические специалисты, глубоко вовлеченные в собственную деятельность, характеризуются общительностью, стремлением к взаимодействию с окружающими. Обнаружена сильная обратная корреляционная связь между показателями по шкале «Вовлечённость» и показателями по шкале черты личности «Эмоциональная изменчивость (Эмоциональная волатильность) (N3)» ($r = -0,631$ при $p \leq 0,01$), т.е.

специалисты технического профиля, глубоко вовлеченные в собственную деятельность, в большей степени уравновешены и менее подвержены резким перепадам настроения. Кроме того, выявлена обратная корреляционная связь между показателями по шкале «Контроль» и показателями по шкалам симптомов «Тревога и депрессия» и «Эмоциональный дефицит» ($r = -0,636$, $r = -0,575$ соответственно, при $p \leq 0,01$), т.е. технические специалисты, ощущающие свое влияние на результат деятельности, менее подвержены личностной и ситуативной тревоге, снижению жизненной активности, настроения, утрате прежних интересов и способны сочувствовать, сопереживать другим. Выявлены прямые корреляционные связи между показателями по шкале «Контроль» и показателями по шкалам черты личности «Добросовестность (С)», а также по аспектам «Энергичность (Е3)» и «Продуктивность (С2)» ($r = 0,540$, $r = 0,556$, $r = 0,576$ при $p \leq 0,01$). Предположительно, технические специалисты, ощущающие свое влияние на результат деятельности, целеустремленны, дисциплинированы, ответственны, активны, решительны, настойчивы в достижении поставленной цели, умеют планировать, организовывать и контролировать результаты своей деятельности. Обнаружены обратные корреляционные связи между показателями по шкале «Принятие риска» и показателями по ряду шкал симптомов эмоционального выгорания: «Тревога и депрессия», «Расширение сферы экономии эмоций», «Личностная отстраненность (деперсонализация)» ($r = -0,677$ при $p \leq 0,001$, $r = -0,571$, $r = -0,599$ при $p \leq 0,01$ соответственно), что свидетельствует о том, что технические специалисты, принимающие любой результат как полезный опыт, менее подвержены ощущению безвыходности, личностной и ситуативной тревоге, экономии эмоционального ресурса, утрате интереса к человеку как субъекту профессиональной деятельности. Выявлена прямая корреляционная связь между показателями по шкале «Принятие риска» и показателями по шкале аспекта «Энергичность (Е3)» ($r = 0,581$ при $p \leq 0,01$), т.е. специалисты, принимающие любой результат как полезный опыт, характеризуются активностью, решительностью, настойчивостью в достижении поставленной цели. Выявлены обратные корреляционные связи между показателями по шкалам черты личности «Экстраверсия (Е)», аспекта «Общительность (Е1)» и показателями по шкале симптома эмоционального выгорания «Эмоциональная отстраненность» ($r = -0,595$, $r = -0,542$ при $p \leq 0,01$ соответственно), что свидетельствует о том, что общительные и социально активные специалисты технического профиля менее подвержены исключению эмоций из профессиональной деятельности. Обнаружены обратные корреляционные связи между показателями по шкале аспекта «Энергичность (Е3)» и шкалам симптомов эмоционального выгорания «Эмоциональный дефицит», «Эмоциональная отстраненность» ($r = -0,589$, $r = -0,557$ при $p \leq 0,01$ соответственно), т.е. энергичные технические специалисты менее подвержены экономии эмоционального ресурса, способны сочувствовать и сопереживать другим. Выявлена прямая корреляционная связь между показателями по шкале «Эмоциональная изменчивость (Эмоциональная волатильность) (N3)» и шкале симптома эмоционального выгорания «Личностная отстраненность (деперсонализация)» ($r = 0,577$ при $p \leq 0,01$). Предположительно, эмоционально лабильные технические специалисты более подвержены утрате интереса к человеку как субъекту деятельности. Выявлены прямые корреляционные связи между показателями по шкале черты личности «Негативная эмоциональность (Нейротизм) (N)» и показателями по шкалам симптомов эмоционального выгорания «Загнанность в клетку», «Эмоциональный дефицит», «Личностная отстраненность (деперсонализация)» ($r = 0,567$, $r = 0,564$, $r = 0,627$ при $p \leq 0,01$ соответственно) и шкалам фаз выгорания «Напряжение» ($r = 0,609$ при $p \leq 0,01$), «Истощение» ($r = 0,681$ при $p \leq 0,001$). Это означает, что технические специалисты, склонные к негативным переживаниям, беспокойству, повышенной тревожности, не способны войти в положение другого, сочувствовать, сопереживать, утрачивают интерес к человеку как субъекту профессиональной деятельности, в большей степени подвержены растущему

напряжению, состоянию внутреннего дискомфорта, эмоциональному истощению. Кроме этого, следует выделить прямые корреляционные связи между показателями по шкале аспекта «Депрессивность (N2)» и показателями по шкалам симптомов эмоционального выгорания «Загнанность в клетку», «Тревога и депрессия», «Эмоциональный дефицит», «Личностная отстраненность (деперсонализация)» и шкалой фазы выгорания «Истощение» ($r = 0,603$, $r = 0,592$, $r = 0,622$, $r = 0,615$ при $p \leq 0,01$; $r = 0,735$ при $p \leq 0,001$ соответственно). Предположительно, технические специалисты с депрессивными наклонностями в большей степени подвержены ощущению безвыходности, личностной и ситуативной тревоге, эмоциональному истощению, утрате интереса к человеку как субъекту деятельности.

2. В выборке специалистов социономической сферы деятельности обнаружены обратные корреляционные связи между показателями по шкале «Общий балл жизнестойкости» и показателями по ряду шкал симптомов эмоционального выгорания: «Переживание психотравмирующих обстоятельств», «Тревога и депрессия», ($r = -0,699$ при $p \leq 0,001$, $r = -0,610$ при $p \leq 0,01$), т.е. специалисты по работе с людьми, характеризующиеся как личности, способные успешно преодолевать неблагоприятные условия среды, демонстрируя высокую устойчивость к стрессогенным факторам, менее подвержены чувствительности к психотравмирующим факторам, личностной и ситуативной тревоге. Выявлена сильная обратная корреляционная связь между показателями по шкале «Вовлечённость» и показателями по шкале симптомов эмоционального выгорания: «Неадекватное эмоциональное избирательное реагирование», «Расширение сферы экономии эмоций», ($r = -0,558$, $r = -0,654$ при $p \leq 0,01$ соответственно), что свидетельствует о том, что специалисты по работе с людьми, глубоко вовлеченные в собственную деятельность, менее подвержены избирательному эмоциональному реагированию по принципу «хочу или не хочу» уделить внимание партнеру, сокращению социальных контактов, требующих эмоциональных затрат. Выявлены обратные корреляционные связи между показателями по шкалам черт личности «Экстраверсия (E)», аспекта «Настойчивость (Ассертивность) (E2)» и показателями по шкале симптома «Эмоциональный дефицит» ($r = -0,593$, $r = -0,549$ при $p \leq 0,01$ соответственно), т.е. общительные и социально активные, настойчивые в достижении своих целей специалисты по работе с людьми менее подвержены обидам, раздражительности, гневу, способны сочувствовать, сопереживать другим. Обнаружены обратные корреляционные связи между показателями по шкале аспекта «Энергичность (E3)» и показателями по шкалам симптомов эмоционального выгорания «Расширение сферы экономии эмоций», «Личностная отстраненность (деперсонализация)» ($r = -0,568$, $r = -0,547$ при $p \leq 0,01$ соответственно), а также показателями по шкалами фаз эмоционального выгорания «Напряжение», «Резистенция» ($r = -0,579$, $r = -0,582$ при $p \leq 0,01$ соответственно). Предположительно, энергичные специалисты по работе с людьми менее подвержены экономии эмоционального ресурса, утрате интереса к человеку как субъекту деятельности и эмоциональному истощению в целом. Выявлена обратная корреляционная связь между показателями по шкале аспекта «Продуктивность (C2)» и показателями по шкале симптома эмоционального выгорания «Редукция профессиональных обязанностей» ($r = -0,539$ при $p \leq 0,01$), т.е. специалисты социономической профессиональной сферы, эффективно использующие свое время, умеющие планировать, организовывать и контролировать результаты своей деятельности менее склонны к сокращению своих обязанностей на фоне стресса.

На основании проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Специалисты не только социономической, но и технической сфер деятельности подвержены синдрому эмоционального выгорания.

2. Специалисты социономической сферы деятельности в большей степени ощущают себя «загнанными в клетку», чем специалисты технического профиля.

Действующие профессионалы, работающие с людьми, характеризуются способностью создавать нечто новое и оригинальное, отступать от стандартных правил и шаблонов, чем специалисты технических профессий. Специалисты технической сферы деятельности более добросовестны, организованы, ответственны в выполнении своих профессиональных обязанностей.

3. Действующие профессионалы, обладающие высоким уровнем жизнестойкости менее подвержены формированию синдрома эмоционального выгорания, и наоборот, специалисты, неспособные успешно преодолевать неблагоприятные условия среды, демонстрируя высокую неустойчивость к стрессогенным факторам, более склонны к психосоматическим последствиям стресса, ощущению безвыходности, негативным эмоциям, тревоге, депрессии. Работники, глубоко вовлеченные в собственную деятельность, менее подвержены чувствительности к психотравмирующим факторам, ощущению безвыходности, личностной и ситуативной тревоге, утрате интереса к человеку как субъекту деятельности и психосоматическим последствиям стресса, энергичны, уравновешены, спокойны, пребывают в позитивном настроении, активны и менее склонны к ситуативной и личностной тревоге. Те специалисты, которые ощущают свое влияние на результат деятельности, менее подвержены отрицательным эмоциям, тревоге, более энергичны в своих действиях. Действующие профессионалы, принимающие любой результат как полезный опыт, менее склонны к эмоциональному истощению, психосоматическим последствиям стресса, негативным эмоциям, депрессии. Общительные и социально активные, энергичные работники менее подвержены эмоциональному истощению и эмоциональному выгоранию в целом.

4. Специалисты технической сферы деятельности, характеризующиеся как личности, способные успешно преодолевать неблагоприятные условия среды, демонстрируя высокую устойчивость к стрессогенным факторам, в меньшей степени присущи резкие перепады настроения, характеризуются общительностью, стремлением к социальному взаимодействию, способностью планирования, организации и контроля результатов своей деятельности. Работники технического профиля, глубоко вовлеченные в собственную деятельность, менее подвержены недовольству собой, своими результатами, резким перепадам настроения, способны сочувствовать, сопереживать другим, более экстравертированы. Кроме того, специалисты данного профиля, ощущающие свое влияние на результат деятельности, менее склонны к личностной и ситуативной тревоге, снижению жизненной активности, настроения, утрате прежних интересов и способны сочувствовать, сопереживать другим, характеризуются целеустремленностью и дисциплинированностью. Действующие профессионалы, принимающие любой результат как полезный опыт, менее подвержены ощущению безвыходности, тревоге, экономии эмоционального ресурса, утрате интереса к человеку как субъекту профессиональной деятельности, энергичны. Общительные и социально активные специалисты технического профиля не исключают эмоции из профессиональной деятельности, способны сочувствовать и сопереживать другим.

4. Специалисты социоэкономической сферы деятельности, имеющий высокий уровень жизнестойкости менее подвержены чувствительности к психотравмирующим факторам, личностной и ситуативной тревоге. Специалисты по работе с людьми, не вовлеченные в собственную деятельность, подвержены избирательному эмоциональному реагированию, сокращению социальных контактов, требующих эмоциональных затрат. Общительные и социально активные профессионалы, настойчивые в достижении своих целей в меньшей степени склонны к обидам, раздражительности, гневу, способны сочувствовать, сопереживать другим. Энергичные специалисты по работе с людьми менее подвержены экономии эмоционального ресурса, утрате интереса к человеку как субъекту деятельности и эмоциональному истощению в целом. Специалисты социоэкономической профессиональной сферы, эффективно использующие свое время, умеющие

планировать, организовывать и контролировать результаты своей деятельности менее склонны к сокращению своих обязанностей на фоне стресса.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке программы психологического сопровождения специалистов с выявленным синдромом эмоционального выгорания с учетом развития компонентов жизнестойкости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hickman A. Lead your remote team away from burnout, not toward it. GALLUP. Workplace / A. Hickman, B. Wigert. – 2020.
2. Pines A. Career burnout. Causes and cures / A. Pines, E. Aronson. – New York: The Free Press. – 1988. – P. 257.
3. Riethof N. Burnout Syndrome and Logotherapy: Logotherapy as Useful Conceptual Framework for Explanation and Prevention of Burnout / N. Riethof, P. Bob // Psychiatry. – 2019. – Vol.10.:382. DOI: 10.3389/fpsyt.2019.00382
4. Maslach C. Understanding the burnout experience: recent research and its implications for psychiatry / C. Maslach, M.P. Leiter // World Psychiatry. – 2016. – Vol. 15(2):103-11. DOI: 10.1002/wps.20311
5. Лэнгле А. Эмоциональное выгорание с позиций экзистенциального анализа / А. Лэнгле // Вопросы психологии. – 2008. – № 2. – С. 3-16.
6. Орел В.Е. Синдром психического выгорания личности / В.Е. Орел. – Москва: Ин-т психологии РАН, 2005 (Ярославль: ООП ЯрПК). – 329 с.
7. Гофман О.О. Проблема профессионального выгорания специалистов в сфере информационных технологий: теоретический обзор / О.О. Гофман,
8. Н.Е. Водопьянова, А.Ф. Джумагулова, Г.С. Никифоров // Организационная психология. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 117-144.
9. Längle A. Leben in der Arbeit? / A.Längle, I. Künz. – Wien: Facultas Verlags und Buchhandels AG facultas Universitätverlag. – 2016. – 264 s.
10. Márquez G.M. Burnout Syndrome / G.M. Márquez. // International Journal of Psychology and Neuroscience. – 2022. – Vol. 8(1). – Pp. 19-30.
11. Maddi S.R. Hardiness Training at Illinois Bell Telephone / S.R. Maddi // In: Opatz, J.P., Ed., Health Promotion Evaluation, National Wellness Institute, Stevens Point. – 1987. – Pp. 101-115.

УДК 159.9

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ

Коростелева Наталья Александровна

Доцент кафедры педагогики, психологии и социологии,
кандидат педагогических наук, доцент,
Автономная некоммерческая образовательная организация высшего
образования Центросоюза Российской Федерации «Сибирский университет
потребительской кооперации», г. Новосибирск, Российская Федерация
SPIN-код: 8603-7453

Попова Оксана Николаевна

Доцент кафедры педагогики, психологии и социологии, кандидат
психологических наук,
Автономная некоммерческая образовательная организация высшего
образования Центросоюза Российской Федерации «Сибирский университет
потребительской кооперации», г. Новосибирск, Российская Федерация
SPIN-код: 2117-0929

В статье рассматриваются различные вопросы взаимосвязи гендерной принадлежности с профессиональной самореализацией личности и ее карьерными ориентациями в зрелом возрасте. Представлен анализ различных точек зрения на профессиональную самореализацию личности и построение карьеры в контексте гендерных особенностей. Приведены результаты исследования 50 респондентов (25 мужчин и 25 женщин), работающих в Сибирском университете потребительской кооперации и входящих в профессорско-преподавательский состав вуза. Целью исследования было выявление барьеров карьерного роста с точки зрения сотрудников образовательной организации мужского и женского пола и определения наличия гендерной диспропорции в организации, так же проведение анализа соответствия характеристик личности сотрудников характеристикам выбранной ими профессиональной среды. Делается вывод о том, что ведущие карьерные ориентации в профессиональной самореализации в зрелом возрасте не детерминируются гендерной принадлежностью сотрудников организации, но оказывают на них определенное влияние.

Ключевые слова: личность, индивидуальные особенности, профессиональная самореализация, карьера, карьерные ориентации, зрелый возраст, гендерная принадлежность, тип личности, возрастные особенности.

THE DIFFERENTIAL ASPECT OF PROFESSIONAL SELF- REALIZATION IN ADULTHOOD

Korosteleva Natalia Alexandrovna

Associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Sociology,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Autonomous Non-profit Educational Organization of Higher Education of the Central
Union of the Russian Federation «Siberian University of Consumer Cooperation»,
Novosibirsk, Russian Federation
SPIN code: 8603-7453

Popova Oksana Nikolaevna

Associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Sociology,
Candidate of Psychological Sciences,
Autonomous Non-profit Educational Organization of Higher Education of the Central
Union of the Russian Federation "Siberian University of Consumer Cooperation",
Novosibirsk, Russian Federation
SPIN code: 2117-0929

The article examines various issues of the relationship between gender identity and professional self-realization of a person and his career orientations in adulthood. The analysis of various points of view on professional self-realization and career building in the context of gender characteristics is presented. The results of a study of 50 respondents (25 men and 25 women) working at the Siberian University of Consumer Cooperation and members of the university's faculty are presented. The purpose of the study was to identify career growth barriers from the point of view of male and female employees of an educational organization and to determine the presence of a gender disparity in the organization, as well as to analyze the correspondence of employee personality characteristics to the characteristics of their chosen professional environment. It is concluded that the leading career orientations in professional self-realization in adulthood are not determined by the gender identity of the organization's employees, but they have a certain influence on them.

Keywords: *personality, individual characteristics, professional self-realization, career, career orientations, mature age, gender, personality type, age characteristics.*

В социально-гуманитарном аспекте в современной психологической науке широко освещены аспекты проблемы выбора будущей профессии, вопросы выделения профессионально важных качеств людей для той или иной профессиональной деятельности, этапы профессионального становления и развития, однако мы считаем, что вопросам построения успешной карьеры (профессиональной самореализации) в гендерном аспекте уделено недостаточное внимание со стороны ученых.

Так, например, известные отечественные психологи О.О. Богатырёва, М.В. Сафонова считают, что сейчас во всем мире, в том числе и в России, представителям мужского пола гораздо проще построить свою профессиональную карьеру, чем женщинам, которые сегодня, не меньше мужчин, стремятся к самореализации в профессиональной сфере и успешной карьере. При этом, рассмотрение карьерных ориентаций в контексте гендерных личностных различий включает в себя существование так называемых стереотипных «мужских» и «женских» профессий, а также «универсальных» видов профессиональной деятельности, которые не имеют ярко выраженного гендерного доминирования, так как в равной степени подходят представителям обоих полов [1].

Отметим, что обычно женщины гораздо чаще мужчин пытаются совмещать такие категории, как «успешная карьера» и «счастливая семья», но многие российские и зарубежные исследователи полагают, что далеко не всякая карьерная ориентация может сочетаться с выполнением традиционно «женских» или «мужских» семейных функций.

Проведенный анализ литературы по проблеме исследования свидетельствует о том, что само понятие «профессиональная самореализация» имеет несколько трактовок и может отражать как динамическую, развивающуюся во времени, так и статическую сторону данного термина. Оба данных обстоятельства являются достаточно ценными для нашего исследования, так как нас интересуют аспекты влияния гендерных социально-психологических различий на карьерные ориентации личности и ее профессиональную самореализацию в зрелом возрасте.

Отечественный исследователь А. А. Дубиненко считает, что в качестве основных критериев успешной профессиональной самореализации, можно рассматривать следующие две основные характеристики [2]: степень удовлетворенности личности сложившейся жизненной ситуацией и трудом (субъективный критерий); степень социального успеха, т.е. общественное признание заслуг личности (объективный критерий).

В научной литературе часто термины «профессиональная самореализация» и «карьера» используются как синонимичные понятия.

Ю.Н. Лачугина рассматривает карьеру в качестве средства достижения индивидом высокого и престижного положения в социуме, а также как средства, которое удовлетворяет потребности индивида во власти и финансовой независимости [3]. По мнению О. Ю. Ангел профессиональную самореализацию следует рассматривать как результат (итог) сознательно выбранной личностью мировоззренческой позиции и модели поведения в сфере трудовой деятельности, которые влияют и определяют должностной рост [4]. С. В. Борзова полагает, что любой человек способен строить свою собственную карьеру, как специфическую стратегию своего продвижения по службе, в соответствии с личностными мотивами (внешними и внутренними), ведущими потребностями и ценностными ориентирами [5].

В работах российских психологов А. В. Зубовой и Е. Д. Камыниной профессиональная самореализация (карьера) рассматривается как постепенный, пошаговый рост индивида в определенной профессиональной области, совершенствование его профессиональных умений и навыков (компетенций), развитие его способностей и личностных возможностей, улучшение финансового положения за счет увеличения размера денежного вознаграждения за выполняемые трудовые обязанности [6].

Варданов М. Д. при изучении социально-психологических факторов, влияющих на карьеру, пришел к выводу о том, что категория профессиональной самореализации носит сугубо субъективный характер, так как включает в себя осознанные суждения личности в отношении своего профессионального будущего и степень удовлетворенности собственной трудовой деятельностью [7].

Российский исследователь Ю. К. Баркова считает, что профессиональную самореализацию нужно трактовать как продвижение индивида в векторе его профессионального самосовершенствования, которое соответствует его ценностным ориентирам и в то же время не противоречит общественным приоритетам [8]. А. Ц. Хечиева полагает, что карьеру (профессиональную самореализацию) следует рассматривать как прогресс и положение (статус) индивида как субъекта профессиональной деятельности в системе трудовых отношений, которые определяются сохранением баланса позицией личности и факторами социально-экономической жизненной ситуации [9].

Отметим, что по мнению ученых М. Г. Бицуевой и Э. С. Баккуева профессиональную самореализацию не всегда следует ассоциировать с властью, финансовым обогащением или ростом индивида по служебной лестнице, но всегда надо рассматривать как творческий, профессиональный, финансовый и какой-либо иной успех или рост личности [10].

Следует отметить, что в нашей работе профессиональную самореализацию мы будем определять, как особый универсальный индикатор социального и профессионального развития личности в ее трудовой деятельности в процессе жизненного пути. Проведя детальный анализ всего выше сказанного, мы можем констатировать, что профессиональная самореализация (карьера) выступает как в разной степени сбалансированное соотношение, взаимодействие двух ведущих процессов:

1) процесс внутреннего профессионального саморазвития личности (профессиональный и личностный рост, проявление личностного потенциала, рост

личностных способностей в ходе трудовой деятельности), которое происходит на протяжении всей реализации карьеры;

2) процесс внешнего профессионального развития личности в освоении общественного пространства в его масштабном значении и карьерного пространства в частности.

В рамках данной работы, мы нашли целесообразным рассмотреть психологические особенности в аспекте гендерного признака.

Сулейманова Э. Д. полагает, что переживания, связанные с временем жизни, делают женщин зрелого возраста весьма впечатлительными к прошлому жизненному опыту, поэтому уверенность в себе в период зрелости женщины обретают во всех проявлениях реальной жизни [11].

Брюхова Н. Г. утверждает, что мужчины зрелого возраста, как правило, остаются ценными работниками в своей профессиональной сфере, но не приносят высоких результатов, так как они переосмысливают свое место в жизни в сложившейся современной ситуации и осознают границы собственной «Я – концепции» [12].

Соловьева С. Ю. считает, что женщины зрелого возраста более эмоционально реагируют на кризисные ситуации, чем мужчины того же возраста, которые по мнению автора в проблемных ситуациях пытаются контролировать собственные чувства и эмоции, руководствуясь идеями рационализма и разумом смыслом. Поэтому автор полагает, что для людей зрелого возраста основной проблемой является поиск эффективных приемов саморегуляции и активизации внутренних личностных ресурсов [13].

Гендерный стереотип категории «настоящая женщина» как правило связан с понятиями «хорошая мать», «заботливая жена», «отличная хозяйка», но в то же время считается, что современная женщина должна быть профессионально успешной, хорошо выглядеть и стильно одеваться. Актуальные сегодня данные статистики говорят о том, что во всем мире женщины проявляют более низкую экономическую активность по сравнению с мужчинами во всех возрастных группах, в том числе в зрелом возрасте. При этом, доля мужчин в составе рабочей силы любого государства превышает численность работающих женщин несмотря на то, что современных женщины практически в любой стране имеют возможности для профессиональной самореализации. В нашей стране в состав рабочей силы входят примерно 58% мужчин и 42% женщин [14].

Рудь А.С. считает, что в современном российском обществе женщине труднее найти работу, чем мужчине, даже если она имеет более высокий уровень образования. Во многих организациях женщины при попытке трудоустройства сталкиваются с дискриминацией по половому признаку. Это является основной причиной достаточно высокой численности женщин в секторе неформальной экономики [15].

Сегрегация по половому признаку проявляется на различных уровнях профессионального образования, где девушкам не советуют выбирать определенные сферы профессиональных знаний, так называемые «мужские профессии». Как правило родители и друзья ориентируют девушек сделать свой профессиональный выбор в пользу профессий, которые связаны с уходом за другими людьми и их обслуживанием (медсестры, учителя, воспитатели, работники общественного питания, портнихи, швеи, парикмахеры и т.д.). Юношей ориентируют на производственную сферу, занятия научной деятельностью, профессии связанные со строительной областью, транспортными коммуникациями, сектором IT-технологий, профессиональную деятельность, связанную с защитой Родины и т.д.

Можно с уверенностью сказать, что существующие в нашем обществе гендерные стереотипы, содержащие негласные предписания относительно того, какие профессии больше подходят мужчинам, а какие – женщинам, оказывают влияние на формирование карьерных ориентаций, которые являются основой построения профессионального жизненного пути человека.

Основные результаты. Экспериментальная часть нашей работы была посвящена проверке гипотезы исследования, о том, что гендерные различия, будут оказывать определенное влияние на профессиональную самореализацию личности в зрелом возрасте. В качестве экспериментальной базы исследования в нашей работе выступал Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК) г. Новосибирска Российской Федерации. В состав выборки эмпирического исследования вошли 50 преподавателей колледжа и вуза СибУПК в возрасте от 28 до 53 лет. Для чистоты эксперимента гендерный состав выборки составили 25 женщин и 25 мужчин. В состав выборки вошли доценты, старшие преподаватели и преподаватели торгово-технологического, экономического и юридического факультетов в составе СибУПК. Подробная характеристика всех респондентов представлена в таблице (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Характеристика выборки исследования

Выборка	Должность чел, %			Стаж работы чел, %			Уровень образования чел, %		
	Доцент	Старший преподаватель	Преподаватель	1-5 лет	5-10 лет	Более 10 лет	кандидат наук	магистр	высшее
Женщины	7 28%	8 32%	10 40%	2 8%	8 32%	15 60%	7 28 %	10 40%	8 32%
Мужчины	5 20%	9 36%	11 44%	1 4%	7 28 %	17 68%	5 20%	13 52%	7 28 %

Для изучения гендерных различий, влияющих на карьерные ориентации и профессиональную самореализацию в зрелом возрасте был разработан диагностический комплекс, в состав которого были включены:

- анонимное анкетирование, целью которого было выявление барьеров карьерного роста с точки зрения сотрудников образовательной организации мужского и женского пола и определения наличия гендерной диспропорции в организации;
- опросник Дж. Холланда (Дж. Голланда) «Определение типа личности» («Типология профессий») для выявления соответствия характеристик личности характеристикам выбранной ими профессиональной среды.

В рамках данной работы мы представим лишь часть полученных результатов анкетирования, которые считаем достаточно интересными.

Анализ ответов женщин-сотрудников и мужчин-сотрудников полученные на вопрос «Считаете ли вы, что за время работы в компании, вы достигли значимого карьерного роста?» представлен ниже (см. рисунок 1,2).

Рисунок 1 – Ответы женщин-сотрудников

Рисунок 2 – Ответы мужчин-сотрудников

Характер ответов респондентов показывает, что женщины склонны к недооценивать свои возможности, более не уверены в себе и в своих результатах, следовательно оценивают успешность своего карьерного роста гораздо ниже, чем мужчины. Этим и объясняется процент женщин – сотрудников, давших ответы «скорее нет, чем да» и «нет» составляет более половины женского контингента – 64%, а мужчин из всей выборки – менее половины, лишь 40%.

Содержание следующего вопроса было направлено на выявление наличия гендерной диспропорции в СИБУПК (действительно ли сотрудники обоих полов предпочитают выбирать мужчин на новую должность). Распределение ответов респондентов представлено ниже (см. Рисунок 3).

Рисунок 3 – Гендерная диспропорция, %

В целом, нами не было выявлено наличие явной гендерной диспропорции в трудовом коллективе СИБУПК. Можно так же констатировать, что женщины часто сами порождают гендерную диспропорцию, отдавая в работе предпочтение сотрудникам мужчинам, тогда как те более лояльны в выборе сотрудника на новую должность.

Вопрос «Что для вас предпочтительнее в работе?» был ориентирован на целевые предпочтения сотрудников в работе. Анализ результатов представлен на рисунке ниже (см. рисунок 4).

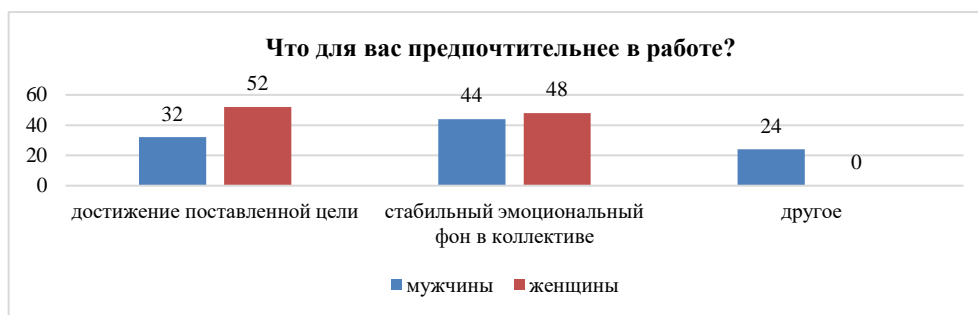

Рисунок 4 – Предпочтения в работе, %

Интересным оказалось то, что сотрудники женского пола более нацелены на достижение поставленной цели (52%), чем на поддержание стабильного эмоционального фона в трудовом коллективе в сравнении с мужчинами. Ответ «другое» был зафиксирован только у мужчин (24%), которые указывали следующие варианты: «совершенствование профессиональных навыков», «стабильный доход», «самореализация».

В ответах респондентов на следующий вопрос анкеты, где им нужно было проранжировать различные жизненные приоритеты, четко прослеживается тенденция, что женщины (36%) и мужчины (28%) уверенно ставят превыше всего семейные ценности. На втором месте у мужчин следует карьера (24%), в то время как у женщин карьерный рост занимает предпоследнюю позицию в составленном рейтинге ценностей (8%). На вторую позицию жизненных ценностей 24% женщин поставили «деньги», так как считают, что от них в большей мере зависит их семейное благополучие. Отметим, что женщины (20%) больше мужчин заинтересованы в установлении социальных связей (категория «друзья») и получении «удовольствий» (путешествия, спорт, вечеринки). В свою очередь возможность для саморазвития больше ценится мужчинами, чем женщинами, что в свою очередь так же влияет на более целенаправленное построение их профессиональной карьеры [16].

Далее рассмотрим результаты диагностики респондентов, полученные с помощью опросника Дж. Холланда «Определение типа личности». Вывод о профессиональной направленности респондента мы делали с учетом его максимальной оценки по одному из типов личности. Отметим, что в концепции Дж. Холланда все шесть типов личности классифицированы по степени их схожести в форме шестиугольника (см. рисунок 5.)

Каждый личностный тип был наиболее близок к своим ближайшим «соседями» по шестиугольнику и максимально отличается от противоположного в шестиугольнике типа личности. Результаты женской выборки наглядно представлены в таблице (см. таблицу 2).

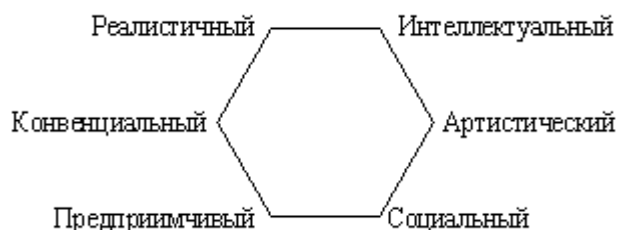

Рисунок 5 – Типы личности по Дж. Холанду

Таблица 2.

Особенности типов личности в выборке женщин

Ведущая карьерная ориентация	Количество респондентов	
	Чел.	%
Реалистический	1	4
Интеллектуальный	3	12
Социальный	10	40
Конвенциональный	5	20
Предприимчивый	2	8
Артистический	4	16

Наглядно видно, что самые высокие показатели (40%) в женской выборке зафиксированы по такому типу личности как «социальный». Для данного сегмента женской выборки характерны коммуникативные способности, толерантность, эмпатия, общительность, аттракция, экстровеитированность, высокая социальная адаптированность, решение задач с основой на эмоционально-чувственную сферу, развитость языковых способностей. Так как в нашем случае в качестве профессиональной среды для реализации своих личностных особенностей всеми респондентами была выбрана сфера «образования», то можно сказать, что почти половина опрошенных женщин сделали правильный выбор профессии. На наш взгляд, педагогическая специальность наилучше всего подходит и соответствует социальному личностному типу.

Несколько неожиданным для нас был тот факт, что на втором месте по популярности выборов у женщин оказался такой личностный тип, как «конвенциональный», который зафиксирован у одной пятой части всех опрошенных женщин (20%). Для данной категории женщин характерны математический склад ума, ригидность и стереотипность мыслительных операций, консерватизм, нормированность и конформность поведения, следование традициям, обязательность, ответственность, пунктуальность. Для данного типа личности выбранная профессиональная сфера «образование» не является удачной, так данному личностному типу больше подходят такие профессиональные области, как «экономическая и логистическая сфера», «деятельность, связанная с числовыми расчетами и обработкой количественных данных», «бухгалтерская и архивная сфера», «сфера делопроизводства». Кроме того, согласно теории Дж. Холланда «конвенциональный» личностный тип не является близким к «социальному», который в нашем случае является наиболее соответствующим профессиональной среде респондентов и имеет ряд значимых различий с ним.

Конечно, современным педагогам в условиях компетентного подхода в образования часто приходится работать с нормативными документами, заниматься деятельностью, связанной с разработкой учебных программ дисциплин и критериев оценки теоретических и практических компетенций обучающихся, с созданием банка тестовых заданий по дисциплинам, но все же социальная направленность личности является фундаментом для успешной профессиональной педагогической деятельности.

Поэтому, мы пришли к выводу о том, что достаточно большое количество женщин (пятая часть респондентов) выбрали в качестве профессиональной среды, ту которая не соответствует их личностным характеристикам и способностям. Возможно полученный результат связан с тем, что в качестве ведущих карьерных ориентаций женщин были выявлены не только «служение», но и «стабильность работы», а в качестве ведущих ценностей категории «саморазвитие» и «карьера» заметно уступают таким ценностям приоритетам как «семья, дети» и «финансовое благополучие».

Кроме того, часть из опрошенных нами женщин работают на кафедре теоретической и прикладной экономики, кафедре бухгалтерского учёта, и кафедре

информатики в составе факультета экономики и управления СибУПК, следовательно они имеют профессиональное образование, связанное с экономической сферой или областью программирования. По результатам проведенной диагностики у 16% женской выборки был выявлен «артистический» тип личности, для которого наиболее соответствующей профессиональной средой является сфера музыкального, изобразительного искусств, литературное творчество, т. е. деятельность, связанная с решением задач, требующих эстетического вкуса и хорошего воображения. При этом, согласно теории Дж. Холланда «артистический» личностный тип является наиболее близким к «социальному», который в нашем случае является наиболее соответствующим профессиональной педагогической деятельности. Следовательно, выбранная респондентами «артистического» типа личности педагогическая профессия является для них достаточно оптимальной и продуктивной.

Промежуточную позицию занимают показатели женщин (12%), у которых был выявлен «интеллектуальный» тип личности, для которого характерны аналитическое мышление, автономность и новизна суждений и умозаключений, сбалансированная развитость лингвистических и математических способностей, критичность ума, широкий круг интересов. Согласно мнению автора диагностической методики Дж. Холланда, данный тип личности не является смежным «социальному», который в нашем случае является максимально соответствующим профессиональной среде респондентов. Для данной категории женщин оптимальной профессиональной средой являются научно-исследовательская область, сфера, связанная с решением абстрактных теоретических задач и генерированием новых идей. Не смотря на то, что в вузовской среде СибУПК созданы условия для реализации научных исследований в различных областях знаний, организация прежде всего является образовательной организацией, поэтому выбор педагогической профессии женщинами «интеллектуального» личностного типа является достаточно спорным моментом.

На предпоследнем месте у женской выборки по числу выборов оказался «предприимчивый» тип личности (8%), для которого характерны лидерство, общественное признание, управление, власть, престиж, минимизация деятельности, которая требует усидчивости, сосредоточенности и двигательной активности. Для данного сегмента женской выборки наиболее соответствующей профессиональной средой является решение проблем, коммуникация и взаимодействие с людьми в сложных и нестандартных ситуациях, требующих способностей разбираться в поведенческих мотивах других людей и прогнозировать их реакции и поступки, т.е. управленческая сфера. При этом, согласно теории Дж. Холланда «предприимчивый» личностный тип является наиболее близким к «социальному», который в нашем случае является наиболее соответствующим профессиональной педагогической деятельности. Следовательно, выбранная респондентами «предприимчивый» типа личности педагогическая профессия является для них достаточно оптимальной и продуктивной и позволяет им достичь успеха в должности руководителя каким-либо отделом в структуре СибУПК.

Наименьшее количество женщин (всего 4%), у которых был выявлен «реалистический тип личности», для которого характерны активность, решительность, упорство, настойчивость, рациональность, практичность, развитость двигательных умений, пространственность воображения, технические способности. Данный тип личности является диаметрально противоположным «социальному», который в нашем случае является максимально соответствующим профессиональной среде респондентов. Для данной категории женщин оптимальной профессиональной средой являются техническая область, сельское хозяйство, транспорт, военная отрасль и т.п. Полученный результат, возможно связан с тем, что часть опрошенных нами женщин является преподавателями кафедры технологии производства и переработки сельскохозяйственной продукции в составе торгово-технологического факультет СибУПК.

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что 24 % (четвертая часть выборки) опрошенных женщин «конвенционального» (20%) и «реалистического» (4%) типа личности вряд ли могут достичь больших успехов в построении своей профессиональной карьеры в педагогической области, так как она кардинально не соответствует их типу личности и имеющимся предпочтениям и способностям. Кроме того, именно эта категория женщин наверняка имеет низкий уровень удовлетворенностью своим трудом и его результатами.

Далее нами были проанализированы результаты мужской выборки исследования по методике Дж. Холланда, которые наглядно представлены ниже (см. таблицу 3).

Таблица 3.

Особенности типов личности в выборке мужчин

Ведущая карьерная ориентация	Количество респондентов	
	Чел.	%
Реалистический	7	28
Интеллектуальный	2	8
Социальный	6	24
Конвенциональный	1	4
Предприимчивый	5	20
Артистический	4	16

Проведенный анализ полученных результатов свидетельствует о наличии высоких показателей у мужчин зрелого возраста, работающих преподавателями в СибУПК по таким личностным типам, как «реалистичный» (28%), «социальный» (24%) и «предприимчивый» (20%). Наглядно видно, что самые высокие показатели (28 %) в мужской выборке зафиксированы по такому типу личности как «реалистический», что превышает показатели женщин в данной категории на 24 %. Для данного сегмента выборки характерны активность, решительность, упорство, настойчивость, рациональность, практичность, развитость двигательных умений, пространственность воображения, технические способности. Данный тип личности является диаметрально противоположным «социальному», который в нашем случае является максимально соответствующим профессиональной среде респондентов. Для данной категории мужчин оптимальной профессиональной средой являются техническая область, сельское хозяйство, транспорт, военная отрасль и т.п. Полученный результат, возможно связан с тем, что часть опрошенных нами мужчин является преподавателями кафедры технологии производства и переработки сельскохозяйственной продукции в составе торгово-технологического факультета СибУПК.

На второй позиции по количеству опрошенных мужчин (24%) находятся представители «социального» типа личности, для которого характерны коммуникативные способности, толерантность, эмпатия, общительность, аттракция, экстрровертированность, высокая социальная адаптированность, решение задач с основой на эмоционально-чувственную сферу, развитость языковых способностей. Так как в нашем случае в качестве профессиональной среды для реализации своих личностных особенностей всеми респондентами была выбрана сфера «образования», то можно сказать, что лишь пятая часть опрошенных мужчин сделали правильный выбор профессии. На наш взгляд, педагогическая специальность наилучше всего подходит и соответствует социальному личностному типу.

На третьем месте по популярности выборов у мужчин оказался такой личностный тип, как «предприимчивый» (20%), для которого характерны лидерство, общественное признание, управление, власть, престиж, минимизация деятельности, которая требует усидчивости, сосредоточенности и двигательной активности. Для

данного сегмента мужской выборки наиболее соответствующей профессиональной средой является решение проблем, коммуникация и взаимодействие с людьми в сложных и нестандартных ситуациях, требующих способностей разбираться в поведенческих мотивах других людей и прогнозировать их реакции и поступки, т.е. управленческая сфера или руководящая должность. При этом, согласно теории Дж. Холланда «предприимчивый» личностный тип является наиболее близким к «социальному», который в нашем случае является наиболее соответствующим профессиональной педагогической деятельности. Следовательно, выбранная респондентами «предприимчивый» типа личности педагогическая профессия является для них достаточно оптимальной и продуктивной и позволяет им достичь успеха в должности руководителя каким – либо отделом (подразделением) в структуре СибУПК.

По результатам проведенной диагностики у 16% мужчин, так же как у женской выборки был выявлен «артистический» тип личности, для которого наиболее соответствующей профессиональной средой является сфера музыкального, изобразительного искусств, литературное творчество, т. е, деятельность, связанная с решением задач, требующих эстетического вкуса и хорошего воображения. При этом, согласно теории Дж. Холланда «артистический» личностный тип является наиболее близким к «социальному», который в нашем случае является наиболее соответствующим профессиональной педагогической деятельности. Следовательно, выбранная респондентами «артистического» типа личности педагогическая профессия является для них достаточно оптимальной и продуктивной.

На предпоследнем месте показатели мужчин (лишь 8%), у которых был выявлен «интеллектуальный» тип личности, для которого характерны аналитическое мышление, автономность и новизна суждений и умозаключений, сбалансированная развитость лингвистических и математических способностей, критичность ума, широкий круг интересов. Согласно мнению автора диагностической методики Дж. Холланда, данный тип личности не является смежным «социальному», который в нашем случае является максимально соответствующим профессиональной среде респондентов. Для данной категории мужчин оптимальной профессиональной средой являются научно-исследовательская область, сфера, связанная с решением абстрактных теоретических задач и генерированием новых идей. Не смотря на то, что в вузовской среде СибУПК созданы условия для реализации научных исследований в различных областях знаний, организация прежде всего является образовательной организацией, поэтому выбор педагогической профессии женщинами «интеллектуального» личностного типа является достаточно спорным моментом.

«Конвенциальный» тип личности, который зафиксирован лишь у 4% (1 чел.) всех опрошенных мужчин, в то время как у женщин данный показатель составил 20%. Для данной категории мужчин характерны математический склад ума, ригидность и стереотипность мыслительных операций, консерватизм, нормированность и конформность поведения, следование традициям, обязательность, ответственность, пунктуальность. Для данного типа личности выбранная профессиональная сфера «образование» не является удачной, так данному личностному типу больше подходят такие профессиональные области, как «экономическая и логистическая сфера», «деятельность, связанная с числовыми расчетами и обработкой количественных данных», «бухгалтерская и архивная сфера», «сфера делопроизводства». Подчеркнем, что согласно теории Дж. Холланда «конвенциальный» личностный тип не является близким к «социальному», который в нашем случае является наиболее соответствующим профессиональной среде респондентов и имеет ряд значимых различий с ним.

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что 40% (почти половина мужской выборки) опрошенных мужчин «реалистического» (28%) «интеллектуального» типа (8%) и «конвенциального» (4 %) типа личности вряд ли могут достичь больших успехов в построении своей профессиональной карьеры в педагогической области, так

как она кардинально не соответствует их типу личности и имеющимся предпочтениям и способностям. Кроме того, именно эта категория мужчин наверняка имеет низкий уровень удовлетворенностью своим трудом и его результатами и превосходит числом женскую выборку на 16%.

В результате изучения главного психологического типа мужчин и женщин зрелого возраста, преподавателей СибУПК были выявлены определенные различия, которые графически представлены на рисунке (см. рисунок 6).

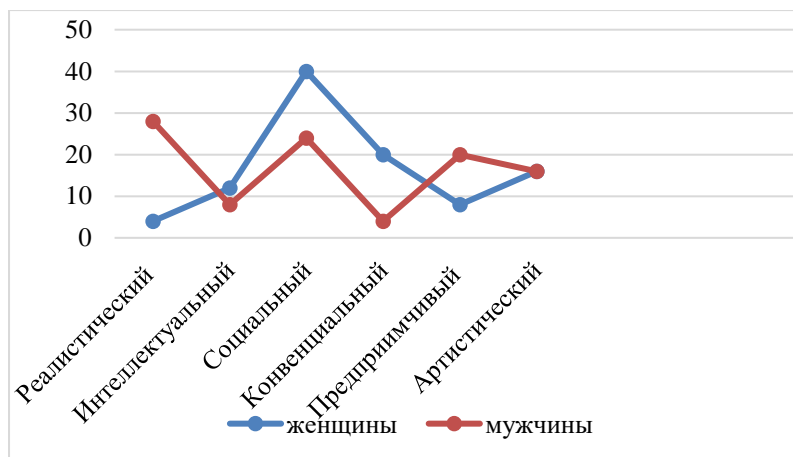

Рисунок 6 – Сравнительная характеристика женских и мужских психологических типов личности

Из данных, представленных на рисунке 6, наглядно видно, что у женщин зрелого возраста, работающих в СибУПК преподавателями, преобладает «социальный» тип личности, а у мужчин «реалистический». Наименее выраженным типом личности в женской выборке является «реалистический» личностный тип, а в мужской – «конвенциональный». Анализируя полученные результаты можно сказать, что респонденты женского пола (76%) более осознанно и удачно выбрали свою профессию, по сравнению с мужчинами (60%). Следовательно, женщины зрелого возраста в составе выборки нашего исследования значительно больше своих коллег мужского пола удовлетворены своей работой и результатами своего труда. Наибольшие расхождения среди мужчин и женщин по показателю ведущего типа личности опрошенного нами контингента среди преподавателей СибУПК были выявлены по следующим типам «реалистический» (разница 24% в пользу мужчин), «конвенциональный» (разница 16% в пользу женщин) и «предприимчивый» (разница 12% в пользу мужчин).

Выводы. Анализ полученных в ходе проведенного исследования данных позволил нам сформулировать основные выводы:

1. Женщины и мужчины зрелого возраста одинаково способны к карьерному росту и в процессе построения карьеры встречают равное количество препятствий и барьеров, считают, что представители обоих полов могут достичь успехов на руководящих должностях, но у женщин существуют больше гендерных стереотипов относительно способностей к руководству трудовым коллективом.

2. Не смотря на то, что в современном мире наблюдается ценностное переориентирование обоих полов, лидирующую ранговую позицию в списке жизненных ценностей, и у мужчин, и у женщин занимает семья и дети.

3. Женщины в зрелом возрасте гораздо менее мужчин нацелены на карьерный рост, а уровень финансового достатка выступает значимой составляющей в жизни представителей обоих полов, следовательно логично предположить, что женщины в большинстве своем стремятся не столько к карьерному росту, сколько к высокой финансовой стабильности.

4. Женщины гораздо чаще мужчин критикуют свою работу и свои действия, действия, склонны замечать в ней даже мелкие недостатки при достижении поставленной цели, что в свою очередь может отрицательно сказываться на построение их карьеры.

5. Большинство женщин зрелого возраста не проявляют большого стремления к карьерному росту, находясь в поиске стабильной работы, не стремятся к самоактуализации и самовыражению, удовлетворяясь лишь малым.

6. У женщин зрелого возраста, работающих в СибУПК преподавателями преобладает «социальный» тип личности, а у мужчин «реалистический», при этом наименее выраженным типом личности в женской выборке является «реалистический» личностный тип, а в мужской- «конвенциальный».

7. Результаты изучения уровня соответствия выбранной профессиональной среды мужчинами и женщинами их типу личности свидетельствуют о том, что представители женского пола более осознанно и удачно выбрали свою профессию, по сравнению с мужчинами и следовательно, женщины зрелого возраста в составе выборки нашего исследования значительно больше своих коллег мужского пола удовлетворены своей работой и результатами своего труда.

8. Гендерная принадлежность оказывает определенное влияние на карьерные ориентации людей в зрелом возрасте в области профессиональной самореализации и соответствия личностного типа личности выбранной ею профессиональной среды.

В целом мы пришли к выводу о том, что ведущие карьерные ориентации в профессиональной самореализации в зрелом возрасте не детерминируются гендерной принадлежностью сотрудников организации, но оказывают на них определенное влияние.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатырёва О.О. Психологические предпосылки карьерного роста // Вопросы психологии. – 2008. – № 3. – С. 92-99.

2. Дубиненко А. А. Ключевые факторы при построении программы развития деловой карьеры сотрудников в современной организации // Молодежная неделя науки ИПМЭИТ : Сборник трудов Всероссийской студенческой научно-учебной конференции, Санкт-Петербург, 02-04 декабря 2021 года. – Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. – С. 178-181.

3. Лачугина Ю.Н. Карьера сотрудника в организации. – Ульяновск: Ул-ГТУ, 2010. – 309 с.

4. Ангел О. Ю. Психология карьеры: как эффективно расти по карьерной лестнице // Педагогика & Психология. Теория и практика. – 2021. – № 5(37). – С. 67-70.

5. Борзова С. В. Модели построения карьерных траекторий выпускников вузов // Неделя науки – 2021: Сборник материалов 42 итоговой научно-технической конференции преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов ДГТУ, Махачкала, 17-22 мая 2021 года. – Махачкала: Типография ФОРМАТ, 2021. – С. 515-517.

6. Зубова А. В. Управление деловой карьерой государственных служащих // Учим управлять и Учимся управлять : сборник научных трудов по материалам VIII Научно-практической конференции школьников, студентов и преподавателей с международным участием, Кемерово, 24 февраля 2022 года / Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева. – Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 2022. – С. 192-195.

7. Варданова М. Д. Социально-психологические факторы, влияющие на успешную карьеру в бизнесе // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 5-9(73). – С. 64-67.

8. Баркова Ю. К. Взаимосвязь управленческого потенциала и когнитивных характеристик руководителей разных уровней управления // Управленческое консультирование. – 2021. – № 5(149). – С. 17-31.

9. Хечиева А. Ц. Проблемы развития карьеры и профессионального роста молодых специалистов в современных социально-экономических условиях // Парадигма. – 2021. – № 1. – С. 169-173.

10. Бицуева М. Г. Разработка системы управления карьерой // Наука, образование и бизнес: новый взгляд или стратегия интеграционного взаимодействия : Сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти первого Президента Кабардино-Балкарской Республики Валерия Мухамедовича Кокова, Нальчик, 20-22 октября 2022 года. – Нальчик: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В.М. Кокова", 2022. – С. 25-29.

11. Сулейманова Э. Д. Психологические особенности личности женщин зрелого возраста с нормальным и избыточным весом сравнительный анализ // Форум молодых ученых. – 2018. – № 5-3(21). – С. 352-359.

12. Брюхова Н. Г. Психология развития и акмеологизация личности зрелого человека // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2011. – № 18. – С. 46-50.

13. Соловьева С. Ю. Ценностные ориентации супругов зрелого возраста // Ворсы психологии. – 2022. – № 21-2(150). – С. 18-21.

14. Моралес-Терентьева Л. М. Гендерные исследования в России XX века и Советском Союзе // Теория и практика современной науки. – 2022. – № 12(90). – С. 176-181.

15. Рудь А.С. Гендер как феномен в политике управления и образовательном менеджменте // Лидерство и менеджмент. – 2018. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gender-kak-fenomen-v-politike-upravleniya-i-obrazovatelnom-menedzhmente> (дата обращения: 19.07.2025).

16. Коростелева Н.А., Никулина Л.С. Влияние гендерных социально - психологических различий на карьерные ориентации выпускников кооперативных вузов // «Кооперация будущего»: материалы научнопрактической конференции Международного молодежного форума (г.Нижний Новгород, 1-2 сентября 2023 г.) / [редкол.:А.Р. Набиева (отв. ред.) и др.]; Российский университет кооперации. – г. Нижний Новгород, 2023. – С.244-252.

УДК 159.922

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Лукьянова Марина Владимировна

Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат психологических наук, доцент,

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Северо-Кавказский социальный институт», г. Ставрополь, Россия

SPIN-код: 3471-9880

Лукьянов Алексей Сергеевич

Доцент кафедры социальной психологии и психологии безопасности, кандидат психологических наук, доцент,

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»,

г. Ставрополь, Россия

SPIN-код: 5505-2824

В статье представлены результаты эмпирического исследования по выявлению особенностей механизмов психологической защиты и копинг-стратегий для подростков с разным уровнем эмоционального интеллекта. Показано, что подростки с высоким уровнем эмоционального интеллекта используют психологические механизмы замещения, отрицания и гиперкомпенсации, со средним уровнем – механизмы регрессии, рационализации и отрицания, с низким уровнем – механизмы вытеснения, проекции и рационализации. Для подростков с высоким уровнем эмоционального интеллекта характерны копинги самоконтроля и поиска социальной поддержки, со средним уровнем – копинги планирования решения проблем и позитивной переоценки, с низким уровнем – копинги конфронтации и бегства-избегания. Сравнительный статистический анализ показал, что для разных уровней эмоционального интеллекта у подростков существуют различия в стратегиях копинга и психологических защитах.

Ключевые слова: *подростки, проблемная ситуация, механизмы психологической защиты, копинг-стратегии, эмоциональный интеллект.*

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL DEFENSE MECHANISMS IN TEENAGERS WITH DIFFERENT LEVELS OF EMOTIONAL INTELLIGENCE

Lukyanova Marina Vladimirovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of social and humanitarian disciplines

Autonomous non-profit organization of higher education «North-Caucasian Social Institute», Stavropol, Russia

Lukyanov Alexey Sergeevich

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Psychology and Psychology of Security,

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «North-Caucasian Federal University», Stavropol, Russia

The article presents the results of an empirical study to identify the features of psychological defense mechanisms and coping strategies for adolescents with different levels of emotional intelligence. It is shown that adolescents with a high level of emotional intelligence use psychological mechanisms of substitution, denial and hypercompensation, with an average level – mechanisms of regression, rationalization and denial, with a low level – mechanisms of repression, projection and rationalization. For adolescents with a high level of emotional intelligence, coping is characterized by self-control and the search for social support, with an average level – coping by planning problem solving and positive reassessment, with a low level – coping by confrontation and escape-avoidance. Comparative statistical analysis showed that for different levels of emotional intelligence of adolescents there are differences in coping strategies and psychological defenses.

Keywords: *adolescents, problematic situation, psychological defense mechanisms, coping-strategies, emotional intelligence.*

Подростковый возраст традиционно характеризуется повышенной эмоциональной чувствительностью и восприимчивостью к различным жизненным ситуациям. В этой связи особую значимость приобретает проблема психологических защит личности у подростков, ведь именно они являются одним из тех способов, которыми снижается уровень психической напряжённости. От того, какую именно психологическую защиту использует подросток, во многом зависит продуктивность его жизни и деятельности, в том числе эффективность его межличностных коммуникаций, которые ввиду особенностей этапа онтогенеза являются принципиально важными для его личностного роста и психического развития в целом. Эмоциональный интеллект, который «отвечает» за управление эмоциональной сферой личности и, в связи с этим, за успешность межличностного взаимодействия, очевидным образом может для подростка быть важнейшим фактором дифференциации реализуемых им способов и средств успешного поведения, которые выражаются прежде всего в используемых психологических защитах и стратегиях поведения в стрессовых ситуациях (копинг-стратегиях). В связи со сказанным, актуальным, на наш взгляд, представляется исследование особенностей механизмов психологической защиты и копингов у подростков с разным уровнем эмоционального интеллекта.

Подростковый возраст исследуется разными авторами – Г.С. Абрамовой [1], А.А. Реаном [2], Д.И. Фельдштейном [3] и мн. др. Эмоциональный интеллект изучался и изучается в отечественной (И.Н. Андреева [4], Д.В. Люсин, Д.В. Ушаков [5] и др.) и зарубежной науке (Д. Гоулман [6], Д. Карузо, П. Саловей [7] и др.). Копинги и психологические защиты становились предметом интереса Р.М. Грановской [8], А.В. Котеневой [9], Н. Мак-Вильямс [10] и др.

Несмотря на то, что проблемы эмоционального интеллекта, психологических защит и копингов как отдельных феноменов достаточно активно исследовались в психологии, в том числе для подросткового возраста, анализ их взаимосвязи ещё не стал объектом пристального внимания учёных, чем и обуславливается актуальность исследования, результаты которого на эмпирическом уровне представлены в данной статье.

Таким образом, цель данной работы – выявить наличие особенностей копинг-стратегий и психологических защит у подростков с разным уровнем эмоционального интеллекта.

Исследование проводилось на базе МАОУ лицей № 17 г. Ставрополя. В качестве испытуемых выступили ученики 9-10-х классов в возрасте 15-16 лет в количестве 57 человек. Все они были проинформированы о цели и задачах данного исследования и дали добровольное согласие на участие в нём.

Методики исследования включали в себя опросник «Индекс жизненного стиля» (авторы Р. Плутчик, Г. Келлерман и Х. Конте), опросник «Способы совладающего поведения» (автор – Р. Лазарус и С. Фолкман) и тест «Методика исследования эмоционального интеллекта подростков» (авторы – А.В. Садокова и П.М. Воронкина). Для подтверждения достоверности полученных результатов были использованы статистические методы: корреляционный анализ и критерий сравнения групп Н Крускала-Уоллиса.

Результаты исследования показали следующее.

Реализации методики на эмоциональный интеллект (далее – ЭИ) позволила выделить три группы респондентов – с низким (21,1%), средним (49,1%) и высоким (29,8%) уровнем ЭИ соответственно. Это распределение мы взяли за основу для описания особенностей психологических защит и копингов, специфичных для каждой из групп.

По методике на психологические защиты личности результаты представлены на рисунке 1.

Источник: Составлено автором на основании полученных собственных эмпирических данных

Рисунок 1 – Результаты диагностики выраженности психологических защит личности на выборке подростков (средний балл)

Как видно на рисунке 1, для группы подростков с высоким уровнем эмоционального интеллекта более остальных характерно активное использование замещения, отрицания и гиперкомпенсации. То есть эти подростки зачастую перенаправляют собственные эмоции и активности с того объекта, на который они не могут направить их в силу определённых обстоятельств, на другой, более приемлемый для этого объект. Также они зачастую, используя отрицание, отказываются от принятия какой-либо реальной информации. Их реальность искажается, чтобы неприятные ощущения не нанесли травму психике. Также стоит отметить, что подростки, имеющие высокий уровень эмоционального интеллекта, часто используют гиперкомпенсацию, выражающуюся в совладании с собственными негативными эмоциями и чувствами посредством чрезмерного развития в чём-либо другом. Для подростков со средним уровнем эмоционального интеллекта характерно использование регрессии, рационализации и отрицания. Так, подростки из этой группы в тревожных и травмирующих для них ситуациях обращаются к более ранним формам реагирования, они пытаются упростить ситуацию и используют наиболее простые поведенческие варианты преодоления конфликтных ситуаций. В другом случае они могут, наоборот, рационализировать ситуацию, прибегая к детальному анализу проблемы и ситуации и формированию решения на этой основе. Для

ощущения собственного спокойствия они создают всё, чтобы взять контроль над ситуацией в свои руки, рассуждая о самой ситуации. И так же, как и респонденты первой группы, они применяют отрицание как психологическую защиту, отказываясь от принятия какой-либо реальной информации. Для подростков с низким уровнем эмоционального интеллекта характерно использование вытеснения, проекции и рационализации. Так, эти подростки ввиду слабого умения распознавать и управлять эмоциональным состоянием подавляют возникающие поведенческие и аффективные реакции, стремятся объяснить своё поведение и поведение других, прибегая к разного рода интеллектуализациям, при этом они склонны к интерпретации своего и чужого поведения на основании разного рода проективных образований, будь то атрибутивная, симулятивная, комплементарная или иные виды проекции.

На рисунке 2 представлены результаты диагностики по методике Р. Лазаруса на копинг-стратегии.

Источник: Составлено автором на основании полученных собственных эмпирических данных

Рисунок 2 – Результаты диагностики выраженности стратегий совладающего поведения на выборке подростков (средний балл)

Как видно на рисунке 1, для группы подростков с высоким уровнем эмоционального интеллекта наиболее выражены копинги «самоконтроль» (44,3 ед.) и «соцподдержка» (37,8 ед.), наименее представлены «бегство-избегание» (12,9 ед.) и «конфронтация» (13,5 ед.). То есть эти респонденты склонны искать возможность использования внешних ресурсов (эмоциональных, когнитивных) для разрешения проблемной ситуации, они ориентированы на социальное взаимодействие, понимание, сочувствие и эмпатию, избегают по возможности эмоциональных импульсивных поступков, предпочитая рациональный подход к проблемным ситуациям; при этом они не уклоняются от рефлексии негативных ситуаций и не вступают в активное нецеленаправленное противодействие им. Для группы подростков со средним уровнем эмоционального интеллекта наиболее выражены копинги «планирование» (43,6 ед.) и «переоценка» (33,2 ед.), наименее – копинг «бегство-избегание» (15,6 ед.). То есть эти респонденты ищут возможность для преодоления проблемы за счёт целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, с учётом имеющихся опыта и ресурсов, они рассматривают проблему как стимул для личностного роста; при этом у этих подростков, как у подростков первой группы, нет стремления к уклонению от рефлексии над проблемной ситуацией. Для группы подростков с низким уровнем эмоционального интеллекта наиболее выраженными являются копинги «конфронтация» (42,6 ед.) и

«бегство-избегание» (36,7 ед.), наименее – копинг «ответственность» (12,3 ед.). То есть эти подростки импульсивны при оценке проблемной ситуации, иногда враждебны, с трудом планируют действия, часто уклоняются от оценки и переоценки своих поведения и деятельности в проблемной ситуации и стараются вообще её избегать, слабо рефлексировать над пониманием личной роли в возникновении актуальных трудностей.

В ходе математико-статистической обработки результатов мы решали две задачи: а) выявление связи между параметрами эмоционального интеллекта, копингов и психологических защит; б) обнаружение различий между группами, сформированными по критерию эмоционального интеллекта, по параметрам копингов и психологических защит.

Результаты решения первой задачи – в таблице 1 (использован критерий корреляции ро-Спирмена).

Таблица 1

**Связь эмоционального интеллекта,
психологических защит и копинг-стратегий на выборке подростков**

Шкалы	Общий уровень эмоционального интеллекта
Психологические защиты	
Вытеснение	-0,648**
Регрессия	0,234
Отрицание	-0,150
Замещение	0,214
Проекция	0,121
Компенсация	-0,322
Гиперкомпенсация	0,113
Рационализация	-0,578*
Копинг-стратегии	
Конфронтация	-0,671**
Дистанцирование	0,415
Самоконтроль	0,752**
Бегство-избегание	0,186
Соцподдержки	0,819**
Ответственность	0,347
Планирование	0,163
Переоценка	0,521*

Примечание: * – уровень значимости p меньше 0,05; ** – уровень значимости p меньше 0,01

Как видно в таблице 1, получены значимые связи эмоционального интеллекта со следующими параметрами:

- обратные связи с психологическими защитами «вытеснение» ($r=-0,648$) и «рационализация» ($r=-0,578$); то есть чем более подросток склонен к управлению своей эмоциональной сферой, может транслировать свои разнообразные эмоции и распознавать чужие (как выражение эмоционального интеллекта), тем с меньшей вероятностью он прибегает к подавлению неприемлемых для него чувств, мыслей, желаний, импульсов, вызывающих тревогу, и тем с меньшей вероятностью он создаёт логические благовидные (но квазиадекватные) обоснования своего или чужого поведения, действий или переживаний, вызванных проблемной ситуацией;

- обратная связь с копингом «конфронтация» ($r=-0,671$) и прямые связи с копингами «самоконтроль» ($r=0,752$), «соцподдержка» ($r=0,819$) и «переоценка» ($r=0,521$); то есть чем больше у подростка проявляется способность к эмоциональной

зрелости как концентрации эмоционального интеллекта, тем с меньшей вероятностью он в качестве способа совладания будет использовать неадаптивную и нецеленаправленную стратегию противостояния трудностям, но с большей вероятностью будет пользоваться средствами целенаправленного сдерживания и подавления эмоций, использовать ресурсы внешней среды для разрешения проблемной ситуации и позитивно переосмысливать её.

Вторая задача математико-статистической обработки решалась с использованием критерия сравнения групп Н Крускала-Уоллиса. Результаты – в таблице 2.

Таблица 2

Сравнительный статистический анализ групп респондентов с разным уровнем ЭИ по психологическим защитам и копинг-стратегиям

Шкалы	хи-квадрат	df	p-уровень
Психологические защиты			
Вытеснение	4,567	2	>0.05
Регрессия	15,678	2	<0.05
Отрицание	6,789	2	>0.05
Замещение	12,345	2	<0.05
Проекция	13,123	2	<0.05
Компенсация	4,890	2	>0.05
Гиперкомпенсация	6,456	2	>0.05
Рационализация	5,678	2	>0.05
Копинг-стратегии			
Конфронтация	24,234	2	<0.05
Дистанцирование	6,123	2	>0.05
Самоконтроль	17,890	2	<0.05
Соцподдержка	15,901	2	<0.05
Ответственность	6,345	2	>0.05
Бегство-избегание	24,789	2	<0.05
Планирование	19,123	2	<0.05
Переоценка	5,457	2	>0.05

Как видно в таблице 2, различия между группами респондентов, разделённых по уровню ЭИ, выявлены для психологических защит по шкалам «регрессия», «замещение», «проекция», а для копинг-стратегий – по шкалам «конфронтация», «самоконтроль», «соцподдержка», «бегство-избегание» и «планирование» ($p < 0.05$). То есть в зависимости от принадлежности подростка к группе с высоким либо средним или низким эмоциональным интеллектом механизмы защиты будут разными и выбор стратегий совладания будет отличаться.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что существуют различия между подростками с разным уровнем эмоционального интеллекта в механизмах психологической защиты и копингах. Так, подростки с высоким уровнем эмоционального интеллекта используют психологические механизмы замещения, отрицания и гиперкомпенсации, со средним уровнем – регрессии, рационализации и отрицания, с низким уровнем – вытеснения, проекции и рационализации. Для подростков с высоким уровнем эмоционального интеллекта характерны копинги самоконтроля и поиска социальной поддержки, со средним уровнем – копинги планирования решения проблем и позитивной переоценки, с низким уровнем – копинги конфронтации и бегства-избегания. Наиболее яркие различия выявлены для психологических защит по шкалам «регрессия», «замещение», «проекция», а для копинг-стратегий – по шкалам «конфронтация», «самоконтроль», «соцподдержка», «бегство-избегание» и «планирование». Общий

уровень эмоционального интеллекта связан с защитами «вытеснение» и «рационализация» и с копингами «конфронтация», «самоконтроль», «поиск социальной поддержки» и «позитивная переоценка».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова Г. С. Возрастная психология / Г. С. Абрамова. – М. 2023. – 702 с.
2. Реан А. А. Психология человека от рождения до смерти / А. А. Реан. – М., 2022. – 656 с.
3. Фельдштейн Д. И. Мир Детства в современном мире (проблемы и задачи исследования) / Д. И. Фельдштейн. – М., 2013. – 335 с.
4. Андреева И. Н. Об истории развития понятия «эмоциональный интеллект» / И. Н. Андреева // Вопросы психологии. – 2008. – № 5. – С. 83–95.
5. Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М., 2004. – 176 с.
6. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / Д. Гоулман; пер. с англ. А.П. Исаевой; науч. ред. Е. Ефимова. – 11-е изд., перераб. и доп. – М., 2021. – 512 с.
7. Карузо Д. Эмоциональный интеллект руководителя. Как развивать и применять / Д. Карузо, П. Сэлоуэй. – СПб., 2017. – 320 с.
8. Грановская Р. М. Защита личности: психологические механизмы / Р. М. Грановская, И. М. Никольская. – СПб., 2019. – 352 с.
9. Мак-Вильямс Н. Защитные механизмы / Н. Мак-Вильямс. – М., 2015. – 480 с.
10. Котенева А. В. Психологическая защита личности / А. В. Котенева. – М., 2013. – 562 с.

УДК 159.923.2

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ, ПЕРЕЖИВШИХ ТЯЖЕЛЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ СИТУАЦИИ

Суворова Татьяна Александровна

Старший преподаватель. Аспирант

УО Белорусский государственный университет транспорта, г. Гомель,
Республика Беларусь

Новак Наталья Геннадьевна

Научный руководитель, Кандидат психологических наук, доцент,

Гомельский государственный университет

имени Франциска Скорины, Республика Беларусь

Изучение ценностных ориентаций молодежи, преодолевшей трудные жизненные ситуации, является важной задачей психологической науки, так как позволяет понять механизмы адаптации и посттравматического роста личности. В данной статье отражены основные теоретическо-методологические аспекты ценностных ориентаций. Охарактеризовано понятие трудной жизненной ситуации. В эмпирическом исследовании о наличии статистически значимых различий в структуре ценностных ориентаций между двумя группами применен *t*-критерий Стьюдента для независимых выборок. Для определения практической значимости выявленных различий был рассчитан размер эффекта (*d* Коэна). Для оценки взаимосвязей между ценностными ориентациями в каждой группе вычислен коэффициент корреляции Пирсона (*r*). Исследование проводилось с помощью анкетирования и методики ш. Шварца, выявлены особенности ценностных ориентаций молодежи с опытом преодоления в сравнении с молодежью, не имеющей такого опыта, на уровне выраженности ценностей и структуры их взаимосвязей.

Ключевые слова: ценностные ориентации личности, трудная жизненная ситуация, трансформация ценностной сферы, опросник ценностных ориентаций Ш.Шварца.

FEATURES OF THE VALUE ORIENTATIONS OF YOUNG PEOPLE WHO HAVE EXPERIENCED DIFFICULT LIFE SITUATIONS

Suvorova Tatyana Aleksandrovna

Senior Lecturer. Postgraduate student

Educational Institution of the Belarusian State University of Transport, Gomel,
Republic of Belarus

Novak Natalya Gennadyevna

Scientific director,

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

Gomel State University named after Francisk Skaryna, Republic of Belarus

The study of the value orientations of young people who have overcome difficult life situations (DLS) is an important task of psychological science, as it allows you to understand the mechanisms of adaptation and post-traumatic growth of the personality. This article

reflects the main theoretical and methodological aspects of value orientations. The concept of a difficult life situation is characterized. An empirical study on the presence of statistically significant differences in the structure of value orientations between the two groups used the Student's t-test for independent samples. To determine the practical significance of the differences identified, the effect size (Cohen's d) was calculated. To evaluate the relationships between the value orientations in each group, the Pearson correlation coefficient (r) is calculated. The study was carried out using a questionnaire and the methodology of Schwartz, the features of the value orientations of young people with experience of overcoming DLS in comparison with young people who do not have such experience, at the level of the expression of values and the structure of their relationships, have been identified.

Keywords: *value orientations of personality, difficult life situation, transformation of the value sphere, questionnaire of value orientations of Sh. Schwartz.*

Ценностные ориентации играют ключевую роль в формировании личности и определении её поведения в обществе. Исследование проблемы трансформации ценностей под воздействием травмирующих событий, в условиях современного мира, характеризующегося высокой степенью неопределённости, частыми кризисами, динамичным информационным потоком является наиболее актуальной и требует изучения. Молодёжь, находясь на этапе активного формирования жизненных принципов, особенно сензитивна к внешним воздействиям. Понимание того, как трудная жизненная ситуация влияет на систему ценностей, может помочь в разработке программ поддержки и адаптации молодёжи.

Научная значимость исследования заключается в анализе влияния трудной жизненной ситуации на ценностные ориентации молодёжи. Исследование этой проблемы позволяет выявить практические аспекты, которые могут быть использованы в социальной и психологической работе.

Целью данного исследования является выявить особенности ценностных ориентаций молодёжи, с опытом преодоления трудной жизненной ситуации и молодежи, не пережившей травматические жизненные события. Исследование с помощью анкетирования и опросника Ш. Шварца для оценки ценностей и их динамики направлено на выявление различий в структуре и приоритетах ценностей, а также анализ факторов, способствующих этим изменениям.

Для достижения цели исследования задачи определены в соответствии со структурой исследования: 1) теоретическую часть, задача которой изучить основные подходы к проблеме ценностных ориентаций молодежи с опытом преодоления трудной жизненной ситуации; 2) задача методологической части – сбор и анализ данных с помощью анкеты и опросника ценностных ориентации Ш. Шварца; 3) эмпирическая часть, включает задачу проведения сравнительного анализа результатов диагностики ценностных ориентаций группы молодежи с опытом преодоления трудной жизненной ситуации и не имеющих данного опыта; 4) разработать рекомендации для программ поддержки молодёжи.

Теоретические основы ценностных ориентаций. Ценностные ориентации представляют собой систему убеждений, которая определяет предпочтения человека, его жизненные цели и приоритеты. Этот термин впервые был введен в научный оборот в начале XX века благодаря работам таких социологов, как М. Вебер и Э. Дюркгейм. Ценностные ориентации отражают как индивидуальные особенности личности, так и влияние общества, в котором человек живет. Они формируются под воздействием множества факторов, включая культурные нормы, воспитание и личный опыт, определяя мировоззрение, поведение и жизненные цели. Они тесно связаны с психологическим благополучием, уровнем удовлетворенности жизнью и социальным поведением. Люди, чьи ценности совпадают с их действиями и окружением, чаще испытывают удовлетворение и гармонию. Д. М. Русакова подчеркивает, что

«ценностные ориентации современной молодежи... судьба страны определенно зависит от того, какие ценности и ценностные ориентации распространены в сознании молодежи» [1].

Существует множество теоретических подходов к изучению ценностных ориентаций, которые отражены в работах зарубежных и отечественных ученых: Ш. Шварц, К. Роджерс, А. Маслоу, Э. Эриксон, С.Л. Роналд, А.А. Лурия, Д.А. Леонтьев, К. Муздыбаев, С.Л. Рубинштейн, М.С. Яницкий, К. А. Абульханова-Славская, А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, А. В. Брушлинский, Ф. Е. Василюк, В. В. Занков, В. И. Чупров, Н. Г. Малошонок и др. Одним из ключевых является теория универсальных человеческих ценностей, разработанная Ш. Шварцем. В рамках этой теории выделяются десять категорий ценностей, таких как комфортность, самостоятельность, достижения, безопасность, гедонизм, власть, универсализм, традиции, доброта, стимуляция. Эти категории представляют собой универсальные принципы, которые можно обнаружить в различных культурах, что делает теорию Ш. Шварца полезным инструментом для кросс-культурных исследований.

На формирование ценностных ориентаций влияют как социальные, так и индивидуальные факторы. Ценности могут изменяться в зависимости от жизненных обстоятельств и значительных событий, таких как трудные жизненные ситуации (ТЖС). В этом контексте ценности играют ключевую роль в психологии личности, существенно влияя на её взаимоотношения с собой и с внешним миром, а также определяя множество других психологических, социальных и поведенческих аспектов человека [2]. Трудная жизненная ситуация (ТЖС) представляет собой ситуации, вызывающие сильный стресс и способные иметь длительные последствия для психического и физического здоровья человека. По данным Всемирной организации здравоохранения, около 70% людей хотя бы раз в жизни сталкивались с такими событиями. К ним относятся природные катастрофы, насилие, потеря близких или серьезные болезни. Эти ситуации часто вызывают чувство утраты контроля и безопасности, что делает их особенно значимыми для формирования ценностных ориентаций. Травматические события оказывают влияние на ценностные ориентации, изменяя восприятие мира и себя в нем. Они могут приводить к переосмыслению жизненных приоритетов, акцентируя внимание на таких ценностях, как безопасность, традиции и добросердечие. По мнению Ш. Шварца, после переживания травмирующей ситуаций у людей часто возрастает значимость ценностей, связанных с сохранением стабильности и защитой. Вместе с тем, в последнее время наблюдается заметное снижение нравственности молодежи, что проявляется в смещении ценностных ориентиров с духовных на материальные.

Молодежь, пережившая ТЖС, часто демонстрирует изменения в ценностных приоритетах. Эти изменения могут быть как временными, так и долгосрочными, в зависимости от степени травматизации и наличия поддержки.

Социальное окружение играет ключевую роль в восстановлении ценностных ориентаций как в процессе, так и после переживания трудной жизненной ситуации. Поддержка со стороны семьи, друзей и общества в целом способствует снижению последствий травматического опыта и помогает людям переосмысливать свои ценности. Наличие социальной поддержки уменьшает вероятность развития посттравматического стрессового расстройства и ускоряет процесс адаптации. При этом важно учитывать, что отсутствие социальной поддержки может иметь негативные последствия. Как отмечает Н. Ю. Ключева, у бездомных людей с увеличением времени пребывания на улице наблюдается примитивизация форм деятельности и общения, что приводит к инволюции мотивационно-смысловой и социально-ролевой сфер внутреннего мира человека. Таким образом, социальные связи имеют решающее значение для поддержания психического здоровья и адаптации после травматических событий.

Основные результаты

В исследовании приняли участие 90 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет ($M = 21,3$; $SD = 1,8$), которые были разделены на две группы на основании наличия или отсутствия опыта преодоления трудной жизненной ситуации (ТЖС). Первую группу ($n = 54$) составили респонденты, не переживавшие травматические жизненные события. Во вторую группу ($n = 36$) вошли респонденты, имеющие подтвержденный опыт преодоления ТЖС. Поскольку в этот период происходит трансформация личностных структур и активное становление ценностных ориентаций, которые подвержены влиянию различных жизненных обстоятельств прошлого и настоящего. Критерии отбора участников включали возрастные ограничения, наличие или отсутствие опыта переживания ТЖС, а также готовность участвовать в исследовании на добровольной основе. Для определения принадлежности к группе, пережившей ТЖС, использовалась анкета, включающая вопросы о жизненных событиях, таких как утрата близких, серьезные заболевания, перенесенное насилие психологического и физического характера, включая сексуальное, стихийные бедствия и другие. Участники, не имевшие подобных переживаний, составляли контрольную группу. Такой подход обеспечивает четкость и объективность разделения на группы, что важно для достоверности результатов.

Социально-демографические характеристики выборки включают пол, уровень образования, место проживания и семейное положение. Выборка была сформирована с целью отражения разнообразия этих характеристик, что способствует репрезентативности исследования. В нее вошли юноши и девушки, проживающие в городах и сельской местности с различными социальными статусами семей, а также сироты. Это позволяет учитывать влияние различных социальных факторов на ценностные ориентации участников.

Репрезентативность выборки обеспечивается соответствием ее характеристик общей популяции молодежи, что достигается за счет учета ключевых параметров, таких как возраст, пол и социальный статус участников.

Для изучения ценностных ориентаций молодежи в данном исследовании использовался опросник Ш. Шварца адаптированный В.Н. Карандашевым, который состоит из двух частей: в первой части представлен список ценностей как руководящий принцип жизни, 57 пунктов; вторая часть – профиль личности как «я-реальное» и «я-идеальное», 40 пунктов; разделенных на 10 категорий базовых ценностей. Опросник позволяет количественно оценить предпочтения участников по каждой из категорий, определить приоритетные ценности для каждой из групп.

Опросник ценностных ориентаций Ш. Шварца, разработан в 1992 году, является инструментом для изучения ценностных ориентаций и их структуры, основанным на теории универсальных человеческих ценностей, которые являются основополагающими для всех культур. Основная цель методики заключается в выявлении иерархии ценностей и их взаимосвязей, что позволяет глубже понять мотивацию поведения человека.

В рамках исследования для проверки гипотезы о наличии статистически значимых различий в структуре ценностных ориентаций между двумя группами применен t-критерий Стьюдента для независимых выборок. Для определения практической значимости выявленных различий был рассчитан размер эффекта (d Коэна), где величина $d \approx 0,2$ интерпретировалась как малый эффект, $d \approx 0,5$ – средний, $d \approx 0,8$ – большой. Уровень статистической значимости установлен на отметке $p < 0,05$. Все расчеты проведены с использованием программного пакета SPSS 26.0. Для оценки взаимосвязей между ценностными ориентациями в каждой группе был вычислен коэффициент корреляции Пирсона (r). Уровень статистической значимости был установлен на отметке $p < 0,05$ и $p < 0,01$. Эти методы обеспечивают надежность и точность полученных результатов.

Сравнительный анализ ценностных профилей молодежи с различным опытом преодоления ТЖС выявил наличие статистически значимых различий по трем из десяти базовых ценностей. Результаты анализа представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ ценностных ориентаций у молодежи с опытом преодоления ТЖС и без него (t-критерий Стьюдента)

Ценностная ориентация	Не пережившие ТЖС (n=54)		Пережившие ТЖС (n=36)		t	p	d
	M	SD	M	SD			
1. Конформизм	4,99	1,32	4,15	1,51	2,84	0,006	0,59
2. Традиции	3,89	1,58	2,89	1,65	2,95	0,004	0,62
3. Доброта	5,04	1,39	4,72	1,40	1,06	0,292	0,22
4. Универсализм	4,24	1,30	3,97	1,15	1,02	0,312	0,21
5. Самостоятельность	4,98	1,33	5,06	0,94	-0,32	0,753	-0,07
6. Стимуляция	3,71	1,22	3,33	1,93	1,11	0,271	0,23
7. Гедонизм	5,40	1,21	5,06	1,56	1,12	0,267	0,24
8. Достижения	5,32	1,45	4,74	1,31	1,93	0,057	0,41
9. Власть	4,48	1,33	3,60	1,65	2,70	0,008	0,57
10. Безопасность	5,19	1,11	4,94	1,14	1,04	0,303	0,22

Примечание: статистически значимые различия ($p < 0,05$) выделены жирным шрифтом

Как видно из данных Таблицы 1, у респондентов, не переживавших ТЖС, статистически значимо выше выражены ценности Конформизма ($t = 2,84$; $p = 0,006$), Традиций ($t = 2,95$; $p = 0,004$) и Власти ($t = 2,70$; $p = 0,008$). Размер эффекта (d Коэна) для всех выявленных различий является средним, что указывает на их практическую значимость (d от 0,57 до 0,62).

Статистически значимых различий по таким ценностям, как Доброта, Универсализм, Самостоятельность, Стимуляция, Гедонизм, Достижения и Безопасность, выявлено не было ($p > 0,05$). Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить специфику ценностных ориентаций у молодежи с опытом преодоления трудных жизненных ситуаций.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что травматический опыт не приводит к тотальной трансформации ценностно-мотивационной сферы личности. Об этом говорит отсутствие значимых различий по семи из десяти базовых ценностей, что указывает на общность базовых гуманистических и направленных на саморазвитие ориентиров (Доброта, Универсализм, Самостоятельность, Гедонизм) в молодежной среде, независимо от пережитого опыта.

Вместе с тем выявленные различия являются релевантными и позволяют описать специфику группы, преодолевшей ТЖС. Значимо более низкие показатели по ценностям Конформизма (следование социальным нормам) и Традиций (уважение обычаев, скромность, умеренность) могут интерпретироваться как следствие дезинтеграции привычного социального контекста в период переживания кризиса. Травматический опыт, способствует пересмотру и большей субъективации правил и норм, которые в группе без данного опыта воспринимаются как более безусловные и внешне заданные.

Не менее показательным является снижение значимости ценности Власти (достижение социального статуса, контроля над людьми и ресурсами). Это может свидетельствовать о смещении фокуса с внешних атрибутов успеха и социального доминирования на внутренние критерии благополучия и построения отношений после перенесенной психологической травмы.

Таким образом, опыт преодоления ТЖС оказывает избирательное влияние на ценностную сферу молодежи, преимущественно снижая значимость ценностей, связанных с социальным одобрением, иерархией и сохранением традиционного уклада. Полученные результаты согласуются с положениями теорий

посттравматического роста, предполагающими переоценку жизненных приоритетов и смещение акцента с социоцентрических на более персонализированные ценности.

На структурном уровне (корреляционный анализ) были выявлены более глубокие системные различия. В группе без опыта ТЖС структура взаимосвязей между ценностями в целом соответствует теоретической модели Ш. Шварца с ожидаемыми паттернами. Однако в группе, пережившей ТЖС, ценность «Безопасность» приобретает качественно новую, системообразующую роль, демонстрирует статистически значимые связи не только с ценностями сохранения (Конформизм, Традиции), но и с ценностями самопреодоления (Доброта, Универсализм) и самоутверждения (Достижения, Власть).

Опыт преодоления ТЖС приводит к комплексной трансформации ценностно-смысловой сферы личности, которая проявляется на двух взаимодополняющих уровнях:

1) Содержательном (вертикальная структура): Снижение значимости ценностей, связанных с внешним социальным соответствием и иерархией (Конформизм, Традиции, Власть).

2) Структурном (горизонтальная структура): Глубокая системная перестройка и консолидация ценностной системы вокруг ключевой потребности в Безопасности, которая становится интегрирующим ядром, связывающим ранее слабо связанные ценностные сферы.

Данная структурная перестройка, выражающаяся в усилении и расширении корреляционных связей Безопасности с другими ценностями, может рассматриваться как проявление адаптивного механизма и посттравматического роста, направленного на восстановление целостности личности, обретение новой внутренней опоры и построение более интегрированной и последовательной жизненной стратегии после перенесенного кризиса.

Таким образом, полученные результаты расширяют понимание психологических последствий трудных жизненных ситуаций, они затрагивают не только отдельные элементы, но и архитектуру всей ценностно-мотивационной системы личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русакова Д.М. Ценностные ориентации современной молодежи / Д. М. Русакова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2018. – Т. 9. – №1, <https://sfk-mn.ru/PDF/06SCSK118.pdf> (доступ свободный).
2. Ходырев А.М. Современный взгляд на категорию «ценностей» / А.М. Ходырев // Ярославский педагогический вестник. – 2023. – №5 (134).
3. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л.И. Анцыферова // Психол. журн. – 1994. – № 1. – С. 3-19.
4. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В.Н. Карандашев // СПб.: Речь. – 2004. – 70 с.
5. Молчанов С.В. Особенности ценностных ориентаций личности в подростковом и юношеском возрастах / С.В. Молчанов // Психологическая наука и образование. – 2005. – Т. 10. – № 3. С. 16–25.
6. Морозов А. А. Анализ концепции ценностей Шварца Ш. / А.А. Морозов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. – Социология. Педагогика. Психология. – 2024. – Т.10 (76). – №2. С.3-12.
7. Кисельникова Н.В. Методологические проблемы измерения ценностей и ценностно-ориентированного поведения человека // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 20–33.
8. Козлов Н. И. Психология трудной жизненной ситуации / Н. И. Козлов // М: Издательство МГУ, 2005. – 210 с.

9. Мудрик А. В. Стратегии преодоления трудных жизненных ситуаций. / А. В. Мудрик // Психология и жизнь. – 1998. – № 2. – С. 23-30.
10. Василюк Ф. Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций / Ф. Е. Василюк // М: Издательство МГУ, 1984. – 200 с.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

УДК 159.99

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ

Жемерикина Юлия Игоревна

Доцент, кандидат психологических наук, доцент

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «МИРЭА – Российской технологический университет», Москва, Россия

SPIN-код 1275-4095

Войтикова Марина Андреевна

Ведущий научный сотрудник, кандидат психологических наук

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», Москва, Россия

SPIN-код 9041-6313

В условиях стремительного технологического развития, цифровой трансформации производства и усиления глобальной конкуренции проблема профессиональной конкурентоспособности инженерных кадров приобретает особую актуальность. Современные инженеры сталкиваются с необходимостью адаптации к быстро меняющимся технологическим требованиям, освоения новых цифровых инструментов и методов работы, что предъявляет повышенные требования к их психологическим характеристикам. Несмотря на значительное внимание к вопросам технической подготовки специалистов, психологические аспекты их профессиональной конкурентоспособности остаются недостаточно изученными.

Цель исследования заключается в систематическом анализе и обобщении существующих теоретических подходов к изучению психологических факторов профессиональной конкурентоспособности инженерных кадров, выявлении ключевых концептуальных основ и разработке интегративной теоретико-методологической модели исследования данного феномена.

В статье осуществляется критический анализ основных теоретических концепций профессиональной конкурентоспособности в контексте инженерной деятельности, рассматриваются различные подходы к выделению психологических детерминант успешности технических специалистов, анализируются методологические принципы изучения данного феномена. Особое внимание уделяется интеграции классических теорий профессиональной психологии с современными концепциями, учитывающими специфику цифровой трансформации инженерной деятельности.

Теоретическая значимость исследования состоит в систематизации и концептуализации разрозненных теоретических подходов к изучению психологических факторов конкурентоспособности инженеров, что создает методологическую основу для дальнейших эмпирических исследований. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных теоретических обобщений для разработки научно обоснованных программ развития инженерных кадров, совершенствования

системы профессиональной подготовки и создания инструментов психологической диагностики профессиональной пригодности в технических специальностях.

Ключевые слова: профессиональная конкурентоспособность, инженерная деятельность, психологические детерминанты, теоретико-методологические подходы, техническое мышление, цифровая трансформация, психология труда.

CONCEPTUAL APPROACHES TO THE STUDY OF PSYCHOLOGICAL FACTORS IN THE COMPETITIVENESS OF ENGINEERING PERSONNEL

Zhemerikina Yulia Igorevna

Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences (PhD in Psychology)
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "MIREA – Russian Technological University", Moscow, Russia

Voytikova Marina Andreevna

Leading Researcher, Candidate of Psychological Sciences (PhD in Psychology)
Federal State Budget Scientific Institution "Federal Scientific Center for Psychological and Multidisciplinary Research", Moscow, Russia

In the context of rapid technological development, digital transformation of production, and intensifying global competition, the issue of professional competitiveness of engineering personnel has become particularly relevant. Modern engineers face the need to adapt to rapidly evolving technological requirements and to master new digital tools and working methods, which places increasing demands on their psychological characteristics. Despite significant attention being paid to the technical training of specialists, the psychological aspects of their professional competitiveness remain insufficiently explored.

The aim of the study is to conduct a systematic analysis and synthesis of existing theoretical approaches to the study of psychological factors influencing the professional competitiveness of engineering personnel, to identify key conceptual foundations, and to develop an integrative theoretical and methodological model for investigating this phenomenon.

The article presents a critical analysis of the main theoretical concepts of professional competitiveness in the context of engineering activity, examines various approaches to identifying the psychological determinants of success among technical specialists, and analyzes methodological principles for studying this phenomenon. Special attention is given to integrating classical theories of professional psychology with modern concepts that consider the specifics of digital transformation in engineering professions.

The theoretical significance of the study lies in the systematization and conceptualization of fragmented theoretical approaches to the study of psychological factors affecting engineers' competitiveness, thereby creating a methodological foundation for further empirical research. The practical significance is defined by the possibility of applying the theoretical generalizations to the development of scientifically grounded programs for engineering personnel development, improvement of professional training systems, and creation of psychological diagnostic tools for assessing professional suitability in technical specialties.

Keywords: professional competitiveness, engineering activity, psychological determinants, theoretical and methodological approaches, technical thinking, digital transformation, occupational psychology.

Современный этап развития общества характеризуется интенсивными технологическими изменениями, цифровой трансформацией производственных процессов и усилением глобальной конкуренции на рынке труда. В этих условиях особую значимость приобретает проблема профессиональной конкурентоспособности специалистов, непосредственно участвующих в создании инновационных технологических решений – инженерных кадров. Инженерная деятельность сегодня кардинально отличается от традиционных представлений о технической работе: современный инженер должен не только обладать глубокими техническими знаниями, но и демонстрировать способность к быстрой адаптации к новым технологиям, креативному решению сложных задач, эффективному взаимодействию в междисциплинарных командах. Внедрение искусственного интеллекта, интернета вещей, роботизации и других цифровых технологий кардинально изменяет требования к психологическим характеристикам инженерных специалистов.

Анализ современных исследований в области профессиональной психологии показывает, что традиционные подходы к изучению профессиональной успешности, ориентированные преимущественно на технические компетенции, не в полной мере отражают специфику современной инженерной деятельности. Возрастающая роль психологических факторов в определении конкурентоспособности инженеров актуализирует необходимость комплексного теоретико-методологического анализа данной проблемы.

Существующие исследования профессиональной конкурентоспособности (А.И. Турчинов [222], Л.М. Митина [155], С.А. Подосинников [16]) носят преимущественно общий характер и не учитывают специфику инженерной деятельности. Работы, посвященные психологическим аспектам инженерного труда (М.А. Дмитриева [5], Е.А. Климов [10], Е.В. Балакшина [2]), фокусируются на отдельных аспектах профессиональной деятельности, не рассматривая комплексно проблему конкурентоспособности, что создает существенный пробел в теоретическом понимании психологических детерминант успешности инженерных кадров в современных условиях.

Особую актуальность приобретает вопрос о том, какие именно психологические характеристики определяют способность инженера эффективно функционировать в условиях технологической неопределенности, постоянных изменений и возрастающей сложности профессиональных задач. Необходимость теоретического осмысления данной проблемы обусловлена как потребностями развития психологической науки, так и практическими задачами совершенствования системы подготовки и развития инженерных кадров.

Цель настоящего исследования заключается в систематическом анализе и обобщении существующих теоретических подходов к изучению психологических факторов профессиональной конкурентоспособности инженерных кадров, выявлении ключевых концептуальных основ и разработке интегративной теоретико-методологической модели исследования данного феномена.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет комплексный подход, интегрирующий различные концептуальные парадигмы в изучении профессиональной деятельности и конкурентоспособности личности.

Системный подход (Б.Ф. Ломов [11], В.Д. Шадриков [255]) применяется для рассмотрения конкурентоспособности инженерных кадров как сложной многоуровневой системы взаимосвязанных психологических компонентов. В рамках данного подхода анализируются структурные элементы системы, их функциональные связи, механизмы саморегуляции и развития. Системный анализ позволяет выявить интегративные свойства конкурентоспособности, которые не сводимы к простой сумме отдельных психологических характеристик. Субъектно-деятельностный подход (С.Л. Рубинштейн [188], А.В. Брушлинский [3]) обеспечивает теоретическую основу для изучения инженера как активного субъекта профессиональной деятельности. В контексте данного подхода конкурентоспособность рассматривается как интегральная

характеристика субъекта, проявляющаяся в способности к самостоятельному целеполаганию, саморегуляции и творческому преобразованию профессиональных задач. Особое внимание уделяется механизмам субъектной активности в условиях профессиональной конкуренции.

Теория профессионального развития личности (Д. Сьюпер [299], Э.Ф. Зеер [9], А.К. Маркова [144]) обеспечивает концептуальную основу для анализа процессов профессионального становления инженерных кадров на всех этапах их карьерного пути. В рамках данной теории конкурентоспособность рассматривается как динамическая характеристика, изменяющаяся в процессе профессионального развития под влиянием внутренних и внешних факторов. Особое внимание уделяется закономерностям профессиональной социализации, механизмам адаптации к изменяющимся условиям инженерной деятельности, а также факторам, детерминирующим успешность профессионального роста и карьерного продвижения. Акмеологический подход (А.А. Деркач [4], Т.А. Майборода [133]) используется для анализа закономерностей достижения профессионального мастерства и вершин профессионального развития инженерных кадров.

Компетентностный подход (Дж. Равен [177], А.В. Хуторской [234]) применяется для структурирования и систематизации психологических факторов конкурентоспособности через призму профессиональных компетенций инженера. Данный подход обеспечивает операциональное определение конкурентоспособности через систему ключевых компетенций, необходимых для эффективной профессиональной деятельности в условиях современного технологического развития. Теория самоэффективности А. Бандуры [266] используется для объяснения механизмов влияния субъективных представлений о собственных возможностях на профессиональную успешность. Концепция жизнестойкости С. Мадди [28] применяется для анализа способности инженеров к преодолению профессиональных трудностей и адаптации к изменениям.

Междисциплинарный характер феномена конкурентоспособности обуславливает необходимость рассмотрения современных подходов к его изучению, разработанных в смежных научных областях, с последующей адаптацией к психологическому анализу. Экономический подход (Т.Ю. Терехова [20], А.Ф. Степусь [20]) рассматривает конкурентоспособность инженерных кадров через призму экономической эффективности и рыночной стоимости их профессиональных компетенций. В рамках данного подхода конкурентоспособность анализируется как способность специалиста обеспечивать конкурентные преимущества организации на рынке труда и в условиях экономической конкуренции. Особое внимание уделяется количественным показателям профессиональной деятельности, экономическим критериям оценки эффективности труда и рыночным механизмам формирования конкурентных преимуществ.

Педагогический подход (В.В. Лытнева [122], В.П. Добрица [6], Н.А. Тимощук [211], Э.Р. Хайруллина [233]) фокусируется на образовательных аспектах формирования конкурентоспособности инженерных кадров. В контексте данного подхода исследуются педагогические условия, методы и технологии развития конкурентных качеств будущих инженеров в процессе профессиональной подготовки. Анализируются образовательные программы, инновационные педагогические технологии, системы оценки и контроля качества подготовки специалистов. Особое внимание уделяется формированию ключевых компетенций, необходимых для успешной профессиональной деятельности в условиях технологических изменений и глобализации.

В рамках психологии труда (Л.М. Митина [155], С.А. Подосинников [166], Е.А. Климов [10], М.А. Дмитриева [5], Е.В. Балакшина [2]) конкурентоспособность инженерных кадров исследуется в контексте общих закономерностей профессиональной деятельности и трудового поведения. Данное направление рассматривает психологические механизмы профессиональной эффективности,

особенности инженерного труда, влияние профессиональной среды на личность специалиста, а также процессы профессиональной адаптации и развития. Исследования в области психологии труда затрагивают такие аспекты как профессиональная мотивация, удовлетворенность трудом, профессиональное выгорание, стрессоустойчивость и другие факторы, косвенно связанные с конкурентоспособностью. Однако проблема конкурентоспособности как целостный феномен в психологии труда освещена недостаточно систематично. Отсутствует единая теоретическая концепция, которая бы комплексно описывала психологические детерминанты конкурентоспособности именно инженерных кадров с учетом специфики их профессиональной деятельности. Существующие исследования носят преимущественно описательный характер и не раскрывают структурно-функциональную организацию психологических факторов, определяющих конкурентные преимущества инженеров в современных условиях.

Для достижения поставленной цели использовался комплекс взаимодополняющих методов теоретического анализа: метод контент-анализа применялся для систематизации и категоризации существующих теоретических подходов к изучению профессиональной конкурентоспособности; сравнительно-сопоставительный анализ использовался для выявления общих закономерностей и специфических особенностей различных теоретических концепций конкурентоспособности применительно к инженерной деятельности; метод теоретического моделирования позволил интегрировать различные концептуальные подходы в единую теоретико-методологическую модель психологических детерминант конкурентоспособности инженерных кадров.

Материалом для анализа послужили научные публикации, диссертационные исследования, монографии и коллективные труды, посвященные проблемам профессиональной конкурентоспособности, психологии инженерного труда и профессионального развития личности.

Концептуальное осмысление феномена профессиональной конкурентоспособности в современной психологической науке характеризуется множественностью подходов и интерпретаций, что отражает сложность и многоаспектность данного конструкта. Фундаментальные исследования А.К. Марковой [144] заложили основы понимания профессиональной конкурентоспособности как интегративного качества личности, включающего совокупность профессионально значимых характеристик, определяющих успешность деятельности в условиях конкуренции.

Развивая данную концепцию, Л.М. Митина [155] акцентирует внимание на личностно-профессиональном развитии как основе конкурентоспособности, выделяя в качестве ключевых детерминант способность к самоактуализации, креативность и адаптивность специалиста. Согласно исследованиям автора, профессиональная конкурентоспособность представляет собой динамическое образование, формирующееся в процессе профессионального становления и определяющее готовность специалиста к эффективной деятельности в изменяющихся условиях профессиональной среды.

С точки зрения Н.А. Тимошук, конкурентоспособность специалиста характеризуется как способность «эффективно проявлять в нестабильных условиях профессиональной деятельности сформированные общекультурные, профессиональные и метапредметные компетенции и интегративные качества личности, обеспечивая индивидуальные, производственные и общественные запросы» [211]. С.А. Подосинников рассматривает психологическую сущность конкурентоспособности как «сложное интегральное свойство личности, позволяющее ей в соответствии с индивидуальными способностями, интересами быть объективно и субъективно готовой участвовать в конкурентных отношениях в выбранной для себя сфере деятельности» [166].

По мнению В.И. Андреева, «конкурентоспособная личность – это личность, для которой характерны стремление и способность к высокому качеству и эффективности своей деятельности, а также к лидерству в условиях состязательности, соперничества и напряженной борьбы со своими конкурентами» [0]. Т.А. Жданко определяет конкурентоспособность личности студента как «совокупность интегрированных устойчивых качеств, таких как рациональная познавательная активность, целеустремленность, трудолюбие, креативность, критичность, рискованность, стрессоустойчивость, лидерство, обуславливающих возможность успешного выполнения деятельности» [7]. Автор вводит данное определение на основе анализа научных исследований, анкетирования потенциальных работодателей, опроса преподавателей и студентов о данном качестве личности.

Критический анализ представленных определений выявляет существенные концептуальные расхождения в понимании сущности профессиональной конкурентоспособности. Большинство авторов сходятся во мнении о многокомпонентной природе данного феномена, однако наблюдается различие в акцентах: от преимущественно личностно-психологической трактовки (А.К. Маркова, Л.М. Митина) до компетентностного подхода (Н.А. Тимощук). Существенным недостатком существующих определений является их обобщенный характер, недостаточно учитывающий специфику различных профессиональных областей. Особенно это касается инженерной деятельности, которая характеризуется высокой технологической динамикой, междисциплинарностью и повышенными требованиями к техническому мышлению. Кроме того, анализируемые определения не в полной мере отражают современные тенденции цифровизации и глобализации инженерного труда, что актуализирует необходимость разработки специфического понятийного аппарата для данной профессиональной области.

Инженерные кадры представляют собой особую категорию специалистов, профессиональная деятельность которых характеризуется рядом специфических особенностей. Во-первых, инженерная деятельность требует высокого уровня технического мышления, способности к системному анализу сложных технических объектов и процессов, а также умения находить оптимальные решения в условиях множественных ограничений. Во-вторых, современный инженер должен обладать междисциплинарными знаниями, интегрирующими естественнонаучные, технические и гуманитарные области, что обусловлено комплексностью современных технических систем. В-третьих, специфика инженерной деятельности предполагает высокую ответственность за принимаемые решения, поскольку ошибки в инженерных расчетах могут привести к серьезным последствиям для безопасности и функционирования технических систем. Кроме того, современные инженеры работают в условиях быстрого технологического развития, что требует от них постоянного обновления знаний и готовности к освоению новых технологий, методов и инструментов.

Основываясь на проведенном анализе и учитывая специфику инженерной деятельности, мы определяем конкурентоспособность инженера как интегративную характеристику, определяющую его способность достигать высоких результатов профессиональной деятельности в условиях конкурентной среды за счет:

системы профессиональных знаний, технического мышления и интеллектуальных способностей, обеспечивающих решение инженерных задач (когнитивный компонент);

индивидуально-психологических особенностей, определяющих эффективность профессиональной деятельности и адаптацию к изменениям (личностный компонент);

способности к эффективному взаимодействию, управлению коммуникацией и работе в команде (социальный компонент);

системы профессиональных ценностей, установок и смыслов, определяющих мотивацию и профессиональную идентичность (ценностный компонент).

Системный характер инженерной деятельности, требующий интеграции технических знаний, творческого мышления и способности к эффективному взаимодействию в профессиональной среде, обуславливает необходимость выделения взаимосвязанных структурных компонентов конкурентоспособности, каждый из которых характеризуется специфическими психологическими детерминантами и выполняет определенную функцию в обеспечении профессиональной эффективности.

Анализ современных требований к инженерным кадрам показывает, что конкурентоспособность специалиста не может быть сведена к простой сумме технических компетенций. Успешный инженер должен обладать способностью не только решать сложные технические задачи, но и адаптироваться к быстро меняющимся условиям, эффективно взаимодействовать с коллегами, принимать ответственные решения в условиях неопределенности и сохранять мотивацию к непрерывному профессиональному развитию. Эта многоаспектность профессиональной деятельности требует системного подхода к пониманию структуры конкурентоспособности.

Психологические исследования в области профессиональной деятельности [2], [5], [16] убедительно демонстрируют, что эффективность любого специалиста определяется взаимодействием различных психологических факторов. При этом особое значение приобретает не только наличие определенных способностей и качеств, но и их системная организация, обеспечивающая синергетический эффект. В случае инженерной деятельности эта системность проявляется в необходимости интеграции технического мышления с социальными навыками, творческих способностей с аналитическими, личностных качеств с профессиональными ценностями.

Первым и наиболее очевидным компонентом конкурентоспособности инженера является когнитивная сфера, которая включает в себя систему профессиональных знаний, технического мышления и интеллектуальных способностей. Однако современное понимание когнитивного компонента выходит далеко за рамки простого накопления знаний. Ключевую роль играют интеллектуальные способности, прежде всего аналитическое и системное мышление, позволяющие инженеру видеть сложные взаимосвязи в технических системах и находить оптимальные решения. Пространственный интеллект обеспечивает возможность работы с трехмерными объектами и процессами, а способность к абстрагированию и моделированию позволяет создавать упрощенные, но функциональные представления сложных систем. Важным аспектом когнитивного компонента является баланс между кристаллизованным и подвижным интеллектом. Кристаллизованный интеллект, представленный профессиональными знаниями и опытом, обеспечивает глубину экспертизы, в то время как подвижный интеллект определяет адаптивность и способность к освоению новых технологий. Когнитивные стили, такие как полезависимость/полнезависимость и рефлексивность/импульсивность, влияют на то, как инженер обрабатывает информацию и принимает решения. Особую роль играют адаптационные механизмы, включающие когнитивную гибкость, толерантность к неопределенности и метапознание, которые обеспечивают эффективное функционирование в условиях постоянных изменений.

Второй компонент конкурентоспособности связан с особенностями личностной сферы инженера, которые определяют его эффективность в профессиональной деятельности и способность к адаптации. Диспозиционные черты личности, такие как открытость новому опыту, самооффективность и готовность к разумному риску, создают основу для профессионального роста и инновационной деятельности. Регулятивные механизмы, включающие стрессоустойчивость, самоконтроль и устойчивость к когнитивным искажениям, обеспечивают стабильность профессиональной деятельности в сложных условиях. Мотивационные факторы играют особую роль в поддержании долгосрочной конкурентоспособности. Внутренняя мотивация, включающая познавательную мотивацию и мотивацию

достижения, обеспечивает устойчивый интерес к профессиональной деятельности и стремление к совершенствованию. Ориентация на мастерство создает основу для непрерывного обучения и развития. Креативные характеристики, проявляющиеся в способности к генерации нестандартных решений и инновационности мышления, становятся все более важными в условиях необходимости создания принципиально новых технических решений.

Третий компонент конкурентоспособности охватывает социальную сферу и включает способности к эффективному взаимодействию, управлению коммуникацией и работе в команде. В современной инженерной деятельности социальные навыки приобретают критическое значение, поскольку большинство проектов реализуется в командах, часто междисциплинарных и географически распределенных. Коммуникативные навыки, включающие вербальную и невербальную коммуникацию, эмпатию и эмоциональный интеллект, обеспечивают эффективное взаимодействие с коллегами, клиентами и партнерами. Лидерские качества становятся необходимыми не только для руководящих позиций, но и для эффективного участия в проектных командах. Способность к влиянию и убеждению, конфликтоустойчивость и организаторские способности позволяют инженеру эффективно продвигать свои идеи и координировать совместную деятельность. Кооперативные способности, проявляющиеся в умении работать в команде и способности к междисциплинарной и межкультурной коммуникации, становятся особенно важными в условиях глобализации инженерной деятельности.

Четвертый компонент конкурентоспособности связан с ценностной сферой и включает систему профессиональных ценностей, установок и смыслов, определяющих мотивацию и профессиональную идентичность. Профессиональная идентичность, включающая осознание своей роли в профессии и чувство принадлежности к профессиональному сообществу, создает основу для долгосрочной приверженности профессии и готовности к непрерывному развитию. Эмоционально-оценочные установки, такие как удовлетворенность профессией и профессиональная гордость, обеспечивают позитивное отношение к работе и высокие стандарты качества. Этико-нормативные ориентиры приобретают особое значение в условиях возрастающей социальной ответственности инженерной деятельности. Следование профессиональной этике, социальная и экологическая ответственность, честность и прозрачность в принятии решений становятся не только моральными императивами, но и факторами конкурентоспособности в долгосрочной перспективе. Смыслоразнозначные ориентации, включающие связь профессиональной деятельности с личными ценностями и ориентацию на долгосрочный вклад в развитие отрасли, обеспечивают устойчивую мотивацию и предотвращают профессиональное выгорание.

Представленная структурная модель конкурентоспособности инженерных кадров отражает сложную, многомерную природу современной инженерной деятельности. Взаимодействие когнитивного, личностного, социального и ценностного компонентов создает синергетический эффект, определяющий общий уровень конкурентоспособности специалиста (см. рисунок 1).

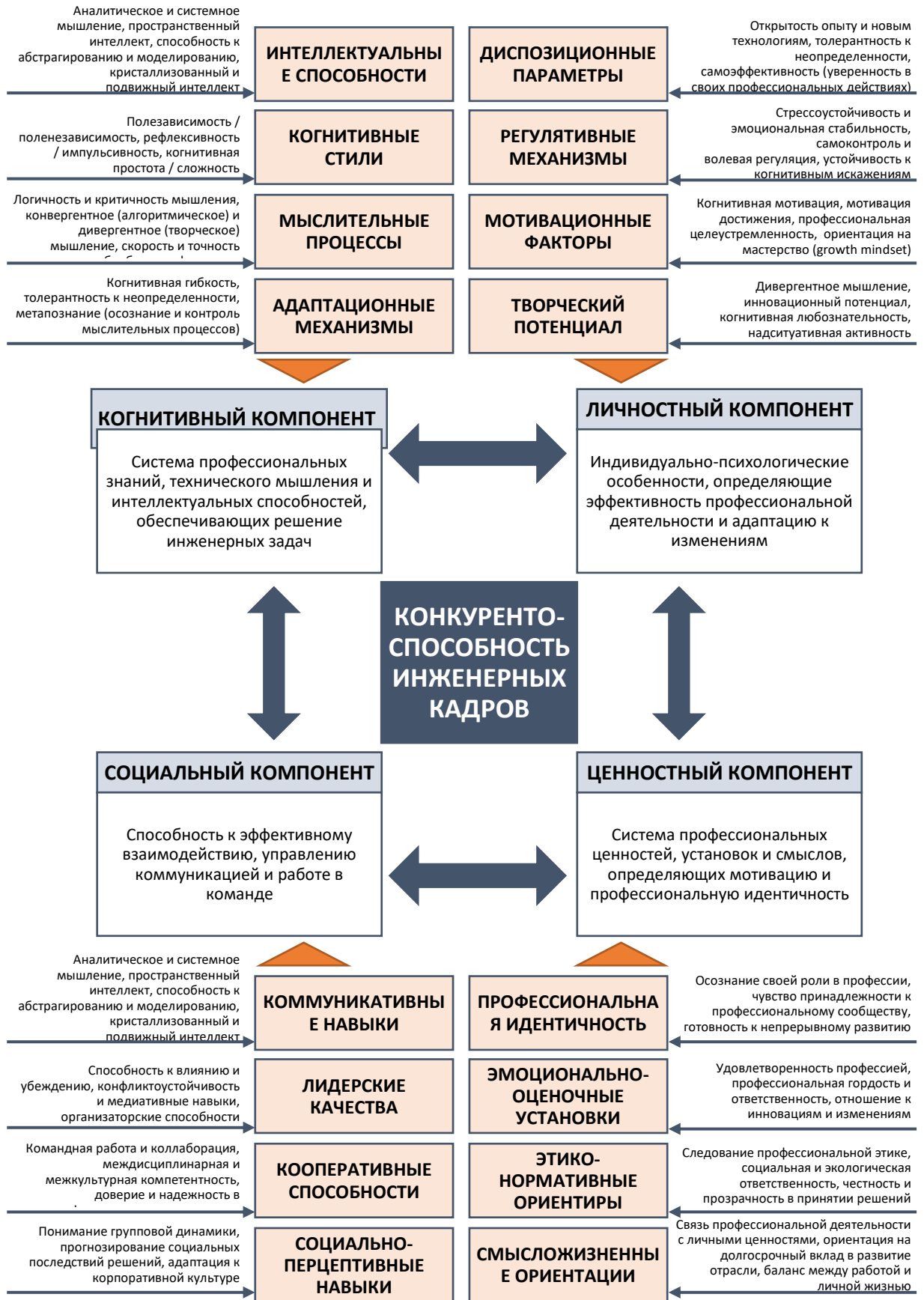

Рисунок 1 – Система психологических факторов конкурентоспособности инженерных кадров

Интеграция рассмотренных когнитивных, личностных, социальных и ценностных компонентов обеспечивает целостность конкурентоспособности инженерных кадров как системного качества личности специалиста, где каждый компонент взаимодействует с остальными, создавая синергетический эффект профессиональной эффективности.

Проведенное исследование теоретических основ конкурентоспособности инженерных кадров позволяет констатировать, что данный феномен представляет собой сложное многокомпонентное образование, требующее междисциплинарного подхода к его изучению и понимания специфики инженерной деятельности в современных условиях. Полученные результаты систематизации теоретических подходов демонстрируют, что существующие в психологической науке концепции профессиональной конкурентоспособности, несмотря на их значительный эвристический потенциал, характеризуются определенной степенью фрагментарности и недостаточной специфичностью применительно к инженерной сфере деятельности, что обуславливает необходимость разработки интегративных моделей, учитывающих особенности технической профессии.

Особое значение имеет установленный в ходе анализа факт смещения акцентов в понимании конкурентоспособности от преимущественно индивидуально-психологических характеристик к системному рассмотрению взаимодействия личностных, когнитивных, социально-психологических и ценностных факторов, что соответствует современным тенденциям усложнения инженерной деятельности и возрастания роли междисциплинарного сотрудничества. Данная тенденция отражает объективные изменения в характере инженерного труда, связанные с цифровизацией, автоматизацией производственных процессов и необходимостью интеграции технических решений с социальными, экологическими и экономическими требованиями.

Разработанная в рамках исследования интегративная концептуальная модель психологических детерминант конкурентоспособности инженерных кадров представляет собой попытку преодоления существующих теоретических ограничений путем синтеза различных подходов и учета специфики инженерной деятельности. Принципиальное значение имеет выделение четырех основных блоков факторов, находящихся в сложном взаимодействии и обеспечивающих различные аспекты профессиональной эффективности инженера: когнитивные детерминанты создают инструментальную основу для решения технических задач, личностно-мотивационные факторы обеспечивают энергетическую базу и устойчивость профессионального функционирования, социально-психологические компоненты определяют эффективность взаимодействия с профессиональной средой, а ценностные характеристики создают направленность и этическую основу профессиональной деятельности.

Полученные результаты находят существенную поддержку в рамках системного подхода к изучению профессиональной деятельности, развиваемого в работах Б.Ф. Ломова [111] и В.Д. Шадрикова [255], подчеркивающих необходимость рассмотрения профессиональной деятельности как сложной системы взаимодействующих компонентов, включающих субъектные характеристики, объектные условия и социальные детерминанты. Предложенная модель развивает данные представления применительно к специфике инженерной деятельности, акцентируя внимание на особенностях технического мышления, креативности и инновационного потенциала как специфических характеристиках инженерной профессии. Значительное соответствие обнаруживается с концепцией профессиональных компетенций, разрабатываемой в рамках компетентностного подхода, при этом предложенная модель расширяет традиционное понимание компетенций за счет включения ценностно-смысловых характеристик и акцентирования внимания на механизмах интеграции различных групп факторов. Особенно важным представляется соответствие с современными исследованиями в области инженерного образования,

подчеркивающими необходимость формирования не только технических знаний и навыков, но и способности к критическому мышлению, творческому решению проблем, эффективной коммуникации и этическому поведению.

Вместе с тем, полученные результаты обнаруживают определенные расхождения с традиционными подходами к изучению инженерной деятельности, преимущественно фокусирующимися на когнитивных и технических аспектах профессиональной подготовки. Предложенная модель подчеркивает равноправное значение всех четырех групп факторов и необходимость их сбалансированного развития для обеспечения высокого уровня конкурентоспособности, что требует пересмотра традиционных подходов к подготовке инженерных кадров и разработки комплексных программ профессионального развития. Разработанная концептуальная модель обладает значительным потенциалом для практического применения в различных сферах подготовки и развития инженерных кадров. В области высшего инженерного образования модель может служить основой для пересмотра учебных планов и программ подготовки обучающихся инженерных специальностей с целью обеспечения сбалансированного развития всех компонентов конкурентоспособности. Особое внимание следует уделить интеграции в образовательный процесс дисциплин, направленных на развитие коммуникативных навыков, лидерского потенциала, межкультурной компетентности и этических принципов профессиональной деятельности.

В сфере управления человеческими ресурсами предложенная модель может использоваться для разработки системы оценки и отбора инженерных кадров, учитывающей не только технические компетенции, но и личностные характеристики, социально-психологические навыки и ценностные ориентации кандидатов. Данный подход позволит повысить эффективность процессов рекрутинга и обеспечить лучшее соответствие характеристик работников требованиям современной инженерной деятельности. Значительный потенциал модель имеет для системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки инженерных кадров, позволяя разрабатывать целенаправленные программы развития конкретных компонентов конкурентоспособности в зависимости от индивидуальных потребностей и специфики профессиональной деятельности. Особенно актуальным представляется использование модели для подготовки инженеров к работе в условиях цифровой трансформации и международного сотрудничества, требующих высокого уровня адаптивности, креативности и межкультурной компетентности.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку психодиагностического инструментария для оценки уровня развития каждого из компонентов конкурентоспособности, что потребует создания валидных и надежных методик, учитывающих специфику инженерной деятельности и современные требования к психометрическим процедурам. Особое внимание следует уделить разработке комплексных методик, позволяющих оценивать не только отдельные компоненты, но и их интеграцию в целостную структуру конкурентоспособности. Перспективным направлением представляется проведение лонгитюдных исследований, позволяющих проследить динамику развития конкурентоспособности инженеров на различных этапах профессионального становления и выявить критические периоды, требующие особого внимания со стороны системы профессиональной подготовки и развития. Данные исследования должны учитывать влияние социально-экономических факторов, технологических изменений и организационных условий на формирование и развитие конкурентоспособности инженерных кадров.

Важным направлением дальнейших исследований является изучение кросс-культурных особенностей конкурентоспособности инженеров, что особенно актуально в условиях глобализации инженерной деятельности и необходимости работы в международных проектах. Данные исследования должны учитывать влияние культурных ценностей, образовательных традиций и социально-экономических

условий на формирование различных компонентов конкурентоспособности и разрабатывать культурно-специфические подходы к их развитию.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в развитии психологической теории профессиональной конкурентоспособности путем интеграции различных подходов и учета специфики инженерной деятельности, что вносит существенный вклад в психологию труда и инженерную психологию. Предложенная концептуальная модель расширяет существующие представления о структуре и детерминантах конкурентоспособности, подчеркивая важность системного подхода и необходимость учета взаимодействия различных групп факторов для обеспечения высокого уровня профессиональной эффективности. Разработанное интегративное определение конкурентоспособности инженерных кадров может служить основой для дальнейших теоретических разработок и эмпирических исследований в данной области, обеспечивая концептуальную основу для изучения различных аспектов профессиональной деятельности инженеров. Особое значение имеет выделение ценностных детерминант конкурентоспособности, что отражает современные тенденции развития инженерной профессии и возрастающую роль этических принципов в технической деятельности.

Практическая значимость результатов исследования определяется возможностью их использования для совершенствования системы подготовки инженерных кадров, разработки программ профессионального развития и создания эффективных систем оценки и отбора специалистов. Предложенная модель может служить основой для создания комплексных программ развития конкурентоспособности, учитывающих индивидуальные особенности инженеров и специфику их профессиональной деятельности, что будет способствовать повышению эффективности инженерного образования и профессиональной подготовки. Значительный практический потенциал модель имеет для организационного консультирования и управления персоналом в инженерных организациях, позволяя разрабатывать научно обоснованные подходы к формированию команд, планированию карьеры и мотивации инженерных кадров. Данные возможности особенно актуальны в условиях возрастающей конкуренции на рынке инженерных услуг и необходимости обеспечения высокого уровня инновационности и эффективности инженерной деятельности.

Результаты исследования актуализируют необходимость дальнейшего изучения проблемы конкурентоспособности инженерных кадров с использованием современных методологических подходов и учетом динамично изменяющихся требований к инженерной деятельности, что будет способствовать развитию психологической науки и совершенствованию практики подготовки высококвалифицированных инженерных кадров для инновационной экономики.

Систематический анализ существующих концептуальных подходов к изучению профессиональной конкурентоспособности выявил их значительную фрагментарность и недостаточную специфичность применительно к инженерной сфере деятельности. Большинство существующих исследований носят обобщенный характер и не учитывают особенности инженерной деятельности, связанные с высокой технологической динамикой, междисциплинарностью и повышенными требованиями к техническому мышлению в условиях цифровой трансформации.

Разработанная в рамках исследования интегративная концептуальная модель психологических детерминант конкурентоспособности инженерных кадров представляет собой системное решение выявленных теоретических ограничений. Предложенная четырехкомпонентная структура, включающая когнитивные, личностные, социальные и ценностно-смысловые факторы, отражает многоаспектность современной инженерной деятельности и обеспечивает целостное понимание механизмов формирования профессиональной конкурентоспособности. Принципиальное значение имеет обоснование равноправного влияния всех компонентов конкурентоспособности на профессиональную эффективность инженера.

Традиционный акцент на технических компетенциях должен быть дополнен систематическим развитием коммуникативных навыков, лидерского потенциала, креативности и этических принципов профессиональной деятельности.

Результаты исследования имеют особую актуальность в контексте современных вызовов, стоящих перед инженерной профессией: необходимости адаптации к цифровым технологиям, возрастающей роли междисциплинарного сотрудничества, усиления требований к инновационности и социальной ответственности инженерной деятельности. Предложенная концептуальная модель обеспечивает теоретическую основу для подготовки инженерных кадров, способных эффективно функционировать в условиях технологической неопределенности и глобальной конкуренции. В заключение следует подчеркнуть, что конкурентоспособность инженерных кадров представляет собой сложное системное качество, формирование которого требует комплексного подхода, учитывающего взаимодействие технических, психологических и социальных факторов. Дальнейшее развитие данного направления исследований будет способствовать совершенствованию теоретических основ психологии труда и созданию эффективных практических решений для подготовки высококвалифицированных инженерных кадров, соответствующих требованиям инновационной экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев В.И. Саморазвитие творческой конкурентоспособной личности менеджера / В.И. Андреев. – Казань: СКAM, 1992. – 207 с.
2. Балакшина Е.В. Психология инженерной деятельности: проблема специфики и надежности: монография / Е.В. Балакшина. – Тверь: ТвГТУ, 2021. – 159 с.
3. Брушлинский А.В. Психология субъекта / А.В. Брушлинский; Отв. ред. В.В. Знаков. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. – 268 с.
4. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала / А.А. Деркач. – Москва: Издательство психолого-социального университета, 750 с.
5. Дмитриева М.А. Психология труда и инженерная психология / М.А. Дмитриева, А.А. Крылов, А.И. Нафтульев; Под общ. ред. А.А. Крылова. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1979. – 220 с.
6. Добрица В.П. Формирование конкурентоспособности будущего инженера / В.П. Добрица, Т.В. Иванова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2016. – №1 (37). – С.86-90.
7. Жданко Т.А. Образовательно-профессиональное пространство вуза как педагогическое условие формирования конкурентоспособности личности студента : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Жданко Татьяна Александровна; [Место защиты: Забайк. гос. гуманитар.-пед. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. – Иркутск, 2012. – 210 с.
8. Жемерикина Ю.И. Конкурентоспособность инженерных кадров в условиях цифровой экономики / Ю.И. Жемерикина, О.И. Жемерикин, А.В. Посохова, Т.А. Талалуева / Инновации и инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 258-261.
9. Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития / Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 234 с.
10. Климов Е.А. Инженерная психология и эргономика: учебник для вузов / под редакцией Е.А. Климова, О.Г. Носковой, Г.Н. Солнцевой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 245 с.
11. Ломов Б.Ф. Психическая регуляция деятельности: избранные труды / Б. Ф. Ломов; отв. ред. В. А. Барабанщиков [и др.]. – Москва: Ин-т психологии РАН, 2006. – 622 с.
12. Лытнева В.В. Подготовка будущих конкурентоспособных специалистов: монография / В.В. Лытнева, И.И. Макашина. – Майкоп: Магарин О. Г., 2013. – 107 с.

13. Майборода Т.А. Системно-исторический анализ профессионального развития инженера: акмеологический подход: монография / Т.А. Майборода. – Москва: Илекса, 2007. – 506 с.
14. Маркова А.К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – Москва: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. – 308 с.
15. Митина Л.М. Психология развития конкурентоспособной личности / Л.М. Митина. – 2-е изд., стер. – Москва: Издательство Московского психолого-социального института, 2003. – 398 с.
16. Подосинников С.А. Психология конкурентоспособности профессионала: монография / С.А. Подосинников. – Астрахань: Астраханский ун-т, 2008. – 83 с.
17. Равен Дж. Компетентность в современном обществе / Дж. Равен. – Москва: Когито-Центр, 2009. – 396 с.
18. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Москва: АСТ, 2025. – 960 с.
19. Степуть, А.Ф. Формирование конкурентоспособности работника: диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.05 / Степуть Александр Федорович; [Место защиты: Удмурт. гос. ун-т]. – Ижевск, 2007. – 167 с.
20. Терехова Т.Ю. Формирование конкурентоспособности работников в условиях глобализации экономики: диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.05 / Терехова Татьяна Юрьевна; [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т]. – Воронеж, 2013. – 176 с.
21. Тимощук Н.А. Концепция формирования конкурентоспособного инженера как стратегия образовательной политики технических университетов: диссертация ... доктора педагогических наук : 13.00.08 / Тимощук Нина Александровна; [Место защиты: Самар. гос. соц.-пед. ун-т]. – Самара, 2019. – 353 с.
22. Турчинов А.И. Профессионализация и кадровая политика: Проблемы развития теории и практики / А. И. Турчинов. – Москва : Моск. психолого-социал. ин-т : Флинта, 1998. – 271 с.
23. Хайруллина Э.Р. Системная ориентация проектно-творческой деятельности на саморазвитие конкурентоспособности студентов инженеров-технологов: диссертация ... доктора педагогических наук : 13.00.08 / Хайруллина Эльмира Робертовна; [Место защиты: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина]. – Казань, 2007. – 420 с.
24. Хуторской А.В. Методологические основания применения компетентностного подход к проектированию образования / А.В. Хуторской // Высшее образование в России. – 2017. – №12. – С.85-91.
25. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека / В. Д. Шадриков. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Изд. корпорация «Логос», 1996. – 318 с.
26. Bandura A. Self-Efficacy: The Exercise of Control / A. Bandura. – New York: Worth Publishers, 1997. – 604 p.
27. Voytikova M.A. Cognitive and Musical Characteristics as Factors of Creative Development / E.V. Pugacheva, O.N. Ryzhov // Journal of Advocacy, Research and Education. – 2024. – 11(3). – P. 309-316.
28. Maddi S.R. The story of hardiness: Twenty years of theorizing, research, and practice / S.R. Maddi // Consulting psychology journal: practice and research. – 2002. – Т. 54. – №. 3. – С. 173.
29. Super D.E. Career Development: Exploration and Planning / D.T. Hall // Annual Review of Psychology. – 1978. – №29 (1). – Pp. 333-372.

УДК 159.9

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ИХ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Кригина Татьяна Васильевна

Соискатель ученой степени кандидата психологических наук кафедры общей психологии и психологии труда,
АНО ВО «УМЦ им. В. В. Жириновского», г. Москва, Россия

Бонкало Татьяна Ивановна

Доктор психологических наук, доцент,
Ведущий научный сотрудник ГБУ «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы», г. Москва, Россия

Статья ориентирована на поиск решения проблемы совершенствования деятельности спортивной организации в современных условиях, вызванных сложившейся геополитической обстановкой. Статья содержит результаты эмпирического исследования уровня развития у руководителей спортивных организаций элементов стратегического мышления, в качестве которых рассмотрены прогностические способности (исследовались с помощью методики «Прогностическая задача» (Л.А. Регуш, Н.Л. Сомова)), умения включать интуицию в общую систему деятельности (Опросник интуиции в структуре саморегуляции деятельности (П.Е. Григорьев, И. В. Васильева)), толерантность к неопределенности (методика «Толерантность к неопределенности» (Т.В. Корнилова) и метакогнитивная включенность (шкала Г. Шроу и Р. Деннисона, адаптированная Е.И. Петриковой и В.М. Бызовой). В исследовании приняли участие 156 руководителей спортивных организаций, которые, по оценкам экспертов, характеризовались высокими и соответственно низкими оценками своего функционирования. Выявлено, что руководители эффективно функционирующих спортивных организаций характеризуются высоким уровнем развития прогностических способностей, склонностью к новизне и оригинальности, высокой степенью выраженности метакогнитивной включенности в сочетании с использованием интуиции в принятии стратегических решений. Делается вывод о том, что в условиях неопределенности стратегическое мышление руководителей спортивных организаций выступает доминирующим фактором эффективности их управленческой деятельности.

Ключевые слова: стратегическое мышление, прогностические способности, толерантность к неопределенности, интуиция, метакогнитивная включенность, руководители спортивных организаций.

STRATEGIC THINKING OF LEADERS OF SPORTS ORGANIZATIONS AS A FACTOR OF THE EFFECTIVENESS OF THEIR MANAGERIAL ACTIVITIES IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY

Krigina Tatyana Vasilievna

Applicant for the academic degree of candidate of psychological sciences, Department of General Psychology and Psychology of Labor, ANO VO "V.V. Zhirinovsky Educational and Methodological Center", Moscow, Russia

Bonkalo Tatyana Ivanovna

Doctor of Psychology, Associate Professor, Leading Researcher, State Budgetary Institution "Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow City Health Department", Moscow, Russia

The article is devoted to the urgent problem of improving the activities of a sports organization in modern conditions caused by the geopolitical situation. The article contains the results of an empirical study of the level of development of strategic thinking elements in sports organization managers, which include prognostic abilities (studied using the "Prognostic Task" technique (L.A. Regush, N.L. Somov)), the ability to include intuition in the general system of activity (Questionnaire of intuition in the structure of self-regulation of activity (P.E. Grigoriev, I.V. Vasilyeva)), tolerance of uncertainty (the "Tolerance of Uncertainty" technique (T.V. Kornilova) and metacognitive involvement (the scale of G. Shrow and R. Dennison, adapted by E.I. Petrikova and V.M. Byzova). The study involved 156 managers of sports organizations, who, according to expert assessments, were characterized by high and, respectively, low assessments of their functioning. It was revealed that the managers of effectively functioning sports organizations are characterized by a high level of development of prognostic abilities, a tendency to novelty and originality, high degree of metacognitive involvement in combination with the use of intuition in making strategic decisions. It is concluded that in conditions of uncertainty, strategic thinking of sports organization managers acts as a dominant factor in the effectiveness of their management activities.

Keywords: *strategic thinking, prognostic abilities, tolerance to uncertainty, intuition, metacognitive involvement, sports organization managers.*

Несмотря на то, что спорт и олимпийское движение признаны средством нормализации отношений между людьми и разными странами, что развитие международного спорта должно основываться на принципе «спорт вне политики», в настоящее время спорт высших достижений становится инструментом политического давления и решения идеологических проблем [1].

Современные исследователи признают, что «чистого спорта» не существует [2], что спортивные победы на Международных соревнованиях способствуют повышению престижа страны и его статуса на мировой арене, вследствие чего спорт активно включен в решение политических задач [3].

Сложившаяся к настоящему времени геополитическая обстановка привела к потере возможности многих российских спортсменов и команд участвовать в международных соревнованиях, что актуализирует проблемы сохранения конкурентоспособности российского спорта и переосмысления стратегий развития спортивных достижений [4].

Решение задач реализации государственной политики в области спорта во многом зависит от эффективности профессиональной управленческой деятельности

руководителей спортивных организаций, в связи с чем актуальной и значимой становится проблема совершенствование системы управления в спорте.

Одним из профессионально значимых качеств любого руководителя традиционно признается высокий уровень стратегического мышления [5]. Обладание стратегическим мышлением особо необходимо руководителям спортивных организаций, функционирующих в сложных, неопределенных условиях и в условиях современных геополитических процессов.

Следует отметить, что в психологии проблемы стратегического мышления, выявления его сущности, содержания, структуры, несмотря на признание его доминирующей роли в управленческой деятельности, до конца далеко не изучены. Разные авторы в понятие стратегического мышления включают разные компоненты: умение перспективно мыслить [6], анализировать сложившуюся ситуацию и прогнозировать ее дальнейшее развитие [7], способность принимать решения в ситуации неопределенности [8]. Вместе с тем, исследователи едины во мнении о том, что стратегическое мышление интегрирует в себе и критическое, и аналитическое мышление [9], аналитические, прогностические способности, метакогнитивные навыки [10], толерантность к неопределенности [8].

Исходя из результатов теоретического анализа, было проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление актуального уровня развития у руководителей спортивных организаций стратегического мышления и его влияния на эффективность их управленческой деятельности.

Для исследования были выбраны следующие методики: 1) «Прогностическая задача» (Л.А. Регуш, Н.Л. Сомова), позволяющая измерить уровень развития у руководителей прогностических способностей; 2) Опросник интуиции в структуре саморегуляции деятельности (ИССД) (П.Е. Григорьев, И. В. Васильева); 3) «Толерантность к неопределенности» (Т.В. Корнилова); 4) «Метакогнитивная включенность» (в адаптации Е.И. Периковой и В.М. Бызовой). Основным методом исследования стал сравнительный анализ соответствующих показателей, выявленных в двух исследовательских группах: в группе руководителей эффективно функционирующих спортивных организаций и в группе руководителей тех спортивных организаций, которые при экспертной оценке продемонстрировали низкую эффективность своего функционирования. Экспертная оценка осуществлялась в процессе аттестации руководителей по показателям, утвержденным нормативно-правовыми документами.

В каждую группу были включены одинаковое количество руководителей ($n = 78$). Проверка на нормальность распределения исследовательских групп (Колмогорова-Смирнова) дала положительный результат, в связи с чем сравнительный анализ был осуществлен с помощью параметрического t -критерия Стьюдента.

Результаты и их обсуждение

Выявлено, что в группе «эффективных» руководителей спортивных организаций значимо выше практически все показатели прогностических способностей (таблица 1).

Статистически достоверные различия между «эффективными» и «неэффективными» руководителями не выявлены только по показателям вербальных способностей, умений в словесной форме высказывать прогнозируемые результаты последствий определенной ситуации, а также по показателям умения обосновывать свои предположения.

Таблица 1

**Результаты исследования
прогностических способностей руководителей двух исследовательских групп**

Прогностические способности	«Эффективные»	«Неэффективные»	t	p
Умения вербально прогнозировать последствия событий	2,2 ± 0,2	2,1 ± 0,2	0,45	>0,05
Умения находить аргументы прогноза	2,8 ± 0,3	1,2 ± 0,1	5,00	<0,001
Умения понимать временные перспективы развития событий	2,6 ± 0,2	1,4 ± 0,1	5,45	<0,001
Логичность рассуждений	2,9 ± 0,3	1,3 ± 0,1	5,65	<0,001
Степень осознанности следствий	2,7 ± 0,2	1,2 ± 0,1	6,81	<0,001
Умение формулировать причины событий	2,4 ± 0,2	1,8 ± 0,2	2,14	<0,05
Полнота прогнозирования	2,3 ± 0,2	1,4 ± 0,2	3,21	<0,01
Умения обосновывать причины и следствия	2,2 ± 0,2	1,7 ± 0,2	1,78	>0,05
Умения ставить цели действий	2,8 ± 0,3	2,0 ± 0,2	5,62	<0,001
Умения планировать действия	2,8 ± 0,3	1,6 ± 0,2	3,75	<0,01
Глубина анализа	2,6 ± 0,3	1,2 ± 0,1	4,37	<0,001
Широта видения проблемы	2,9 ± 0,3	1,4 ± 0,2	4,68	<0,001
Вариативность прогнозирования	2,6 ± 0,2	2,0 ± 0,2	2,14	<0,05
Гибкость прогнозирования	2,8 ± 0,3	1,7 ± 0,2	3,43	<0,01
Количество предположений	2,5 ± 0,2	1,4 ± 0,1	5,00	<0,001
Соответствие гипотез условиям задачи	2,4 ± 0,2	1,2 ± 0,1	5,45	<0,001
Способность изменять предположения в ответ на изменения условий	2,6 ± 0,2	1,2 ± 0,1	6,36	<0,001
Уровень мотивировки гипотез	2,8 ± 0,3	1,3 ± 0,2	4,68	<0,001

По всем другим показателям прогностических способностей среднегрупповые значения значимо выше в группе руководителей эффективно функционирующих спортивных организаций, чем в группе их коллег, результаты деятельности которых не были положительно оценены экспертами.

Многие руководители спортивных организаций первой исследовательской группы характеризуются достаточно высокими способностями находить аргументы для осуществления прогноза как последствий рассматриваемых в задаче событий, умений мотивировать свои предположения. Их характеризуют глубина, широта, полнота и вариативность прогноза, гибкость как способность изменять свои предположения в ответ на изменения условий задачи, критичность, вариативность и

логичность рассуждений, что является одним из показателей обладания ими стратегическим мышлением.

Следует отметить, что в первой исследовательской группе, по сравнению со второй, большее количество респондентов, которые характеризуются достаточно высоким уровнем развития интуиции.

Так, сравнительный анализ соответствующих умений показал, что для стратегического мышления характерно не только ориентация на рациональность, но и развитое чувство интуиции. Интуиция при этом, включена в общую структуру саморегуляции деятельности. Статистически достоверные различия были зафиксированы по всем шкалам опросника ИССД. В первой исследовательской группе значимо выше показатели использования интуиции при постановке целей деятельности ($t = 3,48$; $p < 0,01$), при моделировании программ действий ($t = 3,67$; $p < 0,01$), разработке конкретных программ ($t = 2,14$; $p < 0,05$), оценке результатов ($t = 3,98$; $p < 0,001$) и при принятии решения о корректировке действий ($t = 2,37$; $p < 0,05$).

«Эффективные» руководители включают интуитивный компонент во всей действия при принятии ответственных решений. В сочетании с высокими прогностическими способностями интуиция оказывает положительное воздействие на результаты решения стратегических задач.

Еще одним из компонентов стратегического мышления рассматривается, как указывалось ранее, толерантность к неопределенности. В современном мире, характеризующемся все растущей неопределенностью, толерантность к неопределенности становится профессионально важным качеством личности руководителей. Под толерантностью к неопределенности понимают способность человека противостоять напряженности, возникающей в ситуации двойственности, непредвиденности событий, противоречивости информации. Это устойчивость личности, ее умения принимать ситуацию неопределенности и сохранять чувство «равновесия», принимая адекватные решения.

Исследования показали, что в группе «эффективных» руководителей спортивных организаций количество тех из них, кто обладает высокой толерантностью к неопределенности, значимо выше, чем в группе «неэффективных» руководителей (рисунок 1).

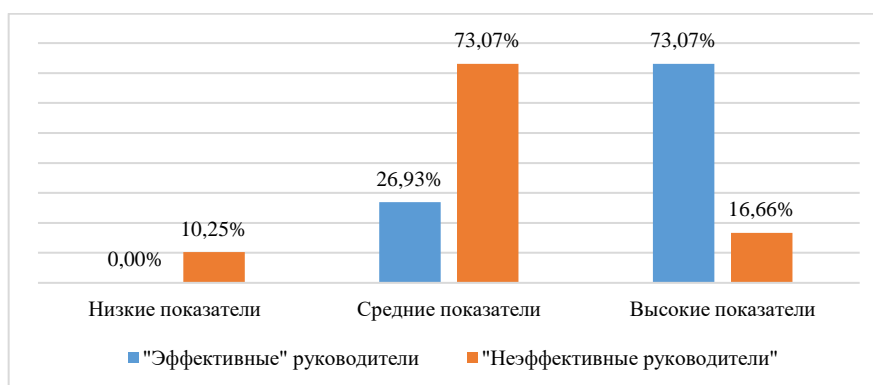

Рисунок 1 – Процентное распределение респондентов двух групп по уровню развития толерантности к неопределенности

Так, большинство респондентов первой исследовательской группы – 73,07% – характеризуются высоким уровнем толерантности к неопределенности, тогда как во второй исследовательской группе такие руководители составили всего 16,66%. Обращает на себя внимание и факт отсутствия в первой исследовательской группе респондентов с низкими показателями. Однако и во второй исследовательской группе всего 10,25% обладают низкой способностью принимать ситуации неопределенности и сохранять самообладание при неизвестности развертывания событий.

Следует особо отметить факт, что среди «эффективных» руководителей почти 100% составляют такие лица, которые характеризуются устойчивой тенденцией к участию в новых проектах и инновационной деятельности. Среднегрупповые показатели по шкале «ТН (толерантность к неопределенности)», отражающей стремление личности к новизне, оригинальности, склонность к инновациям и нестандартным решениям, входят в диапазон высоких значений, что позволяет говорить о значимости таких тенденций для принятия стратегических решений.

Во второй же группе высокие значения были зафиксированы по второй шкале использованного опросника, показывающей стремление личности к упорядочению, к соблюдению предписаний, следованию ранее установленным правилам и нормам. Неспособность отойти от стандартного решения возникающих проблем, вызванных ситуацией неопределенности, в том числе, в развитии российского спорта, во многом препятствует принятию стратегически важного решения и эффективному управлению спортивной организацией.

Наибольшие различия между группами были выявлены по показателям метакогнитивной включенности, под которой авторы соответствующей методики понимают способность личности использовать свои собственные знания о своих особенностях познания, о когнитивных процессах и включать такие знания в решение когнитивных задач [10].

Выявлено, что знания о своих умениях, способностях, интеллектуальном уровне, когнитивных ресурсах более адекватны, а потому и в большей степени выражены именно в первой группе (рисунок 2).

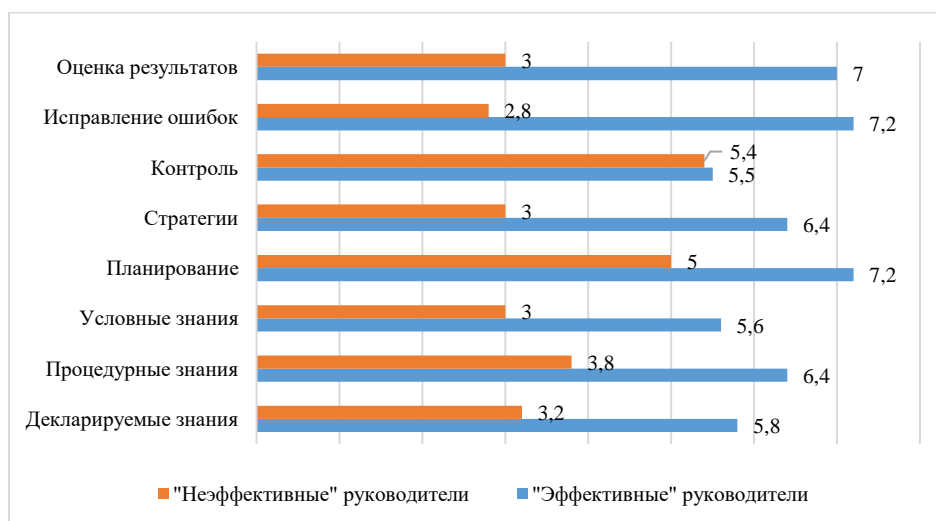

Рисунок 2 – Показатели метакогнитивной включенности респондентов двух исследовательских групп (стены)

В первой группе значимо выше и другие показатели метакогнитивной включенности. Руководители тех спортивных организаций, которые показали свою эффективность, обладают развитыми рефлексивными умениями. Они умеют и знают, как применить свои знания о себе и о своих когнитивных процессах для решения профессиональных управленческих задач. Анализируя ход своих рассуждений, они понимают возможность их ошибки и причины таких ошибок. Большинство руководителей первой исследовательской группы обладают большими, по сравнению с руководителями, составившими вторую исследовательскую группу, способностями оценивать применяемые стратегии в познавательной и в том числе аналитической деятельности. Они умеют контролировать свои эмоции, отделять их от рациональных мыслей, контролировать мысли и рассуждения, управлять ими с целью нахождения подходящей стратегии решения управленческой задачи.

Заключение

Проведенное исследование показало, что на эффективность функционирования и деятельности современных спортивных организаций, при которой отмечается стабильный рост спортивных результатов, выполнение поставленных целей, результативность, продуктивность, рентабельность организации, ее вклад в развитие спорта в регионе, конкурентоспособность спортсменов, их репутация, решающее влияние оказывает личность руководителя, уровень развития у него стратегического мышления, в качестве элементов которого выступают прогностические способности, умения включать интуицию в общую систему деятельности, толерантность к неопределенности и метакогнитивная включенность.

В современных условиях развития спорта в России, в современной геополитической обстановке важным становится формирование у руководителей спортивных организаций разного статуса и ведомственной принадлежности стратегического мышления, их способности принимать решения в ситуации непредсказуемости, противоречивости информации, вариативности разворачивания событий. С этой целью необходимо включать в программы непрерывного образования руководителей спортивного движения специально разработанные психологические условия, направленные на повышение стремления к нестандартным решениям, склонности к оригинальности, новизне, инновациям, преодолению страха перед неопределенностью, развитие прогностических и аналитических умений и способностей, метакогнитивных навыков в сочетании с умениями включать интуицию в общую систему принятия стратегических решений.

Таким образом, в условиях неопределенности стратегическое мышление руководителей спортивных организаций выступает доминирующим фактором эффективности их управленческой деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полонский А.В., Боева Я.К. Спорт, политика и СМИ в контексте современных геополитических процессов // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43, № 1. С. 15 – 24. DOI: 10.52575/271-7451-2024-43-1-15-24.

2. Попков В.И., Вдовкин И.И. Спорт высших достижений: проблемы, задачи, особенности и личность спортсмена // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2018. Т. 3, № 1. С. 117 – 121.

3. Тукмакова У.К., Ступин А.В. Взаимодействие спорта и политики // Современные научные исследования и инновации. 2022. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2022/10/98973>.

4. Алиев А.М. Аналитический обзор государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» // Экономика и управление в спорте. 2022. Т. 2, № 3. С. 201 – 210. DOI: 10.18334/sport.2.3.119711.

5. Головкин А.А. Мыслить стратегически: к вопросу о подготовке руководителей образовательных организаций // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13, № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/91PDMN125.pdf>.

6. Волох Н.В. Стратегичность мышления: менеджеру в личную копилку достоинств, кадровой службе – на заметку // Проблемы управления. 2023. № 4(9). С. 27–32.

7. Шацкая И.В. Стратегическое мышление как ключевая компетенция финансового аналитика // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2023. Т. 22, № 3. С. 136–142. DOI: 10.24182/2073- 6258-2023-22-3-136-142. EDN: EPRXGD.

8. Мишина М.М., Каулин К.В. Стратегическое мышление и психологическая безопасность личности. Экстремальная психология и безопасность личности. 2025. №2(2). С. 8–22. DOI: 10.17759/epps.2025020201.

9. Голубинская А.В., Вяхирева В.В. Критическое мышление в контексте воплощенного познания: обзор психологических исследований // Психологическая наука и образование. 2024. Т. 29, № 3. С. 145–159.

10. Перикова Е.И., Бызова В.М. Факторная структура русскоязычной версии опросника «Метакогнитивная включенность в деятельность» // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18, № 2. С. 116–126. DOI: 10.17759/chr.2022180212

УДК 159.9

РАЗВИТИЕ РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК УСЛОВИЕ ИХ УСПЕШНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ

Меркулова Ирина Владимировна

*Соискатель ученой степени кандидата психологических наук кафедры общей психологии и психологии труда,
АНО ВО «УМЦ им. В. В. Жириновского», г. Москва, Россия*

Бонкало Татьяна Ивановна

*Доктор психологических наук, доцент,
Ведущий научный сотрудник ГБУ «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы», г. Москва, Россия*

Статья посвящена актуальной проблеме поиска действенных способов профессиональной переориентации ветеранов боевых действий, получивших инвалидность вследствие боевой травмы. Целью исследования было выявление особенностей взаимосвязи реабилитационного потенциала ветеранов боевых действий, получивших инвалидность вследствие боевой травмы, и их профессиональной самореализации, рассматриваемой в качестве основного критерия успешной профессиональной переориентации. В исследовании приняли участие 72 ветерана боевых действий – кадровых офицеров, 36 из которых – участники специальной военной операции на Украине в возрасте от 25 до 38 лет, и 36 – участники других вооруженных конфликтов, возраст которых на момент обследования состоял от 44 до 62 лет. Исследовались уровень реабилитационного потенциала респондентов с помощью опросника «Реабилитационный потенциал участников боевых действий с инвалидностью» (О.В. Соловьева с соавторами), а также уровень и типы профессиональной самореализации с помощью методик Е.А. Гавриловой и С.П. Свищерской с соавторами. Выявлено отсутствие статистически достоверных различий между группами в показателях как реабилитационного потенциала личности респондентов, так и их профессиональной самореализации. На основании результатов корреляционного анализа, сделан вывод о том, что успешная профессиональная переориентация участников боевых действий, получивших инвалидность во время исполнения профессионально-военного долга, взаимосвязана с высоким уровнем их реабилитационного потенциала. Сделан вывод о целесообразности включения в общую систему профессиональной переориентации ветеранов боевых действий программ психологического вмешательства, направленного на развитие общей способности к адаптации, активной профессиональной и жизненной позиции, стрессоустойчивости и осознания внутриличностных конфликтов.

Ключевые слова: реабилитационный потенциал, профессиональная самореализация, профессиональная переориентация, ветераны боевых действий, инвалидизация, боевая травма.

DEVELOPMENT OF REHABILITATION POTENTIAL OF PARTICIPANTS IN COMBAT OPERATIONS AS A CONDITION FOR THEIR SUCCESSFUL PROFESSIONAL REORIENTATION

Merkulova Irina Vladimirovna

Applicant for the academic degree of candidate of psychological sciences, Department of General Psychology and Psychology of Labor

ANO VO "V.V. Zhirinovskiy Training and Medical Center", Moscow, Russia

Bonkalo Tatyana Ivanovna

Doctor of Psychology, Associate Professor,

Leading Researcher, State Budgetary Institution "Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow City Health Department",

Moscow, Russia

The article is devoted to the urgent problem of searching for effective methods of professional reorientation of combat veterans who became disabled due to combat injury. The aim of the study was to identify the features of the relationship between the rehabilitation potential of combat veterans who became disabled due to combat injury and their professional self-realization, which is considered as the main criterion for successful professional reorientation. The study involved 72 combat veterans – career officers, 36 of whom were participants in a special military operation in Ukraine aged 25 to 38 years, and 36 were participants in other armed conflicts aged 44 to 62 years at the time of the survey. The level of the respondents' rehabilitation potential was studied using the questionnaire "Rehabilitation Potential of Combatants with Disabilities" (O.V. Solovieva et al.), as well as the level and types of professional self-realization using the methods of E.A. Gavrilova and S.P. Sviderskaya et al. The absence of statistically significant differences between the groups in the indicators of both the rehabilitation potential of the respondents' personality and their professional self-realization was revealed. Based on the results of the correlation analysis, it was concluded that successful professional reorientation of combat veterans who became disabled during the performance of their professional and military duty is interconnected with a high level of their rehabilitation potential. A conclusion was made about the advisability of including psychological intervention programs aimed at developing the general ability to adapt, an active professional and life position, stress resistance and awareness of intrapersonal conflicts in the general system of professional reorientation of combat veterans.

Keywords: *rehabilitation potential, professional self-realization, professional reorientation, combat veterans, disability, combat injury.*

В современной психологии труда вопросы профессионального переориентирования являются малоизученными. Основное внимание уделяется все-таки проблеме первичного профессионального выбора и профессионального самоопределения молодых людей, вступающих на путь самостоятельной жизни [1]. Вместе с тем, с проблемами профессиональной переориентации сталкиваются достаточно большое количество людей, которые по разным причинам вынуждены искать новые профессиональные сферы для реализации своих потенциальных возможностей и способностей.

Особую остроту и значимость проблемы профессионального переориентирования приобретают в отношении ветеранов боевых действий и участников специальных военных операций [2].

Вот уже более трех лет продолжается специальная военная операция на Украине, что связано с появлением достаточно большого количества людей,

получивших инвалидность в результате боевой травмы. В связи с этим, актуализируется проблема оказания им помощи в приобретении нового смысла жизни, поиска новой сферы применения своего опыта и знаний, в реализации своих склонностей, личностного и творческого потенциала [2]. Несмотря на столь очевидную актуальность проблемы профессиональной переориентации участников военных конфликтов и специальных военных операций, ветеранов боевых действий, получивших боевые травмы, данная проблема еще не получила глубокого своего осмысления и является, по сути, далеко не разработанной. Существуют лишь парциальные исследования, раскрывающие особенности и специфику профессиональной реабилитации инвалидов боевых действий [3], их профессионального переобучения [4], вторичной профессиональной ориентации [4], содержание реабилитационных мер содействия их трудоустройству [5]. Но таких работ крайне мало, что и обуславливает необходимость дальнейшего изучения проблем профессионального переориентирования инвалидов боевых действий [2].

В связи с отсутствием научно обоснованных сведений о психологической природе и психологических трудностях профессионального переориентирования такой категории людей, система их комплексной, в том числе и профессиональной реабилитации только начинает формироваться и разрабатываться и еще далека от своего совершенства [4]. По свидетельству практикующих врачей-реабилитологов, психологов и других специалистов по реабилитации, трудности связаны, прежде всего, с психическими состояниями участников боевых действий, переживших боевую травму, которая, помимо приобретения инвалидности, становится и источником тяжелых переживаний по поводу своего социального статуса и профессиональной идентичности [1].

Целью настоящего исследования стало выявление особенностей взаимосвязи реабилитационного потенциала ветеранов боевых действий, получивших инвалидность вследствие боевой травмы, и их профессиональной самореализации, рассматриваемой, на основании теоретического анализа современных представлений о феномене профессиональной самореализации [6] в качестве критерия успешности профессионального переориентирования [7].

Для исследования были сформированы две исследовательские выборки, в которую вошли 36 кадровых офицеров в возрасте от 25 до 38 лет, получивших инвалидность вследствие боевой травмы в зоне специальной военной операции, и 36 военных пенсионеров – ветеранов боевых действий в возрасте от 44 до 62 лет, получивших инвалидность вследствие боевой травмы при участии в вооруженных конфликтах.

Для обеспечения чистоты исследования и объективности выводов критериями включенности в исследовательские группы стали: 1) наличие у респондента высшего военного образования (первичный профессиональный выбор); 2) наличие семьи (в том числе и гражданский брак); 3) наличие профессионального опыта вне военной службы (включая нестандартные формы занятости); 4) инвалидность вследствие ампутации конечностей. В первой группе стаж инвалидизации составил в среднем 2,4 года; во второй группе – 18,8 лет. В первой группе 22 респондента были трудоустроены (в том числе и «самозанятые») и 24 – нет; во второй группе трудоустроенные составили 18 человек, и 18 на момент исследования не работали. Все респонденты дали свое согласие на участие в исследовании, результаты которых были обсуждены на сессия индивидуального психологического консультирования.

Использованы: 1) опросник «Реабилитационный потенциал участников боевых действий с инвалидностью» (О.В. Соловьева с соавт.) [8], направленный на экспресс-диагностику психологического реабилитационного потенциала личности, получившей инвалидность вследствие боевой травмы; 2) методика «Типы и уровень профессиональной самореализации» (Е.А. Гаврилова) [9]; 3) модифицированный опросник «Профессиональная самореализация» (С.П. Свицерская с соавт.) [10].

Статистические методы исследования включали в себя, помимо стандартного пакета описательной статистики, расчет коэффициента корреляции по Спирмену.

Результаты и их обсуждение

Выявлены минимальные различия между двумя исследовательскими группами в изученных показателях.

Так, средние показатели реабилитационного потенциала личности, понимаемого как ее ресурсные возможности, как в первой группе, состоящей из инвалидов более молодого возраста и получивших ранение менее, чем три года до обследования, так и во второй группе статистически не отличались друг от друга и входили в диапазон средних значений (рисунок 1).

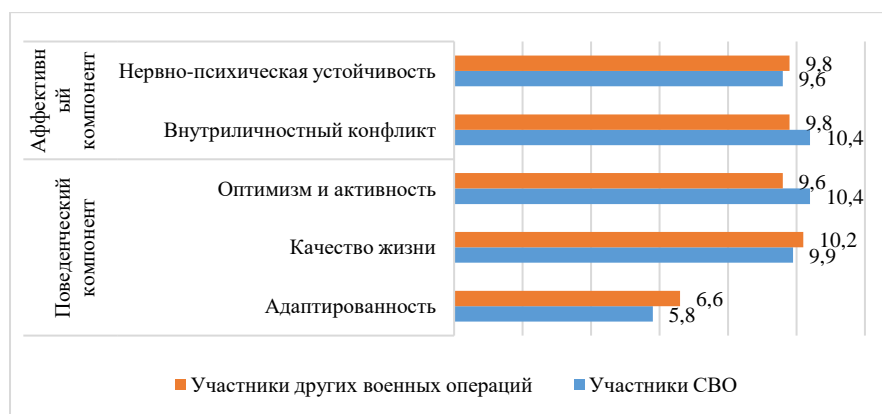

Рисунок 1 – Показатели реабилитационного потенциала респондентов двух исследовательских групп (средний балл)

Как поведенческий, так и аффективный компоненты психологического реабилитационного потенциала выражены в двух группах средне, что дает нам право говорить о наличии в каждой группе лиц как с высоким, так и с низким уровнями ресурсных возможностей.

Статистически достоверные различия между исследовательскими группами не были зафиксированы и в показателях уровня профессиональной самореализации. Здесь необходимо уточнить, что выявленные среднегрупповые значения отражают результаты опроса не только трудоустроенных респондентов, но и тех кадровых офицеров, кто на момент исследования находился в статусе безработного пенсионера, вследствие чего в ответах на предложенные вопросы они опирались на имеющийся у них опыт профессиональной деятельности. В связи с этим, можно говорить об ограничении интерпретации эмпирических данных.

Тем не менее, выявлено, что как в одной, так и другой группах более 10% респондентов характеризуются самым примитивным уровнем профессиональной самореализации, при котором наблюдается малоактивная профессиональная позиция, низкая профессиональная рефлексия и саморегуляция профессиональной деятельности. Различия между группами заключаются лишь в том, что, если в первой группе не было ни одного респондента, кто характеризовался бы высшим уровнем профессиональной самореализации, при котором наблюдался бы осознанный профессиональный выбор, соответствующий своим склонностям, способностям, потребностям и одновременно возможностям, в связи с наличием определенных ограничений, то во второй группе процент таких респондентов составил 11,11%. Вместе с тем, около четверти ветеранов боевых действий, получивших инвалидность вследствие военной травмы, вне зависимости от стажа инвалидизации, характеризуются средними уровнями профессиональной самореализации: уровнем реализации ролей и норм поведения организаций и индивидуально-исполнительским уровнем, обуславливающим адаптацию к своему состоянию и компромиссное вынужденное профессиональное самоопределение.

Определенный интерес представляют результаты исследования типов профессиональной самореализации. Следует говорить о том, что выявлены преобладающие типы по количеству баллов, набранных респондентами по разным шкалам соответствующей методики.

На рисунке 2 наглядно представлены результаты такого исследования.

Успешной профессиональной самореализацией, предполагающей высокий уровень развития как ресурсного ее компонента, так и целевого, и феноменологического, характеризовались всего 4 человека – ветераны боевых действий, инвалиды вследствие боевой травмы второй группы – в первой группе таких респондентов выявлено не было. Их профессиональная деятельность носит осознанный характер, соответствует их желаниям, потребностям, ценностным ориентациям, соотносится с общими жизненными целями и вполне вписывается в общий фон жизнедеятельности в целом. Работа у таких людей включена в общую систему жизнеосуществления и приносит чувство удовлетворенности как от трудовой деятельности, так и от жизни в целом.

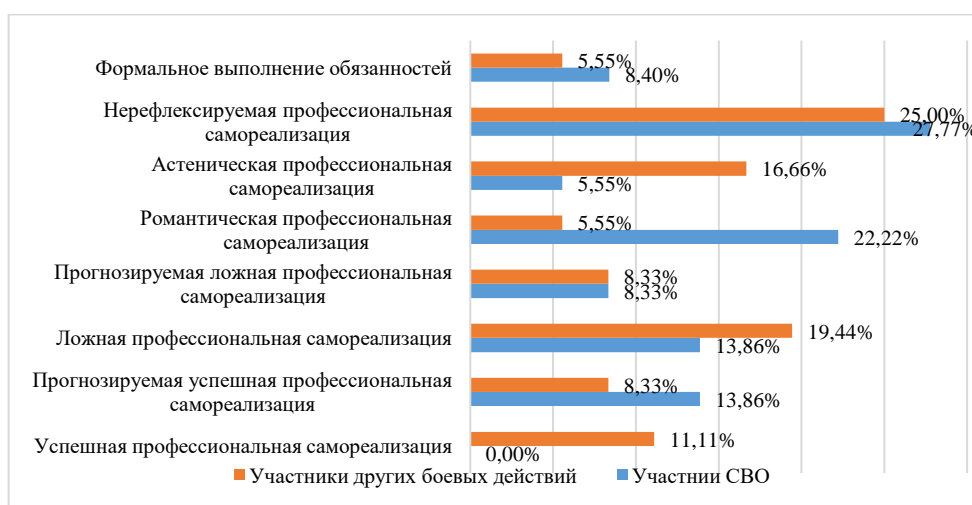

Рисунок 2 – Процентное распределение респондентов двух исследовательских групп по типам профессиональной самореализации

Большинство респондентов первой группы, то есть 22,22%, характеризуются романтическим типом профессиональной самореализации, согласно которому у них проявляется стремление к реализации своего творческого и личного потенциала, надежда на достижение чувства профессиональной реализованности, однако профессиональная деятельность так и остается «несбыточной» надеждой, и они достаточно часто ощущают свою несостоятельность и ошибочность профессиональных ожиданий.

Многие кадровые офицеры, получившие серьезные ранения в ходе выполнения своего воинского долга, характеризуются преобладанием нерефлексируемого типа профессиональной самореализации. Они работают в основном потому, что «так надо», надо или для них самих, или для их родственников, надо для материальной поддержки, для того, чтобы себя ни в чем не винить, однако такая профессиональная деятельность не приносит того удовлетворения, которое лежит в основе ощущения профессиональной самореализации и исполненности.

Исследование, проведенное с помощью модифицированной методики С.П. Свицерской, подтвердили ранее сделанные выводы (таблица 1).

Таблица 1

Результаты исследования профессиональной самореализации респондентов двух исследовательских групп

Показатели профессиональной самореализации	1 группа	2 группа	Уровень значимости
Понимание ценности труда	5,4 ± 0,36	5,6 ± 0,44	> 0,05
Уровень осмысленности профессиональной деятельности	5,6 ± 0,43	5,5 ± 0,39	> 0,05
Потребность в профессиональной самореализации	6,9 ± 0,59	5,8 ± 0,51	> 0,05
Вера в себя и свои возможности	8,2 ± 0,74	5,2 ± 0,52	< 0,01
Уровень активности и самостоятельности	5,8 ± 0,56	5,4 ± 0,59	> 0,05
Креативность в деятельности	5,2 ± 0,41	5,0 ± 0,46	> 0,05
Стремление к сотрудничеству с коллегами	5,7 ± 0,53	5,6 ± 0,48	> 0,05
Устойчивость к профессиональному стрессу	5,9 ± 0,61	5,8 ± 0,57	> 0,05
Стремление к поддержанию профессионального здоровья	5,0 ± 0,45	5,2 ± 0,43	> 0,05
Профессиональная самооценка	5,6 ± 0,51	5,6 ± 0,52	> 0,05
Ответственность за результаты деятельности	5,4 ± 0,47	5,5 ± 0,46	> 0,05
Стремление к саморазвитию	5,9 ± 0,58	6,3 ± 0,61	> 0,05
Удовлетворенность трудом	5,0 ± 0,42	5,0 ± 0,44	> 0,05

Среднегрупповые показатели каждого индикатора профессиональной самореализации как в первой, так и во второй исследовательских группах, находятся в диапазоне средних значений. Между группами статистически достоверных различий зафиксировано было только в показателях веры в себя и свои возможности (в первой группе данный показатель значимо выше, чем во второй), а также в показателях устойчивости к профессиональному стрессу (во второй группе данный показатель, напротив, статистически достоверно выше, чем в первой, что может объясняться опытом и возрастом респондентов второй группы кадровых офицеров).

Ввиду отсутствия статистически значимых различий между группами в показателях как реабилитационного потенциала, так и в профессиональной самореализации, дальнейший корреляционный анализ изучаемых показателей был проведен на общей исследовательской выборке.

Результаты корреляционного анализа, наглядно представленные в таблице 2, свидетельствуют о достаточно тесной взаимосвязи изученных показателей.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа показателей реабилитационного потенциала респондентов двух исследовательских групп и уровня их профессиональной самореализации

Показатели реабилитационного потенциала/ профессиональной самореализации	Целевой компонент	Феноменологический компонент	Ресурсный компонент
Поведенческий компонент	0,51614	0,56724	0,49721

Аффективный компонент	0,80122	0,47378	0,50374
Когнитивный компонент	0,51945	0,43023	0,49483

Выявлены тесные корреляционные связи между всеми показателями реабилитационного потенциала личности ветеранов боевых действий, получивших инвалидность в результате боевой травмы, и их профессиональной самореализацией, отражающей опыт работы вне военной службы.

В результате исследования выявлена корреляционная связь между уровнем развития реабилитационного потенциала ветеранов боевых действий, вне зависимости от их возраста и стажа инвалидизации, и профессиональной самореализацией их личности. Объективно существующая взаимосвязь между исследуемыми показателями может свидетельствовать как о влиянии успешности профессиональной переориентации на реабилитационный процесс, так и об обратном влиянии реабилитационного потенциала личности участников боевых действий на успешность профориентационной работы и мер, предпринимаемых для их успешного трудоустройства. В связи с этим, выявленная взаимосвязь позволяет говорить о целесообразности интеграции психологических мер, направленных на профессиональное переориентирование ветеранов боевых действий, получивших серьезные ранения и вынужденных делать компромиссный профессиональный выбор, и одновременно на оказание им помощи в комплексной реабилитации и повышении реабилитационного потенциала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гафнер, В.В. Профессиональная переориентация бывших военнослужащих и проблема становления профессиональной компетентности учителя ОБЖ // ОБЖ. Основы безопасности жизни. – 2004. – № 11. – С. 47 – 49.
2. Бонкало, Т.И. Комплексная реабилитация участников специальной военной операции на Украине: дайджест январь-февраль 2023 / Т.И. Бонкало. – Москва: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. – 39 с. URL: <https://niioz.ru/moskovskayameditsina/izdaniyanii/daydzhest-meditsinskiy-turizm-i-eksport-meditsinskikh-uslug/>
3. Борозинец, Н.М. Педагогические аспекты профессиональной реабилитации инвалидов боевых действий в контексте реабилитационного потенциала / Н.М. Борозинец, Г.Ю. Козловская, Т.С. Шеховцова // Угрозы и показатели благополучия и безопасности человека в современном мире: Коллективная монография. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2025. – С. 156-167.
4. Сальникова, О.Д. Особенности вторичной профессиональной ориентации лиц с инвалидностью, приобретенной в ходе боевых действий / О.Д. Сальникова, Н.М. Борозинец // Инклюзивные процессы в международном образовательном пространстве: Материалы VIII Международного Интернет-симпозиума, Ставрополь, 14 декабря 2023 года. – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2023. – С. 71-76.
5. Карасаева Л.А., Смекалкина Л.В., Зилов В.Г., Нурова А.А., Фролов В.А. Разработка реабилитационных мероприятий, способствующих трудоустройству инвалидов вследствие военной травмы // Вестник новых медицинских технологий. – 2023. – №1. – С. 95-99. DOI: 10.24412/1609-2163-2023-1-95-99.
6. Тарасова Е.М., Григорьева М.А. Показатели профессиональной самореализации женщин с разным социально-профессиональным статусом // Человеческий капитал. – 2023. – № 5 (173). – С. 340 – 347. DOI: 10.25629/НС.2023.05.36.

7. Возняк, О.В. Особенности профессиональной самореализации женщин-предпринимателей / О.В. Возняк, Д.С. Занин // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10. – № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/39PSMN122.pdf>.

8. Соловьева, О. В., Лукьянов, А. С., Борозинец, Н. М., Прилепко, Ю. В., Браккер, Е. Л. Комплексная психологическая экспресс-диагностика реабилитационного потенциала участников боевых действий с инвалидностью // Российский психологический журнал. – 2024. – Т. 21. – № 4. – С. 288-310. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.4.15>.

9. Гаврилова, Е.А. Психодиагностическая методика «Тип и уровень профессиональной самореализации»: разработка, описание и психометрия // Вестник ТвГУ. Серия: Педагогика и психология. – 2015. – № 3. – С.19-35.

10. Свидерская С. П., Шабашева Е. А., Игнатович Ю. О. Диагностика профессиональной самореализации педагогов // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». – 2021. – № 4 (12). – С. 12-22. URL: <https://koirojournal.ru/realises/g2021/24dec2021/kvo402/>

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИДЕРСТВА СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН-РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Посохова Анастасия Владиславовна

профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, доктор психологических наук, доцент,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «МИРЭА – Российский технологический университет», Москва, РФ
SPIN-код: 9960-5403

В статье представлен развернутый теоретический анализ лидерства и лидерских качеств женщин-руководителей на основе актуальных отечественных и зарубежных исследований в области психологии труда. Рассматриваются ключевые личностные и поведенческие характеристики, определяющие эффективность женского лидерства, институциональные и культурные барьеры, ограничивающие реализацию лидерского потенциала, а также особенности восприятия женщин-лидеров в профессиональной среде. Предлагаются направления дальнейших исследований в контексте психологической науки и управленческой практики.

Ключевые слова: лидерство, женщины-руководители, эмоциональный интеллект, гендерные стереотипы, трансформационный стиль.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF LEADERSHIP OF MODERN WOMEN-LEADERS

Posokhova Anastasia Vladislavovna

Professor, doctor of Psychology, Associate Professor,
RTU-MIREA, Moscow, Russia

The article presents an extended theoretical analysis of the leadership and leadership qualities of women managers based on Russian and international studies in the field of occupational psychology. The paper examines key personal and behavioral characteristics that determine the effectiveness of female leadership, as well as institutional and cultural barriers limiting the realization of leadership potential. Special attention is paid to the perception of women leaders in professional environments. Directions for further research in the context of psychological science and management practice are proposed.

Keywords: leadership, women managers, emotional intelligence, gender stereotypes, transformational style.

Проблема лидерства и лидерских качеств руководителей традиционно рассматривается как одна из наиболее значимых в научном знании. Она отличается рядом особенностей, которые выделяют её среди других исследовательских направлений, обладающих высокой практической значимостью. Лидерство сохраняет актуальность на протяжении всей истории, так как именно лидеры играют решающую роль в борьбе за власть, отстаивании ценностей, продвижении масштабных идей и стратегий. При этом постоянно изменяются требования к лидерам, условия их деятельности, формы коммуникации и технологии управленческого взаимодействия. Всё это актуализирует необходимость теоретического осмысления феномена

лидерства и разработки научно обоснованных рекомендаций, что требует проведения системных исследований в данной области.

Следует отметить, что несмотря на то, что психологические исследования в области лидерства отличаются значительным разнообразием, в их основе по-прежнему сохраняется фокус на изучении лидеров-мужчин, их деятельности и стилей взаимодействия. Однако это редко фиксируется напрямую: чаще используется абстрактное, «гендерно нейтральное» понятие «лидер», как будто полученные результаты в равной мере применимы и к мужчинам, и к женщинам. Но реальные социальные и психологические проявления мужского и женского лидерства не идентичны. Женское лидерство обладает собственной, пока недостаточно изученной и осмысленной, психологической спецификой, которая требует отдельного анализа и теоретического осмысления.

Актуальность исследования лидерских качеств женщин-руководителей подтверждается также тем, что в последнее десятилетие наблюдается устойчивая тенденция к росту числа женщин, занимающих управленческие должности как в бизнес-структурах, так и в государственных организациях [1;2]. Этот процесс связан не только с объективными социально-экономическими изменениями, но и с трансформацией моделей управления, в которых возрастает ценность «мягких» компетенций – эмпатии, коммуникабельности, этичности и готовности к сотрудничеству [3;4].

Вместе с тем сохраняются значительные институциональные и социокультурные барьеры на пути карьерного продвижения женщин-руководителей. Результаты теоретического исследования.

Анализируя особенности женского лидерства, С.К. Азизи отмечает, что тема женского лидерства приобретает особую значимость в условиях социальных трансформаций. С одной стороны, число женщин-руководителей в бизнесе и политике растёт, с другой – сохраняются устойчивые гендерные барьеры, препятствующие полноценной реализации их лидерского потенциала. Автор выделяет следующие особенности женского лидерства: эмоциональную направленность, социальную ответственность и адаптивность.

Женщины-руководители чаще демонстрируют эмпатию, внимательность к межличностным отношениям, склонность учитывать эмоциональное состояние коллектива. Их стиль управления более демократичен, основан на диалоге и сотрудничестве. Для женщин характерна ориентация не только на достижение результата, но и на долгосрочную стабильность и справедливость. Они больше внимания уделяют социальной миссии организации и моральной стороне управленческих решений. Женщины чаще гибко подстраиваются под изменяющиеся обстоятельства, стремятся к компромиссам и конструктивному урегулированию конфликтов.

Также подчеркивается наличие у женщин-лидеров «мягких» компетенций: эмпатии, заботы, готовности к диалогу, кооперации и ориентации на справедливость. Эти черты выступают не как слабость, а как специфический ресурс, который может усиливать доверие в коллективе и поддерживать устойчивость команды [5].

Согласно Е.В. Жилияковой, выраженные эмпатические качества у женщин-руководителей способствуют разрушению негативных стереотипов, формируя позитивный имидж лидера в глазах подчиненных и коллег [6]. Автор выделяет несколько характеристик, которые чаще проявляются у женщин-лидеров:

внимание к межличностным аспектам. Женщины-лидеры склонны уделять больше внимания эмоциональным и межличностным компонентам взаимодействия: слушанию, поддержке, чувствам сотрудников. Это проявляется в стилях управления, более ориентированных на сотрудничество и участие.

гибкость и адаптивность. Женщины часто действуют гибко, адаптируя стиль поведения под контекст, учитывая запросы и настроение коллектива.

самоограничения и осторожность в «мужских» ролях. По причине социальных ожиданий многие женщины проявляют осторожность в проявлении «жестких» лидерских требований, чтобы избежать негативной оценки.

В.Г. Зарубин и Л.С. Киселева подчеркивают, что доля женщин в топ-менеджменте российских организаций считается одной из самых высоких в мире по ряду индикаторов (Women Business Index), что свидетельствует о создании относительно благоприятной бизнес- и социальной среды в России. При этом отмечается некий парадокс: женщины в России ведут свой стиль управления не через копирование «мужского», а через творческое использование своих личностных черт (например, «мягкие» техники взаимодействия, знаки внимания, мягкое разрешение конфликтов). Под «мягкими конфликтными технологиями» понимаются способы разрешения противоречий, которые ориентированы не на силовое давление или жесткую конкуренцию, а на поиск взаимоприемлемых решений. Женщины-руководители чаще прибегают к следующему:

переговорам и диалогу, где приоритет отдаётся выслушиванию сторон;
позаправному снижению напряжения (например, перевод конфликта в конструктивное русло через разъяснение позиций);
эмпатическому учёту эмоций участников ситуации.

Такой подход позволяет не только устранять отдельные конфликтные эпизоды, но и формировать долгосрочную атмосферу доверия в коллективе.

Женщины-руководители часто применяют особые «техники внимания», которые заключаются в использовании невербальных и вербальных сигналов, демонстрирующих заботу о сотрудниках. Это может выражаться в поддерживающих репликах, признании заслуг, гибкости по отношению к личным обстоятельствам подчинённых. Женщины-лидеры также чаще принимают во внимание эмоциональный фон ситуации и учитывают психологическое состояние участников процесса при принятии решений. Эти качества позволяют женщинам быстрее реагировать на изменения внешней среды, адаптировать управленческие решения под потребности персонала и минимизировать стресс [1;7].

Проведенные исследования подтверждают ключевую роль эмоционального интеллекта как ресурса женского лидерства [8]. Женщины-лидеры демонстрируют более высокий уровень эмоционального интеллекта, по сравнению с мужчинами, что позволяет им эффективнее управлять межличностными отношениями, снижать уровень профессионального стресса и стимулировать процессы организационного обучения.

Ю.Ю. Чех констатирует связь эмоционального интеллекта с лидерским и творческим потенциалом женщин-руководителей, что указывает на значимость психологических ресурсов для управления в условиях неопределенности. В проведенном исследовании женщины-руководители демонстрировали средний и выше среднего уровень эмоционального интеллекта. Эмоциональный интеллект проявляется в способности распознавать как свои, так и чужие эмоции, регулировать эмоциональные состояния и учитывать эмоциональный фон в коммуникации. Четкая положительная корреляция была установлена между компонентами эмоционального интеллекта и шкалами лидерства: чем выше эмоциональная компетентность, тем сильнее выражены показатели лидерского потенциала и творческой активности. Женщины-руководители с высоким эмоциональным интеллектом чаще проявляют инициативность, инновационные идеи и готовы к управленческой ответственности. Установлено, что эмоциональный интеллект играет важную роль в раскрытии лидерского потенциала женщин-руководителей: он не просто коррелирует с лидерскими показателями, но способствует их усилению [9].

Е.А. Сергиенко в своем исследовании роли эмоционального интеллекта в совладании со сложными жизненными ситуациями также показала, что у руководителей-женщин уровень эмоционального интеллекта значительно выше, чем у сотрудников без управленческого опыта; при этом развитые навыки распознавания

и регулирования эмоций способствуют выбору более адаптивных копинг-стратегий в стрессовых ситуациях. Эмоциональный интеллект рассматривается как психологический ресурс, повышающий адаптивные способности личности и ориентирующий её на использование более эффективных копинг-стратегий. Люди с высоким уровнем эмоционального интеллекта склонны выбирать активные, целенаправленные методы совладания, а не избегание или эмоциональное «перерабатывание» [10].

Подобные результаты находят подтверждение и в зарубежных исследованиях. Согласно И. Коронадо-Малдонадо, эмоциональный интеллект женщин-лидеров играет медиаторную роль в эффективности командной работы: высокий уровень эмпатии и способность к эмоциональной поддержке создают атмосферу психологической безопасности и повышают готовность сотрудников к обмену знаниями [11].

М. Гуптиль, исследуя, какие факторы влияют на решение женщин-врачей в области неотложной медицины занять руководящие должности, а также какие барьеры и мотивы определяют их карьерные траектории, выявил, что эмоциональная восприимчивость и умение учитывать чувства коллег являются ключевыми факторами при формировании их лидерской идентичности. Большинство женщин отмечают, что на их решение пойти в руководство повлияли внутренние установки (желание улучшить систему, поддержать коллег, повысить качество ухода за пациентами). Особую роль женщины-руководители отводят наставничеству. Поддержка наставников (особенно женщин-лидеров) оказалась ключевым фактором, укрепляющим уверенность и формирующим лидерскую идентичность. Отсутствие наставников воспринимается как серьёзное препятствие к карьерному росту [12].

Таким образом, эмоциональный интеллект можно рассматривать как один из базовых предикторов успешности женщин-руководителей. Он обеспечивает не только межличностную эффективность и снижение конфликтности, но и выступает механизмом формирования трансформационного лидерства, повышая доверие, командную сплоченность и инновационный потенциал организации [8; 9; 11].

В современных исследованиях отмечается, что женщины-лидеры часто демонстрируют высокий уровень моральной ответственности, справедливость и ориентацию на долгосрочное благо коллектива. Согласно К. Стажкович, женщины-лидеры чаще используют этику заботы – подход, ориентированный на устойчивые и справедливые решения. Автор делает вывод, что этика заботы может быть одним из механизмов, через которые проявляется преимущество женского лидерства, особенно в контексте городского развития и борьбы с социальным неравенством [13].

М. Басс также исследует роль моральных и этических аспектов в женском лидерстве. Автор отмечает, что именно моральный и этический компоненты являются одними из наиболее устойчиво упоминаемых признаков женского лидерства. Женщин-лидеров чаще описывают как руководителей, чьи решения и действия строятся на принципах справедливости, ответственности и этики заботы. Это проявляется как в межличностных отношениях (поддержка сотрудников, учёт интересов разных групп), так и в стратегическом управлении (ориентация на долгосрочное благо, социальную устойчивость, инклюзивность). Женское лидерство исследователь также связывает с моделью заботы, где акцент делается на человеческих отношениях, солидарности, внимании к слабым и уязвимым членам организации или общества. Это противопоставляется классическим моделям «маскулинного лидерства», где в центре стоят эффективность, сила и жёсткая конкуренция [14].

Женщины-лидеры чаще ориентируются на достижение коллективного благополучия, а не на индивидуальные достижения. В их управленческом стиле прослеживается стремление к инклюзивному процессу принятия решений, где учитываются разные точки зрения и голоса. Этический и моральный компонент не является случайным или второстепенным признаком женского лидерства – напротив, он рассматривается как структурный элемент стиля руководства. Именно благодаря

ориентации на моральные ценности женщины-лидеры воспринимаются как эффективные управленцы в кризисных условиях и в сферах, где требуются доверие, сотрудничество и социальная ответственность.

Таким образом, эмпирические и теоретические данные позволяют заключить, что этичность является ключевым компонентом женского лидерства, усиливающим доверие к руководителю, легитимность власти и эффективность управления.

Коммуникативная готовность также является одним из ключевых инструментов управленческой эффективности и играет центральную роль в формировании лидерских стратегий женщин-руководителей. Ю. Умар утверждает, что женщины-лидеры чаще выступают в роли ключевых коммуникаторов внутри организации, используя демократический и партнёрский стиль общения, что способствует сокращению дистанцирования власти и формированию атмосферы сотрудничества [15]. Такой подход обеспечивает не только оперативное решение задач, но и развитие организационной культуры, основанной на ценностях взаимного уважения и справедливости. Более того, женщины чаще воспринимаются подчинёнными как доступные и отзывчивые руководители, готовые учитывать мнения сотрудников при принятии управленческих решений, что усиливает их легитимность и укрепляет авторитет.

Другие эмпирические исследования также подтверждают ценность коммуникативной готовности женщин-руководителей. М. Гуптиль определил, что умение выстраивать доверительные коммуникации способствует формированию сильных профессиональных сетей и поддерживает устойчивое развитие коллективов [12].

Таким образом, готовность к коммуникации и умение выстраивать эффективный диалог можно рассматривать как базовые компетенции женского лидерства, которые проявляются не только в индивидуальных стилях общения, но и в способности женщин формировать интегративную, сплочённую и высоко мотивированную организационную среду. Эти качества усиливают эффективность управленческих решений, укрепляют доверие сотрудников и обеспечивают рост вовлечённости, что делает коммуникацию одним из ключевых ресурсов лидерства женщин в современных организациях [12;15;16].

Трансформационный стиль лидерства рассматривается как один из наиболее эффективных и характерных для женщин-руководителей. Его теоретические основы были заложены в работах Б. Басса и Б. Аволио, которые определяли трансформационное лидерство как способность лидера вдохновлять последователей, формировать у них высокую мотивацию, развивать креативность и внутреннюю вовлечённость [17]. В отличие от транзакционного лидерства, основанного на системе вознаграждений и наказаний, трансформационный стиль предполагает более глубокое воздействие на ценностные ориентации сотрудников, акцент на смысле и значении выполняемой работы. Основными характеристиками данного стиля являются: инспирирующая мотивация, индивидуализированное внимание, интеллектуальная стимуляция и идеализированное влияние.

Многочисленные исследования подтверждают, что именно женщины чаще демонстрируют данные характеристики. Так, М. Нэш показала, что женщины в академической сфере чаще описывают себя как трансформационных лидеров, подчеркивая значимость наставничества и поддержки коллег. Трансформационный стиль лидерства включает такие качества, как эмпатия, способность к индивидуализированной поддержке сотрудников, ориентация на сотрудничество и справедливость. Эти характеристики позволяют женщинам формировать доверительные отношения в коллективе, повышать мотивацию и вовлечённость сотрудников, что в итоге сказывается на результатах деятельности организации [4].

Согласно Е.С. Балабановой, трансформационный стиль женщин-руководителей проявляется через эмпатию, справедливость и готовность учитывать социальный контекст принятия решений. Также подчеркивается роль эмоционального интеллекта

как важного предиктора трансформационного лидерства, особенно у женщин-лидеров [3]. Таким образом, трансформационный стиль лидерства можно рассматривать как модель управления, в которой сочетаются эмпатия, ориентация на сотрудничество и способность формировать долгосрочную мотивацию сотрудников, что делает его особенно характерным и продуктивным для женщин-руководителей в современных организациях.

Вместе с тем, современные исследования показывают, что существуют устойчивые барьеры, связанные с восприятием женщин на руководящих позициях.

Е.В. Жиликова анализирует факторы, препятствующие развитию женского лидерства. К ним относятся: социальные ожидания, гендерные стереотипы, конфликт ролей и недостаток институциональной поддержки [18].

Женщина в руководящей роли сталкивается с противоречием между традиционными ожиданиями общества («женственность», забота о семье, эмоциональная мягкость) и требованиями управленческой позиции (решительность, конкурентность, готовность к жёстким решениям). Кроме того, в оценке женщин-руководителей общество порой использует «двойные стандарты»: в случае, когда женщина на руководящей должности проявляет традиционно «мужские» лидерские качества – её могут критиковать за агрессивность, холодность и отсутствие «женственности»; если же она демонстрирует мягкость и заботу – она может восприниматься подчиненными как «недостаточно сильный лидер». Кроме того, существующие в обществе гендерные стереотипы автоматически приписывают женщинам меньшую компетентность или лидерский потенциал, что влияет и на самооценку самой женщины.

Конфликт ролей в деятельности женщины-руководителя связан с необходимостью совмещать профессиональную и семейную сферы. На женщину, даже при занятии высокой должности, по-прежнему возлагаются обязанности, связанные с воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства. Это ведёт к постоянному напряжению и выбору между «карьерой» и «семьёй», формирует хроническую усталость и эмоциональное выгорание.

Также подчеркивается, что женщины-руководители имеют ограниченный доступ к ресурсам и сетям влияния, по сравнению с мужчинами. В организациях сохраняется «стеклянный потолок»: женщины чаще остаются на средних уровнях управления и редко допускаются в стратегические звенья. Мужчины в организациях чаще формируют неформальные альянсы («клубы по интересам»), от которых женщины оказываются отрезаны, что, в свою очередь, ограничивает для них доступ к информации, карьерным возможностям и ресурсам. В результате женское лидерство реализуется лишь частично: даже обладая высоким уровнем компетентности и мотивации, женщины вынуждены тратить значительные психологические и эмоциональные ресурсы на преодоление предубеждений, совмещение ролей и поиск поддержки в среде, которая остаётся преимущественно мужской.

По мнению С.К. Азизи, в условиях российского бизнеса и государственного управления гендерные стереотипы до сих пор сохраняют значительное влияние, снижая доверие к женщинам-руководителям и ограничивая их возможности карьерного роста [5].

М. Гуптиль также выделяет барьеры и препятствия на пути профессионального становления женщин-руководителей. Ключевыми ограничителями женского лидерства выступают гендерные стереотипы, формирующие сомнения в компетентности женщин, трудности совмещения профессиональной и семейной ролей, приводящие к самоограничениям, а также исключённость из неформальных организационных сетей, которые традиционно играют важную роль в карьерном продвижении. Совокупность этих факторов создаёт устойчивый барьер для раскрытия лидерского потенциала женщин и требует комплексных мер – от трансформации организационной культуры до институциональной поддержки и программ наставничества [12].

Анализ отечественных и зарубежных исследований подтверждает, что женщины-руководители обладают комплексом лидерских качеств, включающим эмпатию, эмоциональный интеллект, коммуникативная готовность, этичность и трансформационный стиль управления. Эти качества не только способствуют созданию благоприятного социально-психологического климата в коллективе, но и обеспечивают высокую эффективность управленческих решений, особенно в условиях кризисных и неопределённых ситуаций.

Однако, несмотря на наличие этих ресурсов, институциональные и культурные барьеры продолжают ограничивать реализацию лидерского потенциала женщин и препятствуют равному доступу женщин к ключевым руководящим должностям. Это усиливается влиянием традиционных гендерных ролей, которые ограничивают возможности карьерного роста даже при высоком уровне профессиональной компетентности.

Решение данной проблемы требует комплексного подхода, сочетающего развитие психологических ресурсов – таких как эмоциональный интеллект, субъектность и креативность – с внедрением внутриорганизационных практик, направленных на снижение предвзятости и поддержку карьерного продвижения женщин.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киселева Л.С. Гендерные аспекты лидерства в бизнесе: мировой опыт и Россия / В.Г. Зарубин, Л.С. Киселева // Современные исследования социальных проблем. – 2019. – № 4. – С. 145-152.
2. Придатченко М.В. Отношение к женскому лидерству в контексте профессиональной субъектности / М.В. Придатченко // Вестник гуманитарных наук. – 2022. – № 2. – С. 53-61.
3. Балабанова Е.С. Руководитель как трансформационный лидер: роль личности и восприятия / Е.С. Балабанова // Российский журнал менеджмента. – 2018. – Т. 16. – № 2. – С. 33-49.
4. Nash M. Women in STEM: leadership styles // Journal of Gender Studies. – 2017. – Vol. 26. – No. 6. – P. 632-645.
5. Азизи С.К. Особенности и проблемы женского лидерства / С.К. Азизи // Современные научные исследования. – 2020. – № 3. – С. 45-52.
6. Жилиякова Е.В. Женское лидерство / Е.В. Жилиякова // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 12. – С. 114-118.
7. Зарубин В.Г. Гендерные аспекты лидерства в бизнесе / В.Г. Зарубин // Управленческие науки. – 2019. – № 3. – С. 44-51.
8. Hsu M.L., Chen C., Liu Y. Emotional Intelligence and Transformational Leadership: A Meta-Analysis // Frontiers in Psychology. – 2022. – Vol. 13. – Article 921157.
9. Чех Ю.Ю. Эмоциональный интеллект и лидерский потенциал современных женщин-руководителей // Вестник психологии и педагогики. – 2018. – № 3. – С. 27-34.
10. Сергиенко Е.А. Роль эмоционального интеллекта в совладании со сложными жизненными ситуациями / Е.А. Сергиенко, Е.А. Хлевная, Т.А. Киселева, А.А. Никитина, Е.И. Осипенко // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – 26 (4). С. 120-128.
11. Coronado-Maldonado I., Benítez-Márquez M.D. Emotional intelligence, leadership, and work teams: A hybrid literature review // Behavioral Sciences. – 2023. – Vol. 13. – No. 6. – Article 432.
12. Guptill M., Tracy C., Stone R. Deciding to lead: Women in emergency medicine // Academic Emergency Medicine. – 2018. – Vol. 25. – No. 11. – P. 1233-1241.4.

13. Stajkovic K., Stajkovic A.D. Ethics of Care Leadership, Racial Inclusion, and Economic Health in the Cities: Is There a Female Leadership Advantage? // Journal of Business Ethics. – 2024. – Vol. 189, No. 4. – P. 699-721.

14. Buss M., Andler S., Tiberius V. Female leadership: An integrative review and research framework // Leadership Quarterly. – 2025. – Vol. 36. – № 3. – P. 101858.

15. Umar U. Female leadership in organisational communication perspective: A systematic literature review // Jurnal Studi Komunikasi. – 2021. – Vol. 5, № 2. – P. 453-470.

16. Marsendah D., Budiantoro A., Samryn L. The Influence of Women's Leadership and Communication Style on Employee Engagement at PT Biofarma // Journal of World Science. – 2023. – Vol. 2. – No. 11. – С. 1830-1836.

17. Bass B.M., Avolio B.J. Improving Organizational Effectiveness through Transformational Leadership. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1994. – 246 p.

18. Жилиякова Е.В. Препятствия для развития женских лидерских качеств / Е.В. Жилиякова // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 6. – С. 67-72.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФР ОБРАЗОВ СРЕД

УДК 159.9.072.3

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО РАЗНЫМ МОДЕЛЯМ ОБРАЗОВАНИЯ

Кондрашихина Оксана Александровна

Доцент кафедры «Психология», кандидат психологических наук, доцент
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
г. Севастополь, Россия
SPIN-код: 4348-5460

Медведева Снежанна Анатольевна

Доцент кафедры «Психология», кандидат психологических наук, доцент
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
г. Севастополь, Россия
SPIN-код: 4571-0762

Харитоновна Валерия Станиславовна

Психолог, г. Севастополь, Россия

Представлены результаты исследования психологического благополучия студентов, обучающихся по разным моделям образования – традиционному и 2+2. Выявлено, что у студентов, обучающихся по модели «2+2», выше показатели психологического благополучия и его компонентов по сравнению с группой студентов, обучающихся по традиционной модели. Для данных студентов характерен более высокий уровень позитивных эмоций, вовлеченности в процесс интересной и важной деятельности, наличие конструктивных смыслов, положительные отношения с окружающими, сочетающиеся с независимостью, умением противостоять манипулированию со стороны окружения, способностью самостоятельно регулировать свое поведение; выше общая удовлетворенность жизнью, показатели самочувствия, активности, настроения. В целом, возможность выбора студентами индивидуальной образовательной траектории, что реализуется в модели «2+2», является значимым условием их психологического благополучия.

Ключевые слова: психологическое благополучие, удовлетворенность, самочувствие, активность, настроение, студент, модель образования

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF STUDENTS STUDYING IN DIFFERENT EDUCATION MODELS

Kondrashikhina Oksana Aleksandrovna

Associate Professor of the Department of Psychology, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University", Sevastopol, Russia
SPIN-code: 4348-5460

Medvedeva Snezhanna Anatolyevna

Associate Professor of the Department of Psychology, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University", Sevastopol, Russia

SPIN-code: 4571-0762

Kharitonova Valeria Stanislavovna

Psychologist, Sevastopol, Russia

The article presents the results of a study of psychological well-being of students studying in different educational models – traditional and 2+2. It was found that students studying in the 2+2 model have more favorable indicators of psychological well-being and its components compared to the group of students studying in the traditional model. These students are characterized by a higher level of positive emotions, involvement in the process of interesting and important activities, the presence of constructive meanings, positive relationships with others, combined with independence, the ability to resist manipulation by others, the ability to independently regulate their behavior, overall satisfaction with life, indicators of well-being, activity, mood. Thus, the ability of students to choose an individual educational trajectory, which is realized in the 2+2 model, is a significant factor in their psychological well-being.

Keywords: *psychological well-being, satisfaction, well-being, activity, mood, student, educational model*

В современных условиях обучения повышенная учебная нагрузка, стрессы, связанные с оценочными компонентами учебной деятельности, жесткие временные рамки выполнения различного рода учебных задач, переживания, связанные с сепарацией от родителей, финансовые трудности, потеря привычной социальной среды при поступлении у иногородних студентов, повышенные риски террористической опасности актуализируют тревогу и другие негативные эмоциональные состояния студентов, что, в свою очередь, может влиять на учебные достижения и качество жизни в целом. В связи с этим, вопрос о поддержании и улучшении психологического благополучия студентов становится особенно актуальным.

В научной психологической литературе феномен психологического благополучия является поливариантным и традиционно рассматривается в ракурсе гедонистического (Э. Динер) и эвдемонического (К. Рифф, А. Уотерман) подходов, анализ которых неоднократно становился предметом исследований. Есть и тенденция к объединению данных категорий в интегральную характеристику (Р.М. Шамионов), а также существуют различные взгляды на соотношение (часто-целое) категорий психологического и субъективного благополучия (К.Рифф, Б.Сингер). Помимо вышеуказанных подходов научный анализ позволяет выделить и другие тактики изучения благополучия, которые реализуются через такие дефиниции, как «внутреннее благополучие» [1], «эмоционально-личностное благополучие» (Карапетян Л.В., Глотова Г.А.) [2], «эмоциональное благополучие» (Д.С.Никулина) [3], «личностное» благополучие» (Н.А.Батулин, С.А. Башкатов, Н.В. Гафарова) [4]. Отдельно хочется отметить подход М.Селигмана, который также можно отнести к попытке создать интегральную модуль благополучия через позитивные эмоции, вовлеченность, отношения, смыслы и достижения.

Психологическое благополучие студентов неоднократно становилось предметом исследования. Были рассмотрены разные аспекты психологического благополучия:

- Л. И. Габдулиной [5] изучалось влияние профессионального становления, условий учебной и социальной деятельности на психологическое благополучие студентов, анализировалось, как психологическое неблагополучие снижает эффективность учебной деятельности и продуцирует психосоматические расстройства. Т. О. Бородовицыной [6] подчеркивается роль роста учебно-информационных нагрузок, изменение архитектуры социальных отношений в возникновении эмоционального напряжения и снижения психологического благополучия;

- Е.Ю. Григоренко [7] подчеркивает значимость внутриличностных проблем студентов, с которыми они вступают в адаптационные к обучению в вузе процессы, их влияние на уровень психологического благополучия;

- С.А. Водяха [8] выделяет следующие предикторы психологического благополучия студентов: инновационная компетентность, открытость инновациям, склонность к нестандартному решению проблем; осмысленность жизни и осознанность мотивов деятельности. В. В. Ильченко, В. Л. Ситников выявили такие предикторы психологического благополучия: эмоциональная неустойчивость, экстернальный локус контроля, копинг-стратегия «избегание» (предсказывают снижение психологического благополучия) и экстраверсия, самоконтроль, экспрессивность, копинг-стратегия «поиск социальной поддержки» (предсказывают повышение благополучия) [9]. С.А.Русина выделяет особенности перфекционизма у студентов с разными уровнями (средним и низким) психологического благополучия. Так у студентов со средним и низким уровнем психологического благополучия выявлены высокие показатели перфекционизма, ориентированного на других; различия этих групп студентов касаются социально предписанного перфекционизма – у студентов с низким уровнем он характеризуется высокими значениями, а у студентов со средним уровнем благополучия – низкими [10]. Также данный автор анализирует корреляцию показателей толерантности/интолерантности к неопределенности и психологического благополучия студентов [11];

- М. И. Ефанова, Е. С. Вигандт выделяют эмоциональный интеллект как предиктор психологического благополучия студентов [12]. Фомина, Е. А. Кедярова, Н. И. Чернецкая подчеркивают значимость конфликтологической компетентности [13];

- Е.Ю. Григоренко [7] анализирует взаимосвязь психологического благополучия и ценностно-смысловой сферы личности; исследование показало, что выраженность компонентов психологического благополучия студентов находится во взаимосвязи с такими показателями ценностно-смысловой сферы, как стремление к безопасности, жизненной стабильности, самоактуализации, стремлением к проявлению заботы относительно благополучия близких, готовностью к риску. Также в работе Т. О. Бородовицыной [6] определена корреляция психологического благополучия студентов с компонентами мотивационно-ценностной сферы: позитивным отношением к себе в настоящем и позитивное представление себя в будущем;

- Я. И. Павлоцкой [14] проведено исследование, в рамках которого была установлена взаимосвязь между психологическим благополучием и социально-психологическими характеристиками и системами отношений личности молодежи, а также показана роль сплочённости в отношениях с родителями, доверия и эмоциональной близости. В рамках своего исследования Я.А.Беренева, Н. Н. Авраменко также доказывают, что хорошие отношения с родителями, адаптивные процессы сепарации являются коррелятами психологического благополучия студентов [15];

- исследования Е.А. Кабанченко и О.Г. Холодковой [16] дали возможность определить в качестве одного из предикторов психологического благополучия субъективную оценку студентами успешности как в жизни в целом, так и в обучении в частности, а также оценку состояния здоровья и удовлетворенность взаимоотношениями с противоположным полом.

Тем не менее, как показал анализ научной литературы, практически отсутствуют исследования, посвященные изучению психологического благополучия у студентов в зависимости от модели обучения (например, традиционной или альтернативной). Между тем, изучение психологического благополучия студентов позволит лучше понимать их потребности, строить эффективные образовательные программы и создать поддерживающую атмосферу в учебных заведениях. Возрастающая востребованность гибких образовательных траекторий привела к появлению альтернативных моделей обучения, одной из которых является формат обучения «2+2». Модель обучения по системе «2+2» включает в себя: первые два года – изучение общих дисциплин и вторые два года – углубленное изучение своей специализации.

Учитывая, что формат обучения в вузе может выступать значимым условием психологического благополучия студента, мы организовали исследование с целью выявить особенности психологического благополучия у студентов, обучающихся по разным моделям (традиционной и «2+2»). Были использованы следующие методики исследования: Опросник благополучия PERMA-Profilер (адаптация О. М. Исаевой, А. Ю. Акимовой, Е. Н. Волковой); Шкала психологического благополучия Рифф, PWB (адаптация Н.Н. Лепешинского); Шкала удовлетворенности жизнью, SWLS (в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина); опросник «Самочувствие-активность-настроение», САН (авторы В.А. Доскин, М. П. Мирошников). База исследования: Севастопольский государственный университет, участие в исследовании приняли 82 студента 2 курса, из них 40 студентов, обучающихся по традиционной модели обучения, и 42 студента, обучающихся по модели «2+2».

Результаты студентов, полученные по опроснику благополучия PERMA-Profilер, приведены на рисунке 1. Видно, что у большинства студентов интегральный показатель благополучия находится на среднем или высоком уровнях. И только у 20% студентов традиционного формата и у 5%, обучающихся по формату 2+2, диагностированы низкие показатели благополучия.

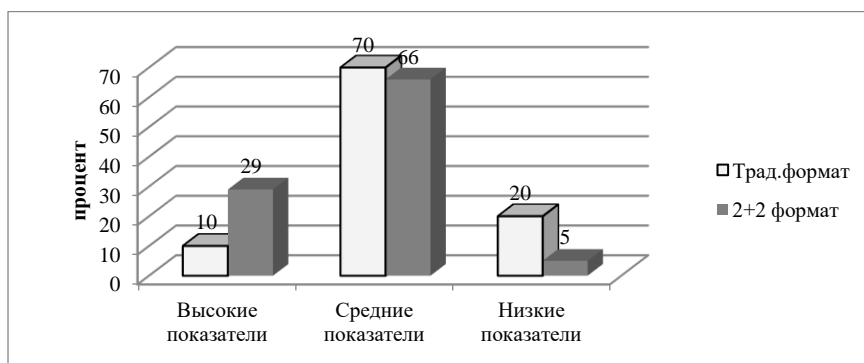

Рисунок 1 – Результаты по общей шкале благополучия по «Опроснику благополучия PERMA-Profilер»

Показатели по основным шкалам опросника PERMA-Profilер показывают достаточно высокую степень психологического благополучия: достаточный уровень по основным шкалам «Позитивные эмоции», «Вовлеченность», «Взаимоотношения», «Смысл», «Достижения», «Счастье», «Здоровье» набрали от 75% и более процентов студентов традиционной модели образования, 80% и более студентов модели 2+2 (таблица 1). По шкалам «Негативные эмоции» и «Одиночество» преобладают низкие показатели: студенты испытывают радость, удовлетворение в повседневной жизни, имеют крепкие социальные связи и поддержку, умеют эффективно справляться со стрессом и негативными переживаниями.

Количество студентов с достаточным уровнем выраженности показателей по шкалам Опросника благополучия PERMA-Profiler, в %

Шкалы	Традиционная модель	2+2 модель
Позитивные эмоции	85%	95%
Вовлеченность	85%	85%
Взаимоотношения	95%	90%
Смысл	80%	80%
Достижения	75%	85%
Счастье	80%	80%
Негативные эмоции	5%	15%
Здоровье	75%	80%
Одиночество	10%	15%

Сравнительный анализ данных по опроснику PERMA-Profiler, представленный на рисунке 2, показал, что более благоприятные показатели у студентов, обучающихся по модели «2+2». У данных студентов выше показатели по всем шкалам опросника, кроме обратных шкал.

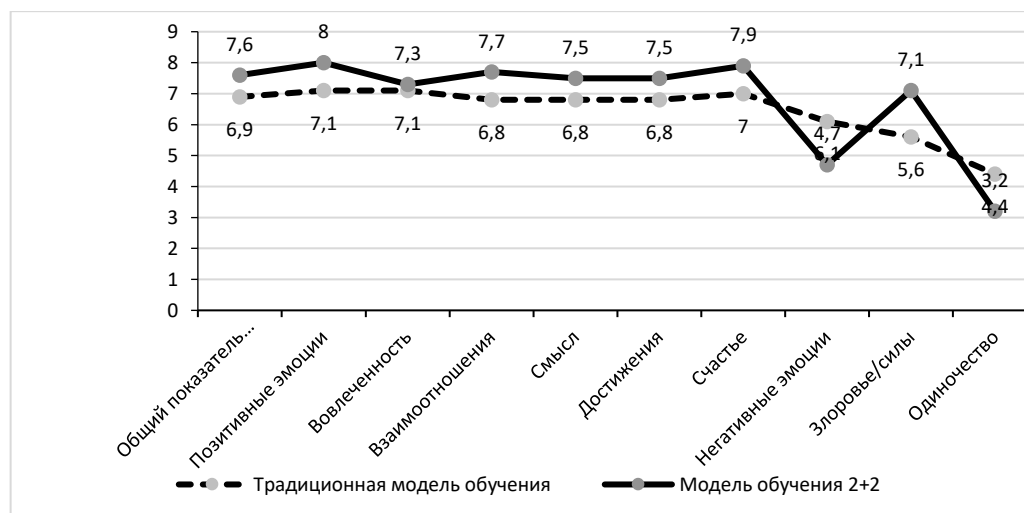

Рисунок 2 – Среднегрупповые значения (в баллах) двух групп по опроснику «Опросник благополучия PERMA-Profiler»

Для определения статистической значимости выраженности различий между исследуемыми группами был использован U-критерий Манна-Уитни. По шкале «Негативные эмоции» показатели в группе представителей модели обучения «2+2» статистически значимо ниже, чем в группе представителей традиционной модели ($U=467$, $p \leq 0,01$): студенты, обучающиеся по модели «2+2» в меньшей степени испытывают негативные эмоции по сравнению со студентами традиционной модели обучения. По шкалам «Общий показатель благополучия» ($U_{\text{эмп}}=596$), «Позитивные эмоции» ($U_{\text{эмп}}=605$), «Счастье» ($U_{\text{эмп}}=611$) и «Здоровье/силы» ($U_{\text{эмп}}=628$) результаты статистически значимо выше ($p \leq 0,05$) у студентов, обучающихся по модели «2+2». По остальным шкалам различия статистически не значимы.

Теперь рассмотрим результаты диагностики по опроснику «Шкала психологического благополучия Рифф» – таблица 2. Основное число студентов традиционной модели обучения (70%) характеризуется средним уровнем психологического благополучия. Преобладание средних показателей по шкале «Положительные отношения» указывает на наличие у участников как позитивного,

так и негативного типа взаимодействия с окружающими (60% студентов). При этом 25% студентов данной группы имеют лишь ограниченное количество доверительных отношений с окружающими: им сложно быть открытыми, проявлять эмпатию, эмоциональную близость, заботу о других, способность конструктивно разрешать конфликтные ситуации. Показатели по шкале «Управление окружением» говорят о том, что большинство студентов (70%) не в полной мере чувствуют уверенность в управлении своим окружением, они испытывают сложности в организации повседневной деятельности, чувствуют себя неспособным модифицировать складывающиеся обстоятельства, не ценят предоставляющиеся возможности. Большая часть студентов (70%) считает, что их личностный рост находится на среднем уровне. Средний уровень осмысленности целей жизни характерен для 75% студентов. Большая часть студентов (80%) имеет средний уровень самопринятия, а у 10% данные показатели на низком уровне, что может указывать на необходимость в улучшении самооценки. У студентов, обучающихся по модели «2+2» несколько иные результаты. Для них характерно смещение показателей в область высоких значений (при этом, средние показатели по ряду шкал так и остаются преобладающими).

Таблица 2

Результаты диагностики психологического благополучия студентов по «Шкала психологического благополучия Рифф», в%

Показатели, уровень	Традиционная модель			2+2 модель		
	Высокие	Средние	Низкие	Высокие	Средние	Низкие
Психологическое благополучие	15	70	15	51	34	15
Положительные отношения	15	60	25	49	41	10
Автономия	15	60	25	49	51	0%
Управление окружением	5	70	25	24	56	20
Личностный рост	15	70	15	44	56	0
Цель в жизни	10	75	15	44	44	12
Самопринятие	10	80	10	44	37	19

Сопоставительный анализ результатов студентов разных форматов обучения по методике «Шкала психологического благополучия Рифф» приведен на рисунке 3. По рисунку 3 видно, что результаты студентов, обучающихся по традиционной модели, уступают показателям студентов, которые учатся по альтернативной модели «2+2». Применение критерия Манн-Уитни показало, что по всем шкалам, за исключением шкалы «Личностный рост», показатели Уэмп (от 601 до 657 по разным шкалам) говорят о различиях на уровне $p \leq 0,05$. У студентов, обучающихся по модели 2+2, показатели выше по сравнению со студентами традиционной модели.

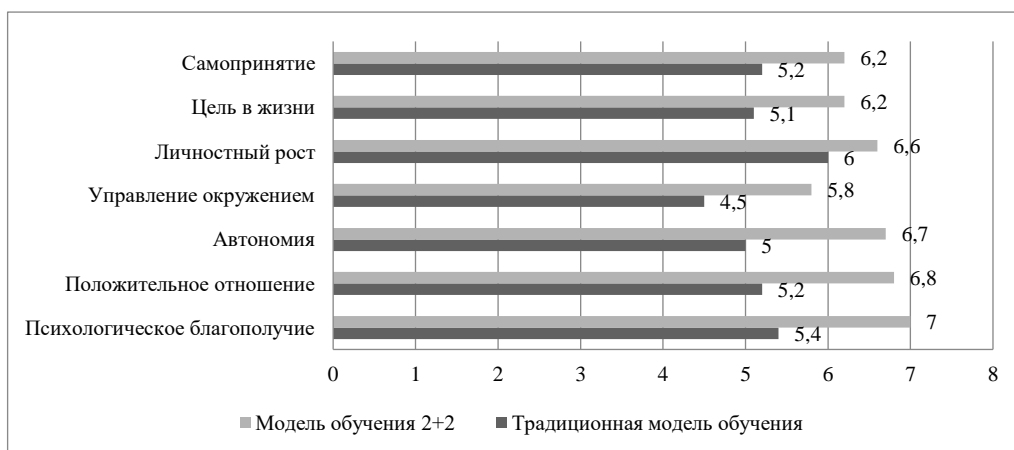

Рисунок 3 – Среднегрупповые значения (в баллах) двух групп по методике «Шкала психологического благополучия», Рифф

Результаты диагностики по методике «Шкала удовлетворенности жизнью» приведены на рисунке 4. Большинство студентов традиционной модели имеют средний уровень удовлетворенности, что предполагает наличие как положительных, так и отрицательных аспектов в их жизни. Только треть студентов (30%) удовлетворены своей жизнью в полной мере. Низкие показатели у 15% студентов указывают на то, что есть необходимость психологической работы. Что касается студентов 2+2 модели образования, то у 66% испытуемых высокий уровень удовлетворенностью жизнью. Общегрупповые показатели обучающихся по модели «2+2» превышают показатели обучающихся по традиционной модели ($U_{эмп} = 660$, $p \leq 0,05$).

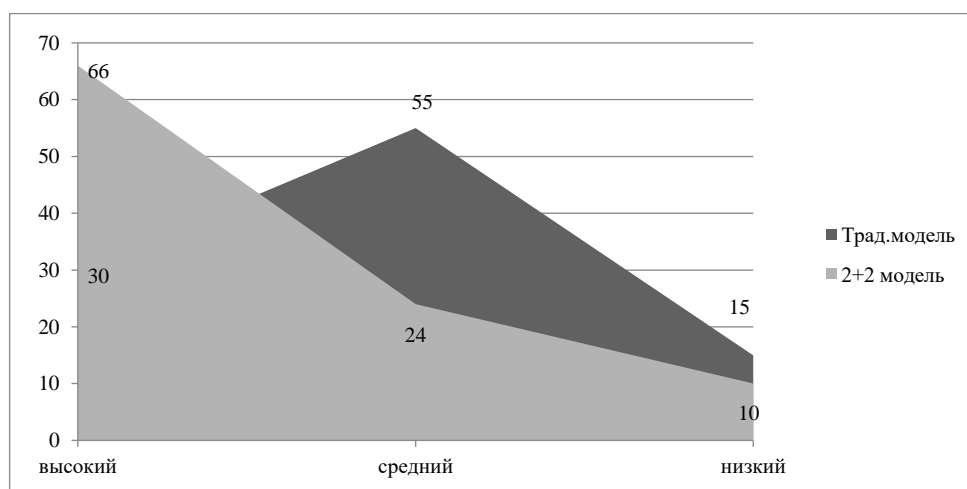

Рисунок 4 – Результаты исследования по методике «Шкала удовлетворенности жизнью, SWLS»

Результаты диагностики по методике «Самочувствие-активность-настроение» приведены на рисунке 5. Применение непараметрического критерия Манна-Уитни показало статистическую значимость выявленных различий, а именно: по шкале «Самочувствие» $U_{эмп} = 258,5$, $p \leq 0,01$, по шкале «Активность» $U_{эмп} = 288,5$, $p \leq 0,01$, по шкале «Настроение» $U_{эмп} = 284,0$, $p \leq 0,01$ – результаты студентов, обучающихся по модели «2+2», выше показателей студентов, обучающихся по традиционной модели.

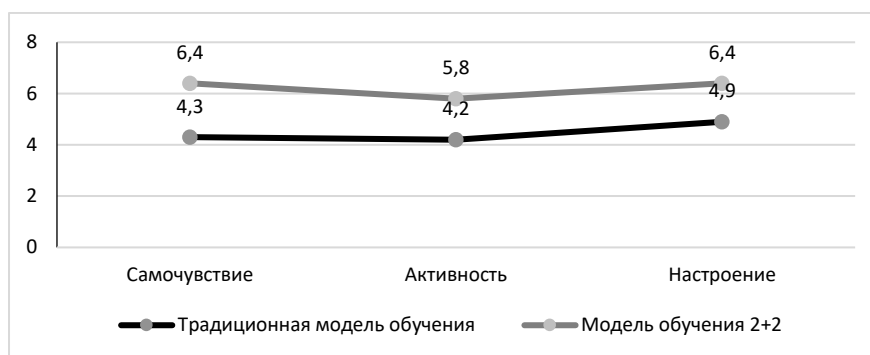

Рисунок 5 – Среднегрупповые значения (в баллах) двух групп по методике «Самочувствие-активность-настроение, САН»

Таким образом, обобщение результатов эмпирического исследования позволяет сделать следующие выводы:

1. Исследование психологического благополучия по опроснику «PERMA-Profilер» показало, что у студентов, обучающихся по модели «2+2», диагностированы более благоприятные показатели, по сравнению со студентами, обучающимися по традиционной модели. Для данных студентов характерен более высокий интегральный уровень психологического благополучия, а также уровень позитивных эмоций как способность сохранять оптимизм и смотреть на свое прошлое, настоящее и будущее с позитивной точки зрения, вовлеченность в процесс интересной и важной деятельности, наличие доверительных, теплых отношений с другими, наличие конструктивных смыслов и целей.

2. Результаты диагностики по опроснику «Шкала психологического благополучия» К.Рифф показали, что общий уровень психологического благополучия, а также положительные отношения с окружающими, сочетающиеся с независимостью, умением противостоять манипулированию со стороны окружения, способностью самостоятельно регулировать свое поведение, наличием цели в жизни и принятием себя, значимо выше у студентов, обучающихся по «2+2» модели по сравнению с традиционной моделью образования.

3. Показатели удовлетворенности жизнью, самочувствия, активности, настроения студентов, обучающихся по модели «2+2» превышают показатели обучающихся по традиционной модели («Шкала удовлетворенности жизнью, SWLS», опросник «Самочувствие-активность-настроение»).

5. Таким образом, уровень психологического благополучия у студентов, обучающихся по модели «2+2» выше, чем у студентов традиционной модели обучения. Различия в показателях между исследуемыми группами указывают на то, что возможность выбора студентами индивидуальной образовательной траектории, что реализуется в модели «2+2», является значимым условием их психологического благополучия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карапетян Л. В. Внутреннее благополучие как комплексная динамическая система / Л. В. Карапетян, Г. А. Глотова // Перспективы науки и образования. – 2021. – № 3(51). – С. 404-416. – DOI 10.32744/pse.2021.3.28. – EDN DKFEZO.

2. Карапетян Л. В. Теоретико-методологические основы эмоционально-личностного благополучия / Л. В. Карапетян, Г. А. Глотова. – Екатеринбург: Уральский институт ГПС МЧС России, 2019. – 162 с. – ISBN 978-5-91774-075-1. – EDN YHDAIW.

3. Никулина Д.С. Подходы к определению эмоционального благополучия / Д.С.Никулина // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2008. Т.83. – № 6. – С. 73-76.

4. Батурин Н.А. Теоретическая модель личностного благополучия / Н.А.Батурин, С.А.Башкатов, Н.В.Гафарова // Психология. Психофизиология. – 2013. – Т.6. –№ 4. – С. 4-14.
5. Габдулина Л. И. Психологическое благополучие студентов-психологов на завершающем этапе их профессиональной подготовки / Л. И. Габдулина, Н. А. Москалёва // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – Т. 9. – № 6. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/8oPSMN621.pdf>
6. Бородовицына Т.О. Особенности психологического благополучия студентов различных профилей подготовки / Т. О. Бородовицына // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 №4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/45PSMN420> (дата обращения 20.01.2025).
7. Григоренко, Е.Ю. Психологическое благополучие студентов и определяющие его факторы / Е.Ю. Григоренко // Проблемы развития территории. – 2024. – №4 (48).
8. Водяха, С.А. Предикторы психологического благополучия студентов / С.А. Водяха // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 1. – С. 70-74. 9. (дата обращения 22.01.2025).
10. Ильченко, В. В. Личностные особенности студентов с разным уровнем психологического благополучия / В. В. Ильченко, В. Л. Ситников // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2024. – Т. 47. – С. 34-47. – DOI 10.26516/2304-1226.2024.47.34. – EDN JOOSGR.
11. Русина, С. А. Перфекционизм студентов с разным уровнем психологического благополучия / С. А. Русина // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2024. – № 2(59). – С. 72-78. – DOI 10.37386/2413-4481-2024-2-72-78. – EDN YBCZYQ.
12. Русина, С. А. Взаимосвязь психологического благополучия и толерантности к неопределенности у студентов / С. А. Русина // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2(55). – С. 77-82. – DOI 10.37386/2413-4481-2023-2-77-82. – EDN JBVVSO.
13. Ефанова, М. И. Эмоциональный интеллект как предиктор психологического и социального благополучия студентов / М. И. Ефанова, Е. С. Вигандт // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2024. – № 2(59). – С. 65-71. – DOI 10.37386/2413-4481-2024-2-65-71. – EDN FZKITТ.
14. Фомина, Л. А. Связь конфликтологической компетентности и психологического благополучия студентов-психологов / Л. А. Фомина, Е. А. Кедярова, Н. И. Чернецкая // Педагогический ИМИДЖ. – 2024. – Т. 18, № 2(63). – С. 241-258. – DOI 10.32343/2409-5052-2024-18-2-241-258. – EDN KXWPAУ.
15. Павлоцкая, Я. И. Психологическое благополучие и социально-психологические характеристики личности: монография / Я. И. Павлоцкая; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС. – Волгоград: Издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа:https://docs.vlgr.ranepa.ru/podr/ipc/elizd/Павлоцкая%20Яна%20Игоревна_%28Верстка%29.pdf (дата обращения 22.01.2025).
16. Беренева, Я. А. Связь психологического благополучия студентов и их взаимоотношения с родителями / Я. А. Беренева, Н. Н. Авраменко // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. – 2024. – Т. 7, № 1(22). – С. 104-116. – DOI 10.54072/26586568_2024_7_1_104. – EDN XBXSNG.
17. Кабанченко, Е.А. Психологическое благополучие в студенческом возрасте/ Е.А. Кабанченко, О.Г.Холодкова // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки. Электронный сборник статей по материалам ХLI студенческой международной заочной научно-практической конференции. – М.: «МЦНО», 2017. – № 1(40). – с. 15-19.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЧЛЕНОВ ОПГ И ЗАКОНОПОСЛУШНЫХ ГРАЖДАН

Бакиров Рамиль Равилович

*Преподаватель Казанского юридического института МВД России,
майор полиции*

Данная публикация призвана выявить особенности исследования характеристик лиц, участвующих в деятельности организованных преступных группировок и определения их ключевых отличий от людей, ведущих добропорядочный образ жизни.

Автор определяет методики психодиагностики, которые не только помогут выявить ключевые свойства и качества членов ОПГ, но и служат основой для дальнейшей коррекционной и воспитательной работы. В исследовании дифференцируются характеристики нескольких групп граждан, в том числе, законопослушных, работающих и учащихся, и членов ОПГ и иллюстрируются различия в личностных свойствах и качествах, коммуникативной сфере, конкретизации смысложизненных ориентаций и пр.

Работа включает в себя несколько этапов: теоретическое исследование проблемы, подбор методик психодиагностики, проведение эмпирического исследования и обработку результатов.

Подобная работа является актуальной и востребованной среди научных исследователей, а также среди практических специалистов, осуществляющих психологическое сопровождение членов ОПГ. Целью в исследовательской деятельности определено выявление особенностей дифференциации социально- психологических характеристик членов ОПГ и законопослушных граждан. Объект – методики психодиагностики, предмет – различия в социально- психологических характеристиках указанных групп.

Ключевые слова: *члены ОПГ, личностные характеристики, психодиагностика, коммуникативная сфера, эмпирическое исследование, коррекционная работа, смысложизненные ориентации, личностные ценности.*

FEATURES OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ORGANIZED CRIME GROUP MEMBERS AND LAW-ABIDING CITIZENS

Bakirov Ramil Ravilovich

*Lecturer at the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Major*

This publication aims to identify the characteristics of individuals involved in organized crime groups and determine their key differences from people who lead a law-abiding lifestyle.

The author identifies psychodiagnostic methods that not only help identify the key properties and qualities of members of organized crime groups, but also serve as a basis for

further correctional and educational work. The study differentiates the characteristics of several groups of citizens, including law-abiding, working, and studying individuals, as well as members of organized crime groups, and illustrates the differences in personal properties and qualities, the communicative sphere, the specification of life goals, and more.

The work consists of several stages: a theoretical study of the problem, the selection of psychodiagnostic methods, an empirical study, and the processing of the results.

Such work is relevant and in demand among scientific researchers, as well as among practical specialists who provide psychological support to members of organized criminal groups. The goal of the research is to identify the differences in the socio-psychological characteristics of members of organized criminal groups and law-abiding citizens. The object of the research is the methods of psychodiagnostics, and the subject is the differences in the socio-psychological characteristics of these groups.

Keywords: *members of organized criminal groups, personal characteristics, psychodiagnostics, communicative sphere, empirical research, correctional work, life goals, personal values*

Современные психологические исследования ориентированы на изучение различных проблем, в том числе, касающихся актуальных и важных вопросов в различных сферах жизнедеятельности.

Одной из важнейших тем в науке и практике возможно назвать работу с лицами, совершившими противоправные деяния, выявление их личностных и коммуникативных особенностей, характеристик и того, как они влияют на жизнедеятельность, взаимодействие с другими людьми. Члены ОПГ имеют специфическую мотивацию, направленность деятельности и это также необходимо учитывать при проведении диагностики, планировании дальнейшей работы в учреждениях и после освобождения. Некоторые коммуникативные и поведенческие особенности обусловлены характером деятельности организованных преступных групп, роли и функций участников и их взаимодействия. Также именно эти, преимущественно личностные, особенности могут стать основой для вовлечения в преступные группировки, планирования специфических преступлений и отражают причинно-следственные связи между преступником и его противоправной деятельностью.

Исследования личности преступников, совершающих различные противоправные деяния, как отмечает А. М. Чеченов [11] должны проводиться постоянно, чтобы выявлять динамику трансформации ценностей, интересов, мотивации, «просчитывать» ходы преступников, понимать направленность и специфику поведения. Статус в группе, наличие определенных функций, а также род планируемых преступлений оказывают существенное влияние на трансформацию их интересов и ценностно-мотивационной сферы, значительное отличие от характеристик законопослушных граждан. Это обуславливает необходимость сравнительной диагностики и конкретизации социально-психологических особенностей участников ОПГ.

Именно поэтому тематика исследования актуальна и значима. Проведенный анализ литературы и диагностика могут послужить базой для построения технологий работы с осужденными членами ОПГ и конкретизации направлений профилактической деятельности. В контексте вышесказанного нами определен понятийный аппарат: целью в исследовательской деятельности определено выявление особенностей дифференциации социально-психологических характеристик членов ОПГ и законопослушных граждан. Объект – методики психодиагностики, предмет – различия в социально-психологических характеристиках указанных групп.

В качестве основных задач представлены следующие:

1. Исследовать особенности личностной, ценностно-мотивационной и коммуникативной сфер членов ОПГ;

2. Дифференцировать специфику проявления выявленных характеристик у нормотипичных, законопослушных членов социума и у участников ОПГ;

3. Определить различия между указанными группами, обусловленные половозрастными и иными характеристиками.

Материалы и методы исследования

Нами использованы несколько групп методов:

- теоретико-методологический анализ источников по данной теме (Е. И. Дудкина, Е. Е. Чередниченко, А. М. Чеченов и пр.);

- анализ и подбор методик, определенных для диагностики особенностей членов ОПГ;

- диагностическое исследование (тестирование), количественный и качественный анализ полученных результатов. Базу эмпирического исследования составили исправительные учреждения СИЗО №1 УФСИН РФ по РТ, СИЗО №2 г. Казани, СИЗО №3 г. Бугульма, СИЗО №4 г. Мензелинск, СИЗО №5 г. Чистополь, а также общеобразовательные школы и иные учебные заведения Республики Татарстан.

Для реализации этапа количественной обработки данных нами применялись следующие виды анализа: сравнительный, корреляционный, структурный, факторный.

Результаты и обсуждение

Особенности личностной, ценностно-мотивационной и коммуникативной сфер членов ОПГ

Личность преступника имеет свои особенные характеристики, которые отличают его от законопослушного гражданина. Одни свойства являются фактором, обуславливающим вовлеченность в ОПГ либо ее создание (лидерские качества или наоборот ведомость, внушаемость, непризнанность в обществе, нигилизм и пр.), другие, наоборот, формируются и закрепляются под воздействием влияния самой группы, определяют те роли и функции, которые преступник выполняет в ОПГ.

Такие авторы как Е. Е. Чередниченко [10] конкретизируют качества, необходимые для участия в организованных группировках и относят к ним:

Наличие волевых качеств, целеустремленность, умение планировать свою деятельность;

Коммуникабельность, умение находить общий язык с различными категориями населения;

Достаточно высокий интеллектуальный уровень, зачастую наличие высшего образования;

Умение контролировать ситуацию, поведение даже в нестандартных, конфликтных проблемных моментах.

Кроме того, практически все преступники в ОПГ действуют не просто осознанно, а продуманно, заранее планируя действия и подробности совершения преступления. Однако, этот же автор, а также другие исследователи [2], [4] говорят о том, что еще до вступления или организации ОПГ потенциальные преступники характеризуются специфическими качествами, которые как раз и обуславливают их участие в организованной преступности (корыстная мотивация, асоциальная направленность поведения) и пр.

При этом одной из основных отличительных особенностей данной категории преступников является стремление замаскировать свою деятельность и поведение под законопослушных, что осложняет выявление и поиск как отдельных преступников, так и состава группы в целом.

Дифференциальная диагностика законопослушных членов социума и участников ОПГ

Для реализации одной из задач исследования нами была проведена диагностика участников ОПГ и лиц, которые ведут законопослушный образ жизни. Эмпирическое исследование в целом было разделено на следующие этапы:

- подготовительный (2017-2018) позволил конкретизировать выборку, подобрать и скомплектовать диагностические методики, позволяющие наиболее полно исследовать необходимые критерии;

- опытно-экспериментальный (2018-2019) включал в себя собственно проведение диагностики, количественный анализ результатов;

- заключительный (2019-2022), позволяющий сделать качественную обработку полученных данных, предпринять попытки разработки рекомендаций для специалистов, осуществляющих психологическое сопровождение и исправление членов ОПГ.

Диагностика проводилась как в исправительных учреждениях (СИЗО №1 УФСИН РФ по РТ, СИЗО №2 г. Казани, СИЗО№3 г. Бугульма, СИЗО№4 г. Мензелинск, СИЗО№5 г. Чистополь) в количестве 75 человек, так и в школах республики Татарстан (35 учителей, имеющих классное руководство).

Также в нашем исследовании принимали участие специфические респонденты третьей группы – 33 человека из маргинальных слоев общества.

Три указанных группы позволят нам выявить различия между особенностями личности, коммуникации и поведения граждан, которые ведут добропорядочный образ жизни (группа 2), членами ОПГ (1 группа) и теми, кто не принадлежит ни к одному слою, классу либо группе социума (3 группа). В совокупности с данными, полученными из указанных выше научно-исследовательских источников, результаты диагностики могут стать валидной основой для разработки технологии психокоррекции и сопровождения членов ОПГ в исправительных учреждениях.

Мы посчитали целесообразным провести диагностики следующих структур личности:

- когнитивная (Я-понимание) себя, своего места в обществе, целей и ценности в жизни. Здесь мы предложили тесты "Смысложизненные ориентации" (методика СЖО) Д. А. Леонтьева, Методика Шварца для изучения ценностей личности, методика диагностики доминирующего психического состояния «Доминирующее состояние» Л.В. Куликов. В данном случае нас интересует взаимосвязь личностных и социальных ценностей, их пересечение интеграция, либо противопоставление;

- аффективная (Я-отношение) к себе, другим, содержание мотивации, намерений и направленности. В данной группе мы использовали «Диагностику межличностных отношений» (Т. Лири)

- поведенческая (Я-поведение), отражающая особенности поведения в обществе, коммуникации, реализации стиля поведения людей. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля отражает необходимые нам данные, дополнительные сведения позволяют получить Опросник «Склонность к аддиктивному поведению» (Е.А. Чеверикиной).

Указанные методики помогают измерить и конкретизировать критерии, которые мы обозначали для того, чтобы выявить различия между личностями, ведущими законопослушный образ жизни и участвующими в деятельности организованных преступных групп.

По результатам проведенной диагностики возможно сделать выводы о том, что для участников ОПГ более характерны такие проявления личности как агрессивность, конфликтность, неприятие себя и других. У них менее, по сравнению с законопослушными гражданами, выраженность дружелюбного полюса дихотомии в контексте агрессивности – дружелюбия. Ценности преобладают личностные, основанные на корыстных интересах, имеющие большое расхождение с социальными. Решение бытовых и иных задач членами ОПГ, по сравнению с законопослушными гражданами, осуществляется в соответствии с привычными моделями поведения, устоявшимися стереотипами.

Различия между группами участников исследования, обусловленные половозрастными и иными характеристиками

Как мы отметили в самом начале, на частоту и интенсивность проявления специфических свойств и качеств у участников ОПГ влияют различные социальные и гендерные характеристики.

Результаты сравнительного анализа типа межличностных отношений по методике «Доминирующее состояние» представлены на рисунке 1. Диагностика межличностных отношений позволяет выявить преобладающий тип отношений к людям в самооценке и взаимооценке. Согласно полученным данным, статистически достоверные различия в женской и мужской подвыборках членов ОПГ получены по определенным в методике типам.

Показатель	Ранг суммарный мужская подгруппа	Ранг суммарный женская подгруппа	U	Z	p-value
I Авторитарный	789,00	486,00	123,00	-2,78	0,01
II Эгоистический	893,50	381,50	227,50	-0,52	0,60
III Агрессивный	849,00	426,00	183,00	-1,48	0,14
IV Подозрительный	922,00	353,00	248,00	0,08	0,94
V Подчиняемый	871,00	404,00	205,00	-1,00	0,32
VI Зависимый	859,00	416,00	193,00	-1,26	0,21
VII Дружелюбный	819,00	456,00	153,00	-2,13	0,03
VIII Альтруистический	795,50	479,50	129,50	-2,64	0,01

Рисунок 1 – Сравнительный анализ типа межличностных отношений в мужской и женской группах выборки из числа членов ОПГ

Как мы видим, большинство участников ОПГ мужского пола характеризуются авторитарностью, эгоизмом и агрессией, а также подозрительностью в поведении. По отношению к представителям женского пола данные критерии не сильно отличаются и эффективней всего анализировать полученные результаты в контексте сопоставления с данными, полученными в ходе анализа данных по тесту Т. Лири.

Согласно результатам диагностики по Т. Лири по критериям "агрессивность-дружелюбие", "доминирование-подчинение" были получены следующие результаты (см. Рисунок2)

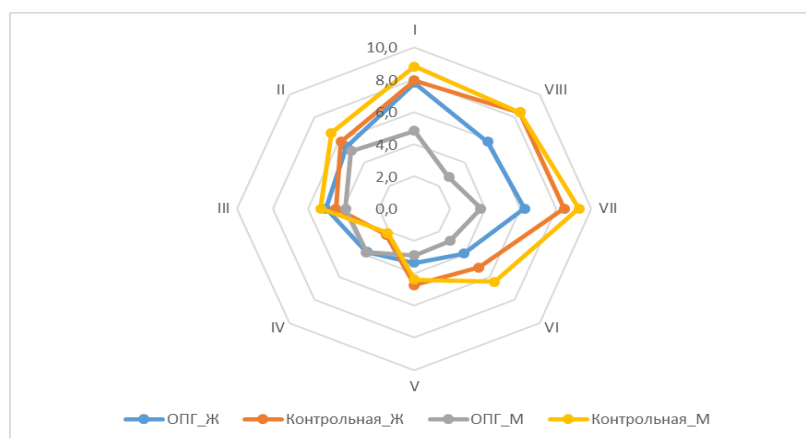

Рисунок 2 – Профили типов межличностных отношений в зависимости от пола и типа группы (составлено по результатам диагностики)

Исходя из анализа двух вышеуказанных методик возможно определить, что для обеих подвыборок доминирующим типом личности является авторитарный тип. Для мужской выборки вторым доминирующим подтипом является эгоистичный тип. Представительницы женского пола в группах ОПГ в большей степени проявляют адаптивные черты, что приближает их данные к данным контрольной выборки, по сравнению с мужчинами – членами ОПГ. Это говорит об определенных стратегиях идентификации с группой, где сила и власть являются ключевыми ориентирами и определяют самооценку и взаимооценку. Отметим, что почти все показатели по опроснику в женской подгруппе ОПГ находятся в зоне значений адаптивного поведения, в мужской – в зоне экстремально низких значений.

Сравнительный анализ уровня выраженности смысложизненных ориентаций в мужской и женской подгруппах членов ОПГ показывает отсутствие достоверных различий в изучаемых выборках (Рисунок 3).

Показатели	Ранг суммарный мужская подгруппа	Ранг суммарный женская подгруппа	U	Z	p-уровень
Общий показатель ОЖ	849,50	375,50	183,50	1,13	0,26
Цели	823,00	402,00	157,00	1,73	0,08
Процесс	866,00	359,00	200,00	0,76	0,45
Рез-т	881,50	343,50	215,50	0,41	0,68
ЛК-Я	872,50	352,50	206,50	0,61	0,54
ЛК-Ж	834,00	391,00	168,00	1,48	0,14

Рисунок 3 – Сравнительный анализ типа межличностных отношений в мужской и женской группах выборки из числа членов ОПГ

Согласно диагностике индикаторов психического состояния, мужская подвыборка членов ОПГ достоверно чаще проявляет активность, по сравнению с женской подвыборкой. В мужской выборке в большей мере выражено ощущение сил и

возможностей для преодоления препятствий. По остальным аспектам психического состояния статистически значимых различий в изучаемых подвыборках не обнаружено.

Таким образом, можно сделать вывод, что сравнительный анализ мужской и женской подвыборок членов ОПГ показывает минимальные различия в уровне выраженности изучаемых социально-психологических показателей. Наибольшее расхождение наблюдается в сфере межличностных отношений, где согласно самооценке респондентов, в женской выборке более выражен полюс Дружелюбия согласно схеме Т. Лири. Вместе с тем, важно отметить, что в мужской подвыборке очевидно прослеживаются низкие значения степени выраженности всех типов межличностных отношений, что позволяет говорить о тенденциях скрытности и подозрительности как характерных для особенностей личности мужской подвыборки членов ОПГ.

Согласно данным, полученным в исследовании, достоверных половозрастных различий в изучаемых группах практически не выявлено. Именно поэтому важно говорить о том, что как раз на этапе организации и функционирования ОПГ те качества, которые свойственны и законопослушным личностям, и тем, кто в последствии становится участником ОПГ, деформируются и приобретают антисоциальный характер.

Также членам группировок в максимальной степени присущи специфические социально-психологические особенности, которые определяют их принадлежность к группировке, нежели половозрастные различия, которые внутри группы имеют скорее значение принадлежности к сообществу, нежели дифференциации социальных ролей и функций.

В качестве основных выводов необходимо отметить то, что социально-психологические особенности участников ОПГ дифференцируются на две группы: те, наличие которых формирует предрасположенность к участию в организованной преступности (эгоизм, корыстолюбие, агрессивность) и те, которые формируются и развиваются в контексте определенной роли и функций, выполняемых в ОПГ (целеустремленность, умение планировать, лидерство либо наоборот способность подчиняться).

Направленность и мотивы преступников, исходя из результатов анализа, могут быть обусловлены спецификой личностных характеристик. К примеру, эгоистичность, неудовлетворенность таких потребностей как признание, самореализация влекут за собой не только участие, но и организацию ОПГ, возможность подчинять себе других, четко планировать действия, контролировать свое поведение и поступки других.

Исходя из этого, важно подчеркнуть не только негативный характер подобных качеств, но и потенциал их использования в коррекционной работе, а также формирования конструктивного лидерства, направленного на реализацию социально одобряемой, законопослушной деятельности.

Изучение личности преступника является важнейшим инструментом профилактической и исправительной работы, а в отношении членов ОПГ возможно говорить о воздействии на группу в целом, трансформации ценностных установок и предполагаемом закреплении законопослушного поведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов Е. Б. О криминалистической характеристике руководителя преступной организации // Известия АлтГУ. 2009. №2. С. 77-81.
2. Дудкина Е. И. Некоторые особенности криминологической характеристики участников организованных преступных формирований // Вестник СГЮА. 2014. №1 (96). С. 224-228.
3. Гусев В. А. Современные тенденции качественных изменений организованной преступности // Вестник УЮИ. 2018. №1 (79). С. 51-58.

4. Клопотенко А. Г. Психолого-педагогические аспекты исправления осуждённых // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2024. № 2. С. 105-111.
5. Либензон Е. Л. Формы участия нескольких лиц в совершении преступления // Интерактивная наука. 2021. №2 (57). С. 63-69.
6. Меркурьев В. В., Агапов П. В., Кондратюк С. В., Тарасов В. Ю. Преступное лидерство: опыт социологического исследования // Всероссийский криминологический журнал. 2022. №1. С. 18-29.
7. Мясникова Т. В. Предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. №2 (42). С. 162-166.
8. Рыбушкин Н. Н., Дунин О. Н. Объективная сторона занятия высшего положения в преступной иерархии // ВЭПС. 2024. №2. С. 119-123.
9. Салиев А. А. Криминалистическая характеристика организованной преступной группы – как основополагающий структурный элемент методики расследования преступлений // Таврический научный обозреватель. 2017. №1 (18). С. 74-76.
10. Чередниченко Е. Е. Организованная преступность сегодня // Пробелы в российском законодательстве. 2024. №7. С. 147-151.
11. Чеченов А. М. Характеристика личности членов организованных преступных групп // Теория и практика общественного развития. 2015. №19. С. 101-103.

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 612.821

МОДЕЛЬ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОЙ СТИГМАТИЗАЦИИ: ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЙ И НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Тур Екатерина Юрьевна

Врач, психосоматолог,

Частная практика, Санкт-Петербург, Россия

SPIN-код: 8509-5740

В статье представлена теоретико-аналитическая разработка концепции психосоматической стигматизации как фундаментального механизма, связывающего ранние психоэмоциональные повреждения с развитием хронической соматической патологии. На основе данных эпидемиологии (исследования ACE), психоэмбриологии, психогенеалогии и современных нейробиологических исследований показано, что внутриутробный и детский стресс формируют устойчивые сдвиги гипоталамо-гипофизарно-адреналовой оси, сопровождающиеся эпигенетическими модификациями и изменением электрохимической активности стресс-чувствительных нейронов. Эти изменения закрепляют бессознательный конфликт и создают органоспецифическую предрасположенность к психосоматическим заболеваниям. Предлагаемая трёхуровневая модель описывает каскад формирования болезни: первичное повреждение → бессознательный конфликт → вторичная актуализация → соматическая реализация. На примере язвенной болезни, бронхиальной астмы, артериальной гипертензии и аутоиммунных заболеваний показаны клинические проявления данного процесса. Практическая значимость концепции заключается в возможности ранней диагностики психосоматической стигматизации с использованием анамнестических, физиологических, нейровизуализационных и эпигенетических маркеров, а также в разработке комплексных терапевтических стратегий, направленных на переработку первичного конфликта, снижение хронической стресс-активации и восстановление вегетативно-иммунного баланса.

Ключевые слова: психосоматическая стигматизация, травмирующий детский опыт (Adverse Childhood Experiences, ACE), гипоталамо-гипофизарно-адреналовая ось (HPA-ось), нейропластичность, эпигенетика, бессознательный конфликт, психоэмбриология, психогенеалогия, психосоматические расстройства, стресс-реактивность, межпоколенная передача травмы, органная уязвимость.

MODEL OF PSYCHOSOMATIC STIGMATIZATION: PSYCHODYNAMIC AND NEUROBIOLOGICAL ANALYSIS

Tur Ekaterina Yuryevna

Physician, Psychosomatologist

Private Practice, Saint Petersburg, Russia

SPIN-code: 8509-5740

The article presents a theoretical and analytical development of the concept of psychosomatic stigmatization as a fundamental mechanism linking early psychoemotional injuries to the development of chronic somatic pathology. Based on epidemiological data (ACE studies), psychoembryology, psychogenealogy, and contemporary neurobiological research, it is demonstrated that prenatal and childhood stress induces persistent shifts in the hypothalamic–pituitary–adrenal (HPA) axis, accompanied by epigenetic modifications and alterations in the electrochemical activity of stress-sensitive neurons. These changes consolidate unconscious conflict and create organ-specific vulnerability to psychosomatic diseases. The proposed three-level model describes the cascade of disease formation: primary injury → unconscious conflict → secondary actualization → somatic realization. Clinical manifestations of this process are illustrated by peptic ulcer disease, bronchial asthma, arterial hypertension, and autoimmune disorders. The practical significance of the concept lies in the possibility of early diagnosis of psychosomatic stigmatization through the use of anamnestic, physiological, neuroimaging, and epigenetic markers, as well as in the development of comprehensive therapeutic strategies aimed at processing the primary conflict, reducing chronic stress activation, and restoring the vegetative–immune balance.

Keywords: *psychosomatic stigmatization, Adverse Childhood Experiences (ACE), hypothalamic–pituitary–adrenal axis (HPA axis), neuroplasticity, epigenetics, unconscious conflict; psychoembryology, psychogenealogy, psychosomatic disorders, stress reactivity, intergenerational transmission of trauma, organ vulnerability.*

Современная психосоматическая медицина демонстрирует устойчивый рост интереса к проблеме связи ранних психоэмоциональных воздействий с формированием предрасположенности к хроническим заболеваниям. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (WHO, 2021) [1], психосоматические расстройства составляют до 30–40% обращений в первичное звено здравоохранения. Ряд эпидемиологических исследований (Felitti et al., 1998; Anda et al., 2006) [2, 3] доказал роль неблагоприятных детских событий (Adverse Childhood Experiences, ACE) как независимого фактора риска развития сердечно-сосудистых, гастроэнтерологических, эндокринных и иммунных заболеваний во взрослом возрасте.

Данные психозембриологии (Rank, 1924; Verny & Kelly, 1981; Chamberlain, 2013) [4–6] показывают, что психоэмоциональное состояние матери во время беременности оказывает фундаментальное влияние на нейрофизиологическое развитие плода. Пренатальный стресс и нарушения материнско-плодового взаимодействия формируют стойкие изменения стресс-реактивности у ребёнка, включая гиперчувствительность гипоталамо-гипофизарно-адреналовой оси.

Психогенеалогический подход (Schützenberger, 1998) [7] и современные исследования в области эпигенетики (Yehuda et al., 2016; Gapp et al., 2014) [8, 9] демонстрируют возможность межпоколенной передачи травматического опыта посредством изменения экспрессии генов. Эти процессы закладывают основу долговременной предрасположенности к психосоматической патологии.

В психодинамической традиции (Alexander, 1950) [10] утверждается, что в основе хронических соматических расстройств лежит бессознательный конфликт, сформированный в раннем детстве и закреплённый в структуре личности. Современные нейробиологические исследования (Teicher et al., 2016; McEwen, 2007) [11, 12] подтверждают этот взгляд, демонстрируя стойкие изменения архитектоники головного мозга и дисфункцию стресс-реактивных систем у лиц с историей детских травм.

В свете этих данных становится актуальным введение понятия «психосоматическая стигматизация», под которым предлагается понимать первичное психоэмоциональное повреждение, закрепляющееся в виде бессознательного конфликта и определяющее органную уязвимость к психосоматической патологии.

Цель статьи – теоретико-аналитическое обоснование феномена психосоматической стигматизации на основе психодинамических и нейробиологических данных.

Теоретические основания

Исследования ACE (Felitti et al., 1998; Anda et al., 2006) [2, 3] продемонстрировали дозозависимую связь между количеством неблагоприятных детских событий и риском формирования психосоматической патологии во взрослом возрасте. Чем выше суммарный показатель ACE, тем выше вероятность соматической уязвимости. Эти эпидемиологические данные подтверждаются нейробиологическими находками, показывающими, что ранний стресс оставляет долговременный след в регуляции нейроэндокринной и вегетативной систем.

Под действием повторяющихся психотравмирующих стимулов формируется стойкое нарушение работы гипоталамо-гипофизарно-адреналовой оси (HPA). Первичный стресс активирует кортикотропин-рилизинг-гормон (CRH), усиливается секреция адренокортикотропного гормона, повышается уровень кортизола. Хроническая гиперкортизолемиа приводит к повреждению гиппокампа и префронтальной коры, в то время как миндалина остаётся гиперактивной [11, 12]. Таким образом формируется дисбаланс: структуры, ответственные за торможение стрессового ответа, ослаблены, тогда как центры генерации тревожности и страха остаются гипервозбудимыми.

На уровне электрохимической активности нейронов этот сдвиг отражается в изменении паттернов работы CRH-клеток гипоталамуса. В нормальных условиях они функционируют в режиме ритмических пачек потенциалов действия, обеспечивая умеренную реактивность эндокринной системы. При воздействии стрессоров они переходят в режим одиночных высокочастотных спайков, что вызывает более мощный и резкий выброс гормонов. Эта перестройка электрической активности обеспечивает готовность организма к мобилизации, но в условиях хронической травматизации закрепляется как патологический режим работы нейросети.

Длительная гиперактивация HPA-оси сопровождается дендритной атрофией в гиппокампе и медиальной префронтальной коре, уменьшением количества синаптических контактов и снижением экспрессии BDNF, что ведёт к истощению нейропластичности. Организм утрачивает способность гибко адаптироваться, закрепляя однотипные стресс-реакции и одновременно снижая потенциал восстановления.

К этому добавляются эпигенетические и межпоколенные механизмы. Работы Yehuda и соавт. (2016) и Garr и соавт. (2014) [8, 9] показали, что травматический опыт родителей изменяет метилирование генов, участвующих в регуляции стресс-реактивности, а также профиль некодирующих РНК, влияя на экспрессию белков, регулирующих работу HPA-оси. Такие модификации могут наследоваться и формировать повышенную стрессовую уязвимость у потомков.

Таким образом, ранний стресс вызывает сдвиг в регуляции HPA-оси, закрепляется через электрохимическую перестройку активности нейронов и сопровождается долговременной перестройкой морфологии и пластичности мозга. Эти процессы формируют биологический субстрат психосоматической стигматизации, превращая психоэмоциональное повреждение в стойкую предрасположенность к развитию соматической патологии.

Модель психосоматической стигматизации.

Предлагаемая трёхуровневая модель описывает каскад формирования болезни как непрерывную биологическую траекторию от раннего повреждения к органной реализации (см. рисунок 1). На первичном уровне внутриутробный и раннедетский стресс смещает заданную точку (set-point) гипоталамо-гипофизарно-адреналовой оси. Повышенная активность CRH-нейронов паравентрикулярного ядра гипоталамуса усиливает секрецию АСТН и кортизола; хроническая гиперкортизолемиа на этапе нейроонтогенеза влияет на пренатальную и раннюю постнатальную нейропластичность: подавляет нейрогенез в гиппокампе, ускоряет созревание

миндалины, нарушает формирование топ-даун-контроля префронтальной коры [11, 12]. Параллельно фиксируются эпигенетические метки стресс-реактивности (в т.ч. в траекториях глюкокортикоидного сигнального пути и белков-шаперонов), что демонстрируется в исследованиях межпоколенной передачи эффектов травмы у человека и на животных моделях [8, 9]. Эти метки поддерживают «заданный» высокий тонус стресс-системы и формируют нейровегетативный профиль уязвимости ещё до проявления клиники. Эпидемиологически этот пласт соответствует дозозависимой связи ACE с риском соматической патологии во взрослом возрасте [2, 3].

Вторичный уровень – это этап многократной актуализации исходного следа при столкновении со стрессорами во взрослом возрасте. Повторные стрессовые ситуации активируют лимбическую систему (миндалину) и locus coeruleus с усилением норадренергической передачи; префронтальные контуры регуляции эмоций и автономной активности работают с дефицитом, что снижает порог запуска НРА-оси и симпатoadреналовой дуги [11, 12]. Возникает устойчивый вегетативный дисбаланс: повышенный симпатический тонус, сниженная вагус-зависимая противовоспалительная регуляция, уменьшение variability сердечного ритма.

Источник: составлено автором на основании исследовательского материала для визуализации модели

Рисунок 1. Трёхуровневая модель психосоматической стигматизации

На уровне синаптической физиологии это поддерживается хроническим «электрохимическим» переформатированием сетей: изменяются шаблоны разрядов стресс-чувствительных нейронов, снижается экспрессия нейротрофинов (BDNF), происходит дендритная атрофия нейронов CA3 гиппокампа и медиальной префронтальной коры, что ведёт к долговременному ослаблению тормозного контроля над стресс-ответом и закрепляет высокореактивный фенотип [12]. Иммунная система синхронизируется с этими сдвигами: активируется NF-κB-зависимая транскрипция, растёт продукция провоспалительных цитокинов, а эпигенетические изменения, зафиксированные в исследованиях травмы и её межпоколенной передачи, поддерживают «готовность» к гиперреактивности [8, 9]. Так формируется физиологическая основа повторной актуализации бессознательного конфликта: не только психический сценарий, но и его нейроэндокринно-иммунная реализация становятся легкодоступными при любом резонансном триггере (см. рисунок 2).

Третичный уровень – соматическая реализация в «мишенных» органах, определяемая сочетанием раннего следа и индивидуальной органной предрасположенности. В гастродуоденальной зоне хронический симпато-вагальный дисбаланс и кортизол-зависимое истощение мукозальной защиты повышают

кислотно-пептическую агрессию и нарушают микроциркуляцию слизистой, что облегчает формирование язвенного дефекта; эпидемиологически это сопровождается более высокой частотой язвенной болезни у лиц с высокими баллами ACE [2, 3, 12]. В дыхательной системе стресс-индуцированная сенсibilизация иммунного ответа и парасимпатическая гиперреактивность бронхиального дерева поддерживают бронхоконстрикцию и эозинофильно-цитокиновый контур воспаления, что согласуется с увеличением риска астмы при высоком ACE [2, 3].

Источник: составлено автором на основании данных психофизиологических исследований

Рисунок 2. Нейробиологические сдвиги и органы проявления психосоматической стигматизации

В сердечно-сосудистой системе длительный избыток катехоламинов и кортизола способствует эндотелиальной дисфункции, снижению биодоступности NO, ремоделированию сосудистой стенки и повышению активности ренин-ангиотензиновой системы – физиологической базе устойчивой артериальной гипертензии, при этом нейровизуализационные маркёры детской травмы (гиппокампальная уязвимость, дисфункция префронтальной коры) отражают недостаток кортикального контроля стресс-ответа [11, 12]. В иммунной сфере сдвиг в сторону провоспалительных осей и эпигенетически детерминированные изменения экспрессии генов стресс-реактивности ассоциированы с повышенной вероятностью аутоиммунных расстройств; трансгенерационные эффекты, описанные у людей и на моделях, подтверждают устойчивость этих настроек регуляции [8, 9].

Таким образом, последовательность «первичное повреждение → бессознательный конфликт → вторичная актуализация → соматическая реализация» описывает не только психический сценарий, но и воспроизводимый нейробиологический механизм – от смещения настройки НРА-оси и электрохимии стресс-сетей до органоспецифических фенотипов болезни, что согласуется с данными по ACE и нейробиологии стресса [2, 3, 11, 12].

Примеры проявлений.

Язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки.

Современное понимание язвенной болезни – мультифакторное: роль *H. pylori* и НПВП сочетается с устойчивыми стресс-индуцированными сдвигами нейроэндокринной регуляции. Хроническая активация НРА-оси при раннем и повторном стрессе повышает уровень CRH/ACTH и кортизола; параллельно усиливается симпатический тонус и вагус-зависимая стимуляция желудочной секреции. На уровне слизистой это ведёт к повышению гастрин-зависимой кислотопродукции, снижению простагландин-опосредованной цитопротекции, уменьшению кровотока и нарушению барьерной функции эпителия. Кортизол и

катехоламины изменяют экспрессию tight-junction белков, повышая проницаемость, а дефицит секреторного IgA облегчает персистенцию *H. pylori* и поддерживает локальное воспаление (IL-1 β , TNF- α). Ранний травматический опыт усиливает эту уязвимость: лица с высокими баллами ACE демонстрируют большую распространённость язвенной болезни и более выраженные стресс-сопровождаемые дисфункции вегетативной регуляции [2, 3, 12]. В терминах психосоматических моделей это согласуется с «специфичностью органа» Ф. Александера: конфликт зависимости/дефицита принятия, сформированный в раннем опыте, хронифицирует вагусно-симпатические колебания и «выбирает» гастродуоденальную зону как мишень [10, 12]. Таким образом, «органный выбор» здесь опосредован конкретными биомеханизмами – НРА-сдвигом, вегетативным дисбалансом и локальным иммуновоспалением, что объясняет дозозависимый эффект ACE и устойчивость рецидивов [2, 3, 12].

Бронхиальная астма

Стресс-опосредованные изменения при астме включают дисрегуляцию НРА-оси (вплоть до тканевой резистентности к глюкокортикоидам), гиперреактивность парасимпатической системы и Th2-смещение иммунного ответа. Повышенная активность CRH/кортизола в хроническом режиме парадоксально сочетается с относительной «нечувствительностью» иммунных клеток к глюкокортикоидам, что поддерживает экспрессию цитокинов IL-4/IL-5/IL-13, эозинофильное воспаление и ремоделирование стенки бронхов; одновременно избыточный холинергический тонус через M3-рецепторы облегчает бронхоконстрикцию. Поведенческие и вегетативные маркёры (низкая вариабельность сердечного ритма, доминирование симпатовагальных колебаний на триггеры) отражают сниженный порог запуска приступа. Эпидемиология подтверждает биологическую «прошивку»: высокий индекс ACE повышает риск астмы на 60–70%, усиливая как иммунный, так и вегетативный компоненты гиперреактивности [2, 3, 12]. В схемах психосоматических моделей астма традиционно связана с конфликтом «зависимость ↔ выражение агрессии/границ» (Александр), а в современной нейробиологической рамке – с устойчивым аллостатическим сдвигом (по Б. Мак-Юэну) в сторону про-воспалительного профиля и вагусно-опосредованной гиперреактивности дыхательных путей [10, 12].

Артериальная гипертензия

Гипертензия при психосоматической стигматизации – классический пример долговременного симпатoadреналового «перенастроя». Хронический стресс повышает базальный уровень норадреналина, активирует ренин-ангиотензин-альдостероновую систему и смещает барорефлекторную дугу (resetting), что закрепляет более высокую «установку» артериального давления. На сосудистом уровне формируются эндотелиальная дисфункция (снижение биодоступности NO), оксидативный стресс и ремоделирование артериальной стенки; на кардиальном – снижение вариабельности сердечного ритма и преобладание низкочастотных компонентов спектра как маркёра симпатической доминанты. Нейровизуализационные маркёры детской травмы – уменьшение объёма гиппокампа, функциональные нарушения префронтальной коры и гиперреактивность миндалина – отражают дефицит топ-даун контроля над стресс-ответом и поддерживают «готовность» к прессорным реакциям [11, 12]. Данные когорт показывают удвоение риска гипертензии у лиц с высоким ACE, что подтверждает связь раннего повреждения с сосудистым фенотипом во взрослом возрасте [2, 3]. В терминах моделей: «органный выбор» (Александр) здесь реализуется через нейровегетативные механизмы и аллостатическую нагрузку – хроническую «цену» адаптации, переводящую кратковременные адаптивные реакции в стойкий прессорный паттерн [10, 12].

Аутоиммунные заболевания.

Ранний травматический опыт ассоциирован с устойчивым сдвигом нейроиммунной регуляции: активацией NF- κ B-зависимой транскрипции, дисбалансом Th1/Th17 ↔ Treg и феноменом «глюкокортикоидной резистентности»,

при котором иммунные клетки снижают чувствительность к противовоспалительному действию кортизола. Вегетативный компонент – ослабление холинергического противовоспалительного пути блуждающего нерва – уменьшает торможение продукции цитокинов. Эпигенетические изменения, показанные у потомков переживших тяжёлый стресс (модификации метилирования в стресс- и иммунорегуляторных локусах, изменения профиля малых РНК сперматозоидов), описывают возможный механизм межпоколенной фиксации про-воспалительного фенотипа [8, 9]. Клинически это выражается повышенной частотой системных и органоспецифических аутоиммунных расстройств (СКВ, РА, аутоиммунные тиреоидиты) у людей с высокими баллами ACE [2, 3]. В психосоматических моделях этот блок описывается как конфликт самоотношения и самозащиты, но решающее – биологическое обоснование: стойкий НРА-сдвиг, вегетативная дисрегуляция и эпигенетика создают долгоживущий «иммунный след», делающий аутоиммунный ответ вероятным при повторной актуализации стресс-контур [8, 9, 12].

Во всех четырёх примерах «специфичность органа» (Александр) и «аллостатическая нагрузка» (современная нейробиология стресса) описывают один и тот же путь: ранняя травма смещает настройку НРА-оси и вегетативных сетей, меняет электрохимические режимы ключевых стресс-нейронов и архитектуру кортико-лимбических контуров; далее повторные стрессоры поддерживают дисбаланс иммунной и вегетативной регуляции, а клиническая реализация происходит в заранее уязвимых системах – ЖКТ, дыхательной, сердечно-сосудистой и иммунной [2, 3, 10–12, 8, 9].

Практическая значимость и перспективы.

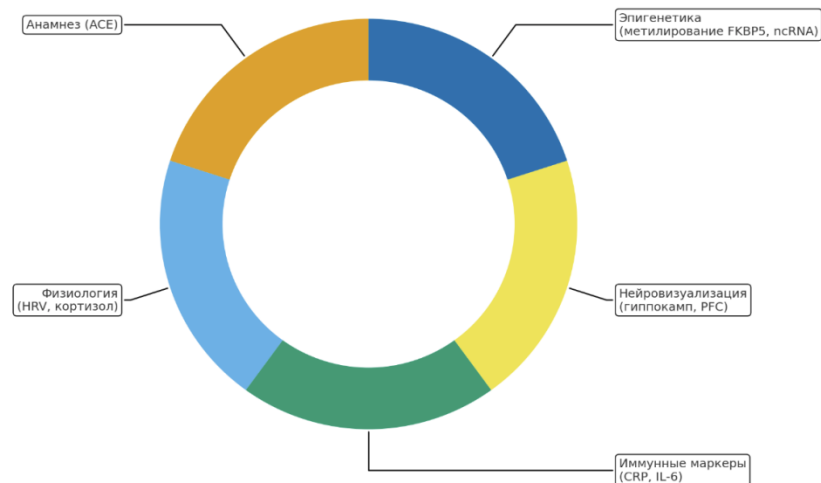
Введение категории психосоматической стигматизации переводит клиническое мышление от модели «острого стресс-ответа» к модели предиктивной уязвимости. Для клинициста это означает необходимость стратифицировать риск на основании объективных маркеров смещения НРА-оси, вегетативного баланса и иммунной реактивности, а не ограничиваться симптоматической терапией. На уровне первичного звена целесообразно внедрять двухэтапный скрининг:

короткие валидированные опросники раннего неблагоприятного опыта и соматизации (аналог ACE/СТQ, PHQ-15, HADS) для первичной идентификации уязвимости [2, 3];

физиологический «минимум»: вариабельность сердечного ритма в покое (HF-компонент, RMSSD) как прокси вагус-тонуса, 5-точечный профиль слюнного кортизола в течение суток (наклон «утро-вечер») и С-реактивный белок/IL-6 как индикаторы низкогоуровневого воспаления.

Хронически уплощённый кортизоловый профиль и сниженная HF-HRV укажут на устойчивую дисрегуляцию НРА-оси и вегетативного контура [11, 12]. Такая комбинация доступна, малозатратна и технологически готова к рутинной практике.

В специализированной помощи диагностический блок можно расширять до нагрузочных тестов и нейровизуализации. Дексаметазоновая проба (1 мг на ночь) и/или лабораторная стресс-модель (например, стандартная психосоциальная нагрузка) позволяют оценить «жесткость» обратной связи НРА-оси и площадь под кривой АСТН/кортизола [11, 12]. Короткая микроневровегетативная батарея (ортостатическая проба, глубокое дыхание, экспозиция холодом) даст объективные параметры симпато-вагального баланса. На уровне мозга структурная МРТ и диффузионно-тензорная томография полезны для оценки гиппокампального объёма и целостности проводящих путей префронтно-лимбической регуляции; функциональная МРТ – для анализа коннективности «префронтальная кора ↔ миндалина» в покое и под стресс-активацией [11]. Такой протокол позволяет «увидеть» те самые механизмы, которые теоретически описаны как след раннего повреждения: ослабление топ-даун-контроля и гиперреактивность центров угрозы (см. рисунок 3).

Источник: составлено автором на основании современных клинических протоколов

Рисунок 3 - Интегральная модель диагностики

Эпигенетические и молекулярные маркеры расширяют выявляемость стигматизации на доклиническом этапе. Изменения метилирования в стресс-чувствительных локусах (например, регуляторы глюкокортикоидного сигнального пути) и профиль некодирующих РНК рассматриваются как «биографические» метки пережитого стресса, ассоциированные с устойчивой настройкой HPA-оси и иммунного ответа [8, 9]. В практическом ключе их можно использовать для уточнения риска у пациентов из групп наблюдения (беременные с высоким уровнем стресса, дети, пережившие травматические события, взрослые с повторяющимися функциональными расстройствами). Научно-методически важно сочетать эпигенетические панели с продольным фенотипированием (HRV, кортизол, цитокины), что позволит проследить переход от уязвимости к заболеванию.

Терапевтические стратегии в логике психосоматической стигматизации должны одновременно воздействовать на три узла: переработку первичного конфликта, снижение хронической стресс-активации и восстановление вегетативно-иммунного баланса. Психотерапевтический компонент включает методы с доказанным влиянием на стресс-контуры: КПТ для соматических симптомов, травма-фокусированные протоколы, методы переработки дистресс-памяти; их эффект частично опосредуется нормализацией HPA-оси и усилением префронтального контроля [11, 12]. Физиологический модуль целесообразно собирать из HRV-биофидбэка (тренировка медленного дыхания 5–6 вдохов/мин для подъема вагустонуса и снижения воспалительных цитокинов), неинвазивной вагусной стимуляции, регулярной аэробной нагрузки средней интенсивности и протоколов гигиены сна – эти вмешательства согласованно увеличивают HF-HRV, «крутизну» кортизолового профиля и снижают CRP/IL-6. Фармакотерапия остаётся органоспецифичной (эрадикация *H. pylori*, противовоспалительные и базисные препараты при астме, антигипертензивные схемы, иммуномодуляторы при аутоиммунных расстройствах), но её эффективность и устойчивость результата возрастают при параллельной нормализации стресс-систем.

Для науки ближайшая задача – операционализировать феномен в виде композитных индексов риска. Перспективна конструкция интегрального «индекса психосоматической стигматизации», объединяющего (а) поведенческие и анамнестические показатели (баллы ACE/аналогов) [2, 3], (б) физиологические метрики (HRV, кортизоловый наклон, вариабельность артериального давления), (в) воспалительные маркеры низкой интенсивности, (г) нейровизуализационные

признаки уязвимости (гиппокампальный объём, функциональная коннективность префронтно-лимбических сетей), (д) эпигенетические подписи [8, 9, 11, 12]. Такой индекс можно валидировать в продольных когортных исследованиях с моделью причинно-следственных путей (структурное моделирование): от раннего опыта – через медиаторы (НРА-ось, вегетативная регуляция, воспаление) – к клиническим исходам. На уровне вмешательств необходимы рандомизированные исследования комбинированных программ «психотерапия + модуляция вагусного тонуса» с регистрацией физиологических суррогатов (HRV, кортизол) и клинических конечных точек.

С точки зрения профилактики акцент смещается на критические окна развития. Программы снижения стресса у беременных, профилактика домашнего насилия, поддержка раннего материнского-детского взаимодействия и внедрение травма-информированных практик в педиатрии и школах способны уменьшать «первичное повреждение» до того, как оно закрепится в нейроэндокринной архитектуре [1-3, 11]. На уровне систем здравоохранения оправдано создание междисциплинарных маршрутов для пациентов с повторяющимися «необъяснимыми» соматическими жалобами: быстрый скрининг уязвимости, базовые физиологические измерения, короткие протоколы нормализации вегетативного баланса, при необходимости – направление в специализированные центры.

В совокупности такой подход делает болезнь предсказуемым и управляемым итогом биографически обусловленной уязвимости, а не «случайным» проявлением стресса. Концепция психосоматической стигматизации задаёт измеряемые мишени – НРА-ось, префронтно-лимбические контуры, вегетативно-иммунный интерфейс – и предлагает клиницисту инструменты их диагностики и коррекции. Это и есть практическая ценность: мы не просто лечим орган, мы корректируем ту нейробиологическую настройку, которая делает этот орган мишенью.

Психосоматическая стигматизация представляет собой фундаментальный междисциплинарный конструкт, объясняющий, каким образом раннее психоэмоциональное повреждение трансформируется в устойчивую соматическую патологию во взрослом возрасте. Её сущность заключается в закреплении первичного травматического опыта на уровне нейроэндокринных, вегетативных и иммунных механизмов, что формирует бессознательный конфликт и органную уязвимость. Последующие стрессовые воздействия многократно актуализируют этот след, обеспечивая хронификацию заболевания и его рецидивирующее течение.

Научная новизна концепции состоит во введении категории «психосоматическая стигматизация» для описания каскадного процесса: от первичного повреждения через нейробиологические и психодинамические медиаторы к органоспецифической патологии. Такой подход расширяет классическую психосоматическую модель, объединяя данные психоаналитических школ с доказательными результатами нейробиологии стресса, эпигенетики и психоэмбриологии.

Практическая значимость заключается в возможности интеграции концепции психосоматической стигматизации в медицинскую и психотерапевтическую практику. Это создаёт основу для ранней диагностики уязвимости, разработки биомаркеров (нейровизуализационных, эпигенетических, нейровегетативных) и внедрения комплексных программ профилактики, ориентированных на снижение детской травматизации и коррекцию стресс-реактивных систем.

Таким образом, психосоматическая стигматизация должна рассматриваться как физиологически обоснованный механизм, объединяющий психоэмоциональный опыт и телесную патологию, и как перспективное направление для дальнейших междисциплинарных исследований. Дальнейшее развитие этой концепции имеет потенциал радикально изменить подходы к пониманию, диагностике и лечению психосоматических заболеваний, превратив их из «необъяснимых» в предсказуемые и управляемые.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. World Health Organization. Mental health: strengthening our response. Geneva: WHO; 2022. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> (дата обращения: 11.09.2025). Всемирная организация здравоохранения
2. Felitti V. J., Anda R. F., Nordenberg D., Williamson D. F., Spitz A. M., Edwards V., Koss M. P., Marks J. S. Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading causes of death in adults. *American Journal of Preventive Medicine*. 1998;14(4):245-258. DOI: 10.1016/S0749-3797(98)00017-8. URL: [https://www.ajpmonline.org/article/S0749-3797\(98\)00017-8/fulltext](https://www.ajpmonline.org/article/S0749-3797(98)00017-8/fulltext) (дата обращения: 11.09.2025).
3. Anda R. F., Felitti V. J., Bremner J. D., Walker J. D., Whitfield C., Perry B. D., Dube S. R., Giles W. H. The enduring effects of abuse and related adverse experiences in childhood: A convergence of evidence from neurobiology and epidemiology. *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience*. 2006;256(3):174-186. DOI: 10.1007/s00406-005-0624-4. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00406-005-0624-4> (дата обращения: 11.09.2025).
4. Rank O. Das Trauma der Geburt und seine Bedeutung für die Psychoanalyse. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag; 1924. (рус. пер.: Травма рождения. М.: АСТ, 2003). URL (библиографическая запись): <https://nla.gov.au/nla.cat-vn1572526> (дата обращения: 11.09.2025).
5. Verny T. R., Kelly J. *The Secret Life of the Unborn Child*. New York: Summit Books; 1981. ISBN: 0671253123. URL (каталожная запись): <https://books.google.com/books?id=sTDHoAECAAJ> (дата обращения: 11.09.2025).
6. Chamberlain D. B. *The Mind of Your Newborn Baby*. Berkeley, CA: North Atlantic Books; 1998. ISBN: 155643264X. URL: <https://www.northatlanticbooks.com/shop/the-mind-of-your-newborn-baby/> (дата обращения: 11.09.2025).
7. Schützenberger A. A. *The Ancestor Syndrome: Transgenerational Psychotherapy and the Hidden Links in the Family Tree*. London: Routledge; 1998. ISBN: 9780415191876. URL: <https://www.routledge.com/The-Ancestor-Syndrome-Transgenerational-Psychotherapy-and-the-Hidden-Links-in-the-Family-Tree/Schutzenberger/p/book/9780415191876> (дата обращения: 11.09.2025).
8. Yehuda R., Daskalakis N. P., Bierer L. M., Bader H. N., Klengel T., Holsboer F., Binder E. B. Holocaust exposure induced intergenerational effects on FKBP5 methylation. *Biological Psychiatry*. 2016;80(5):372-380. DOI: 10.1016/j.biopsych.2015.08.005. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/26410355/> (дата обращения: 11.09.2025).
9. Gapp K., Jawaid A., Sarkies P., Bohacek J., Pelczar P., Prados J., Farinelli L., Miska E., Mansuy I. M. Implication of sperm RNAs in transgenerational inheritance of the effects of early trauma in mice. *Nature Neuroscience*. 2014;17(5):667-669. DOI: 10.1038/nn.3695. URL: <https://www.nature.com/articles/nn.3695> (дата обращения: 11.09.2025).
10. Alexander F. *Psychosomatic Medicine: Its Principles and Applications*. New York: W. W. Norton & Company; 1950. URL (библиографическая запись): https://openlibrary.org/books/OL6069766M/Psychosomatic_medicine_its_principles_and_applications (дата обращения: 11.09.2025).
11. Teicher M. H., Samson J. A., Anderson C. M., Ohashi K. The effects of childhood maltreatment on brain structure, function and connectivity. *Nature Reviews Neuroscience*. 2016;17(10):652-666. DOI: 10.1038/nrn.2016.111. URL: <https://www.nature.com/articles/nrn.2016.111> (дата обращения: 11.09.2025).
12. McEwen B. S. Physiology and neurobiology of stress and adaptation: central role of the brain. *Physiological Reviews*. 2007;87(3):873-904. DOI: 10.1152/physrev.00041.2006. URL:

<https://journals.physiology.org/doi/abs/10.1152/physrev.00041.2006> (дата обращения: 11.09.2025).

13. Boeckle M., Schrimpf M., Liegl G., Pieh C. Neural correlates of somatoform disorders from a meta-analytic perspective on neuroimaging studies. *NeuroImage: Clinical*. 2016;11:606–613. DOI: 10.1016/j.nicl.2016.04.001. URL:

<https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC4857221/> (дата обращения: 11.09.2025).

14. Rossetti M. G., Delvecchio G., Calati R., Perlini C., Bellani M., Brambilla P. Structural neuroimaging of somatoform disorders: A systematic review. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2021;122:66–78. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2020.12.017. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33359097/> (дата обращения: 11.09.2025).

15. Pavlov V. A., Tracey K. J. The cholinergic anti-inflammatory pathway: a missing link in neuroimmunomodulation. *Nature Reviews Immunology*. 2003;3(5):353–363. DOI: 10.1038/nri1348. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/14571320/> (дата обращения: 11.09.2025).

16. Tracey K. J. Physiology and immunology of the cholinergic antiinflammatory pathway. *Journal of Clinical Investigation*. 2007;117(2):289–296. DOI: 10.1172/JCI30555. URL: <https://www.jci.org/articles/view/30555> (дата обращения: 11.09.2025).

УДК 159.923.2

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПСИХОТЕРАПИИ НА ОСНОВЕ МЕТОДА ДЕСЕНСИБИЛИЗАЦИИ И ПЕРЕРАБОТКИ ДВИЖЕНИЕМ ГЛАЗ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Черкасова Анастасия Николаевна

Младший научный сотрудник,

Группа нейроинтерфейсов Института нейрореабилитации и

восстановительных технологий Российского центра неврологии и нейронаук,

Москва, Российская Федерация

Иванова Елена Валериевна

Руководитель,

Психологический центр «ТОП-практик», Москва, Российская Федерация

Иконникова Екатерина Сергеевна

Младший научный сотрудник,

Группа нейроинтерфейсов Института нейрореабилитации и

восстановительных технологий Российского центра неврологии и нейронаук,

Москва, Российская Федерация

Люкманов Роман Харисович

Старший научный сотрудник, руководитель группы,

кандидат медицинских наук,

Группа нейроинтерфейсов Института нейрореабилитации и

восстановительных технологий Российского центра неврологии и нейронаук,

Москва, Российская Федерация

Супонева Наталья Александровна

Главный научный сотрудник, директор, доктор медицинских наук

Институт нейрореабилитации и восстановительных технологий Российского

центра неврологии и нейронаук, Москва, Российская Федерация

В России было создано программное обеспечение для реализации метода десенсибилизации и переработки движениями глаз (ДПДГ) в условиях виртуальной реальности. Целью данной работы было проведение рандомизированного контролируемого исследования для оценки эффективности этого формата психотерапии в отношении проявлений тревожности, психологического стресса и сниженной самооценки на неклинической выборке. В исследование было включено 60 человек ($M=37,7$, $SD=11$) с запросами на психологическую помощь, которые распределялись в 4 группы. В первой группе применялся метод ДПДГ в условиях виртуальной реальности без сопровождения психолога, во второй группе эта технология использовалась в сопровождении психолога, третья группа проходила ДПДГ-терапию в классическом формате, четвертая группа не получала какого-либо воздействия. В рамках психотерапии проводились 1-3 сессии в течение двух недель. Для оценки участников до начала исследования, после психотерапии и через месяц от начала исследования применялись Опросник Спилбергера-Ханина, Шкала психологического стресса PSM-25 и Шкала самооценки Розенберга. В результате при применении метода ДПДГ независимо от формата была выявлена положительная динамика по тем или иным показателям эмоционально-личностной сферы участников, чего не наблюдалось при отсутствии воздействия. Сравнение эффективности психотерапии между

группами показало, что использование метода ДПДГ в условиях виртуальной реальности по ряду параметров превосходит условие отсутствия воздействия. Показатели в трех группах с применением метода ДПДГ значимо не отличались и были сопоставимы. Насколько нам известно, проведенное исследование является первой в мире попыткой оценки эффективности психотерапии на основе метода ДПДГ в условиях виртуальной реальности.

Ключевые слова: эффективность психотерапии, десенсибилизация и переработка движениями глаз, виртуальная реальность, тревожность, психологический стресс, самооценка.

EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF PSYCHOTHERAPY BASED ON THE EYE MOVEMENT DESENSITIZATION AND REPROCESSING METHOD IN VIRTUAL REALITY

Cherkasova Anastasia Nikolaevna

Junior Researcher,

Brain-computer Interface Group, Institute of Neurorehabilitation and Recovery Technologies, Russian Center of Neurology and Neuroscience, Moscow, Russia

Ivanova Elena Valerievna

Head,

Psychological Center of TOP practitioners, Moscow, Russia

Ikonnikova Ekaterina Sergeevna

Junior Researcher,

Brain-computer Interface Group, Institute of Neurorehabilitation and Recovery Technologies, Russian Center of Neurology and Neuroscience, Moscow, Russia

Roman Kharisovich Lukmanov

Senior Researcher, Head of Group, PhD in Medicine

Brain-computer Interface Group, Institute of Neurorehabilitation and Recovery Technologies, Russian Center of Neurology and Neuroscience, Moscow, Russia

Suponeva Natalia Alexandrovna

Chief Researcher, Director, Dr. Sci. in Medicine

Institute of Neurorehabilitation and Recovery Technologies, Russian Center of Neurology and Neuroscience, Moscow, Russia

In Russia, software was created to implement the eye movement desensitization and reprocessing (EMDR) method in virtual reality. The aim of this study was to conduct a randomized controlled trial to evaluate the effectiveness of this format of psychotherapy on anxiety, psychological stress and low self-esteem in a non-clinical sample. The study included 60 people ($M=37,7$, $SD=11$) with requests for psychological help, who were randomized into 4 groups. In the first group, the EMDR method was used in virtual reality without the accompaniment of psychologist, in the second group this technology was used accompanied by psychologist, the third group underwent EMDR therapy in the classical format, and the fourth group did not receive any intervention. 1-3 sessions were conducted over two weeks in EMDR groups. The Russian adaptations of Spielberger's Test Anxiety Inventory, Psychological Stress Measure PSM-25 and Rosenberg Self-Esteem Scale were used to assess participants before the start of the study, after psychotherapy, and one month after the start of the study. As a result, when using the EMDR method, regardless of the format, positive dynamics were revealed in certain indicators of the emotional and personal sphere of the participants, which was not

observed in the absence of intervention. A comparison of the effectiveness of psychotherapy between groups showed that the use of the EMDR method in virtual reality is superior to the no-intervention condition in a number of parameters. The indicators in the three groups using the EMDR method did not differ significantly and were comparable. To our knowledge, this study is the first attempt in the world to evaluate the effectiveness of EMDR-based psychotherapy in a virtual reality setting.

Keywords: *effectiveness of psychotherapy, eye movement desensitization and reprocessing, virtual reality, anxiety, psychological stress, self-esteem.*

Метод десенсибилизации и переработки движениями глаз (ДПДГ; Eye Movement Desensitization and Reprocessing, EMDR) был разработан Ф. Шапиро в 1987 году [1]. Это краткосрочный метод психотерапевтического воздействия, который изначально направлялся на преодоление симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). С момента появления метода ДПДГ было проведено большое количество исследований, имеется ряд систематических обзоров и метаанализов по доказательству его эффективности в отношении ПТСР; их обобщение представлено в недавнем русскоязычном обзоре [2]. На основании проведенных исследований с 2013 года метод ДПДГ стал рекомендоваться для лечения ПТСР Всемирной организацией здравоохранения [3], а с 2023 года – Министерством здравоохранения Российской Федерации [4] наравне с когнитивно-поведенческой психотерапией, сфокусированной на травме. В настоящее время накапливаются исследования по эффективности метода ДПДГ в отношении других психических расстройств, спектр которых достаточно широк [2]. Имеются также отдельные работы по успешному применению ДПДГ на неклинических выборках, например, в ситуациях высокого рабочего стресса [5] или для повышения производительности труда после тревожащих инцидентов на работе [6].

Одним из современных форматов проведения психотерапии является использование технологий виртуальной реальности (virtual reality, VR). На сегодняшний день наиболее распространено применение экспозиционной VR-терапии для лечения тревожных и фобических расстройств, ПТСР [7], [8], [9]. Имеются программы, в которых виртуальные среды используются с целью релаксации при повышенной тревожности [9], в качестве обезболивающего средства при сильных ожогах, болях [8], [9]. На этом фоне стали предприниматься попытки технологизации метода ДПДГ [10]. В России соавтором данной статьи, руководителем Психологического центра "ТОП-Практик" в 2023 году было создано программное обеспечение для реализации метода ДПДГ в условиях виртуальной реальности, подробное описание которого будет представлено далее.

Появление таких технологий ведет к необходимости формирования доказательной базы для их применения. В соответствии с литературными данными, исследования эффективности метода ДПДГ как в классической форме [2], так и в условиях виртуальной среды ранее на российской выборке не проводились.

Целью данной работы является оценка эффективности психотерапии на основе метода ДПДГ в условиях виртуальной реальности в отношении проявлений тревожности, психологического стресса и сниженной самооценки на неклинической выборке в ходе рандомизированного контролируемого исследования. Мы предполагали, что рассматриваемые нами формы применения метода ДПДГ в виртуальной среде будут сопоставимы по эффективности с классическим вариантом ее проведения. Кроме этого, нами предполагалось, что результаты использования ДПДГ в любом формате будут отличаться от результатов в условиях пассивного контроля.

Выборка. В исследование было включено 60 человек (10 мужчин, 50 женщин, $M=37,7$ лет, $SD=11$) с запросами на психологическую помощь без неврологических и психиатрических заболеваний в анамнезе, не применяющих лекарственные препараты, влияющие на состояние эмоциональной сферы. Объявления об

исследовании размещались на информационных ресурсах Психологического центра "ТОП-Практик". Для отбора участников была разработана специальная анкета, которая позволяла выявить жалобы, в отношении которых используется психотерапия на основе метода ДПДГ (стресс, тревога, травматические и болезненные переживания, фиксация на негативных событиях, негативные установки, представления о себе, мешающие достижению целей, страхи, физическое и эмоциональное напряжение), а также исключить наличие противопоказаний к погружению в виртуальную среду и к применению ДПДГ [1]. Данное исследование было пилотным, поэтому оно не подразумевало выбора единой причины обращения участников за помощью. В первую фазу протокола специалист конкретизировал запрос участников, принимал решение о возможности применения в его отношении метода ДПДГ и выбирал персональную «мишень» воздействия. На протяжении исследования участникам предлагалось поработать только с одним переживанием.

Дизайн и методики исследования. Набор данных осуществлялся в период с апреля по декабрь 2023 г. на базе Психологического центра "ТОП-Практик" на основе протокола, разработанного сотрудниками группы нейроинтерфейсов ФБГНУ «Российский центр неврологии и нейронаук».

После первичного отбора осуществлялась количественная диагностика ряда параметров эмоционально-личностной сферы каждого участника с помощью следующих методик:

- для оценки тревожности использовался Опросник Спилбергера-Ханина (State-Trait Anxiety Inventory, STAI [11] в адаптации Ю.Л. Ханина [12]), содержащий две шкалы: ситуативная (реактивная) и личностная тревожность;
- для оценки переживания стресса применялась Шкала психологического стресса (Psychological Stress Measure, PSM-25) [13] в адаптации Н.Е. Водопьяновой [14];
- для диагностики самооценки применялась Шкала самооценки М. Розенберга (Rosenberg Self-Esteem Scale, RSES [15]), валидированная А.А. Золотаревой [16].

Эти же методики применялись для оценки динамики состояния участников после осуществления психологических интервенций, которые будут представлены далее, а также через месяц от начала участия в исследовании для фиксации отсроченных эффектов.

Так как в данном пилотном исследовании участники имели различные запросы на психотерапевтическую помощь и не относились к той или иной клинической выборке, для оценки влияния проводимой психотерапии использовался набор шкал и опросников, направленных на наиболее часто встречающиеся жалобы, в отношении которых метод ДПДГ может использоваться вне клинических условий. Переменные ситуативной тревожности и психологического стресса рассматривались как достаточно подверженные краткосрочным изменениям, по ним возможная динамика предполагалась сразу после сессий. Включение в исследование более устойчивых переменных личностной тревожности и самооценки обуславливалось оценкой состояния участников в динамике спустя месяц от начала исследования, так как предполагалось, что за этот период могло произойти более глубокое осознание и интеграция произошедших в ходе психотерапевтических сессий изменений.

Участники исследования рандомизировались в 4 группы по 15 человек методом слепых конвертов. В первых трех группах проводились от 1 до 3 психотерапевтических сессий с различными форматами реализации 8-фазного протокола ДПДГ в течение двух недель, четвертая группа выступала в качестве пассивного контроля.

Участникам первой группы предлагалось пройти сессии с применением метода ДПДГ в виртуальной среде самостоятельно, без включения в процесс специалиста. Перед сеансом им в письменном виде выдавалась специальная инструкция, в которой была представлена характеристика метода ДПДГ и информация об основных этапах предстоящей работы. В процессе сессий участники могли обращаться к специалисту только за технической помощью. Данная группа будет обозначаться как «VR ДПДГ без сопровождения психолога». В отношении участников второй группы психолог

занимал более активную позицию, он мог включаться в процесс работы в VR, помогать обозначить негативное переживание, спрашивать об образах, мыслях и ощущениях на разных этапах работы и т.д. Данная группа получила название «VR ДПДГ в сопровождении психолога». С помощью сравнения этих групп нами планировалось проконтролировать роль вклада психолога в реализацию метода ДПДГ в виртуальной среде.

Обратимся к фазам проведения протокола ДПДГ в первой и второй группах. Первая фаза (сбор анамнеза) осуществлялась до погружения участников в виртуальную реальность. На этой стадии специалист собирал общие данные об участниках, выявлял у них наличие противопоказаний, конкретизировал их запрос, связанный с переживанием событий прошлого, настоящего или воображаемого будущего (при тревоге), помогал выбрать «мишень» воздействия.

Затем участникам первой и второй группы надевался VR-шлем Oculus Quest 2. С момента погружения в среду они получали встроенные инструкции в виде голосового и текстового сопровождения, а также в виде наглядных демонстраций от аватара виртуального психолога.

На второй фазе протокола (подготовка) выполнялась техника «Безопасное место», дополненная виртуальным пространством (море, горы и т.д.) (см. рисунок 1), которое участник мог выбирать самостоятельно, а также билатеральной музыкой и кинестетической билатеральной стимуляцией. Целью применения этой техники была стабилизация состояния участников и создание безопасного ресурсного пространства для дальнейшей работы. На определенных этапах ее выполнения участники осуществляли оценку своего состояния по субъективной шкале от 0 до 10 баллов. Когда она достигала 8 и более баллов, производился переход к следующей фазе. В группе с сопровождением психолога специалист мог подключаться к работе и помогать участникам в стабилизации их состояния.

На третьей фазе протокола (оценка) участники перемещались в новое виртуальное пространство, которое воссоздавало кабинет психолога (см. рисунок 1). Их просили актуализировать то переживание, которое было намечено для работы. С помощью вопросов от аватара виртуального психолога выделялся центральный образ, связанный с переживанием, соответствующие ему эмоции и телесные ощущения. Производился процесс когнитивного переструктурирования травматического переживания – участникам предлагалось выбрать негативное убеждение, соответствующее травматическому воспоминанию из предложенного списка. Интенсивность рассматриваемого переживания оценивалась по субъективной шкале от 0 до 10 баллов. После этого участники получали список позитивных убеждений, среди которых им предлагалось выбрать то, которое хотелось бы у себя закрепить. Во второй группе психолог подключался к описанному процессу в случае возникновения затруднений у участников.

В ходе четвертой фазы (десенсибилизация) участников просили удерживать в фокусе внимания образ, мысли и убеждения, чувства и ощущения, вызванные негативным переживанием, и параллельно осуществлять их десенсибилизацию за счет билатеральной стимуляции. Десенсибилизация была представлена в трех модальностях: визуальной (просьба участников проследить глазами движения шарика по траекториям, традиционно используемым в ДПДГ-терапии), слуховой (билатеральная музыка) и кинестетической (просьба участников повторять билатеральные движения, демонстрируемые аватаром). У участников была возможность увеличить или снизить скорость движения шарика. Каждый цикл десенсибилизации завершался оценкой интенсивности переживания по обозначенной ранее шкале от 0 до 10 баллов. Она продолжалась до получения 0-1 баллов.

На пятой фазе протокола (инсталляция) участники возвращались к списку позитивных убеждений, выбирали предпочитаемое из них и оценивали его по шкале от 0 до 10. Закрепление этого убеждения производилось с помощью билатеральной стимуляции (визуальной, слуховой и кинестетической). Каждый ее цикл завершался

оценкой позитивного состояния по указанной шкале. Процесс продолжается до достижения 8 и более баллов. Во второй группе психолог мог помогать участникам в работе с укреплением позитивного убеждения.

Шестая фаза (сканирование тела) была направлена на выявление остаточного напряжения в теле, когда участников просили вспомнить о травматическом переживании. Если оно имелось, проводилась дополнительная десенсибилизация до полной телесной разгрузки. Каждый цикл десенсибилизации завершался оценкой остаточного напряжения по шкале от 0 до 10 баллов до получения 0-1 балла. В группе с сопровождением психолога специалист мог помогать участникам выявить остаточные проявления негативного переживания на уровне тела.

На седьмой фазе протокола (завершение) осуществлялись финальные стадии работы. Участники перемещались в виртуальное пространство из техники «Безопасное место» для комфортной интеграции нового опыта и стабилизации состояния. С помощью голосовых инструкций они получали информацию по дальнейшему наблюдению за собой.

Восьмая фаза (повторная оценка) проводилась в двух возможных форматах. Если участник завершил переработку за одну сессию и через неделю ему не требовалось продолжение, он производил оценку своего негативного переживания и позитивного состояния дистанционно. Если участник имел потребность в продолжении переработки он приходил на второй и/или третий предложенный сеанс и осуществлял повторную оценку в ходе этих сессий.

Техническая реализация всего описанного процесса осуществлялась через интерактивное взаимодействие участников с программным обеспечением за исключением первой и частичной восьмой фазы. Время прохождения всех фаз было индивидуальным. Участник мог осуществить всю переработку за один сеанс, либо мог выйти из системы на любой из стадий через виртуальное пространство из техники «Безопасное место» (как правило из-за утомления или неготовности в этот день продолжать работу с негативным переживанием). В этом случае переработка осуществлялась в течение следующих сеансов с той стадии, на которой участник остановился в прошлый раз с учетом того, что каждая сессия начиналась с техники «Безопасное место». Количество встреч и их продолжительность фиксировались для дальнейшего сопоставления.

Представленная разработка с воспроизведением 8-фазного протокола ДПДГ в виртуальной среде без участия психолога (за исключением 1 и 8 фаз) после некоторых доработок получила патент на изобретение № 2836008.

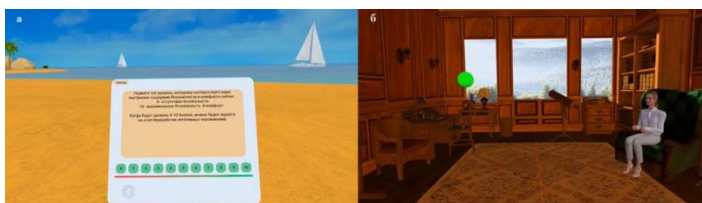

Рисунок 1. Виртуальные пространства, используемые при проведении метода ДПДГ в VR: а) пространство для проведения техники «Безопасное место», б) пространство, воссоздающее кабинет психолога, для проведения основных этапов работы

Третья группа участников проходила стандартную ДПДГ-терапию на основе базового 8-фазного протокола. Далее она будет именоваться «ДПДГ». Продолжительность сессий составляла 60 минут, количество встреч (от 1 до 3-х) определялось ходом работы. Набор данной группы был обусловлен задачей сравнения эффективности психотерапии в виртуальной среде с её классическим вариантом.

У участников первых трех групп с различными формами применения метода ДПДГ для дальнейшего сопоставления фиксировались показатели субъективной

шкалы оценки негативного переживания на старте переработки в первую сессию и позитивного состояния после завершения переработки на последней сессии. Из всех участников один человек из группы «ДПДГ» не успел дойти до стадии работы с позитивным убеждением за три встречи. Для него финальной считалась оценка негативного переживания по завершению последней сессии.

Четвертая группа выступала в качестве условия пассивного контроля. Её участники также проходили стадию отбора и количественной диагностики, но включались в лист ожидания. Их просили повторно заполнить представленные выше методики через две недели и через месяц после первичной оценки. По истечении месяца им предоставлялась обещанная психотерапевтическая помощь. Эта группа будет обозначаться как «Пассивный контроль».

Статистическая обработка данных. В отношении статистической обработки имело место ослепление исследования. Она проводилась сотрудниками группы нейроинтерфейсов ФБГНУ «Российский центр неврологии и нейронаук», которые не были задействованы в процедурах рандомизации и набора участников. В связи с небольшим объёмом выборок и ненормальностью распределения данных по отдельным переменным (в соответствии с критерием Колмогорова-Смирнова, $p < 0,05$) для статистического анализа использовались непараметрические методы. Межгрупповые различия оценивались с помощью критерия Краскала-Уоллиса, при наличии различий осуществлялись *post hoc* сравнения с помощью критерия Манна-Уитни. Для сравнения групп по номинативной переменной пола участников применялись попарные сравнения с помощью точного теста Фишера. Для статистического сравнения протоколов воздействия в каждой группе были рассчитаны дельты изменений между следующими замерами: после сессий и до сессий, через месяц и до сессий, через месяц и после сессий. Их сравнение также осуществлялось с помощью критерия Краскала-Уоллиса и, при необходимости, критерия Манна-Уитни для попарных *post hoc* сравнений. Для оценки внутригрупповой динамики после воздействия и через месяц использовалась ANOVA Фридмана, при наличии различий осуществлялись *post hoc* сравнения с помощью критерия Уилкоксона. Статистически значимыми считались различия при $p < 0,05$. В случае осуществления попарных сравнений к значимости соответствующих критериев применялась поправка Бонферрони на множественные сравнения: при наличии трех попарных сравнений уровень значимости соответствующих критериев умножался на 3, шести сравнений – на 6. Скорректированные *p*-значения, которые превышали 1, уменьшались до 1. Расчеты осуществлялись в статистической программе IBM SPSS Statistics, v.23. Данные будут представлены в виде среднего и стандартного отклонения ($M \pm SD$).

Основные результаты

Сравнение групп в начале исследования. Общая характеристика каждой из групп, содержащих по 15 участников, приведена в таблице (см. таблицу 1). Представленные группы не имели отличий между собой по полу (точный тест Фишера при сравнении первой и второй группы $p=1,000$; первой и третьей группы $p=0,651$; первой и четвертой группы $p=1,000$; второй и третьей группы $p=1,000$; второй и четвертой группы $p=0,651$; третьей и четвертой группы $p=0,330$). Однако они различались по возрасту (критерий Краскала-Уоллиса $H=14,153$, $p=0,003$). В связи с этим было проведено их сравнение до начала исследования по всем рассматриваемым психологическим переменным, статистически значимых различий выявлено не было (критерий Краскала-Уоллиса для шкал ситуативной тревожности $H=5,405$, $p=0,144$; личностной тревожности $H=3,941$, $p=0,268$; психологического стресса $H=4,377$, $p=0,223$; самооценки $H=5,071$, $p=0,167$), что позволило нам правомерно сопоставлять эти группы в дальнейшем. Стоит отметить, что участники всех групп имели показатели ситуативной и личностной тревожности на среднем (30-45) или высоком (более 45) уровне, показатели психологического стресса, приближающиеся или переходящие к среднему уровню стресса, дезадаптации и нервно-психической напряженности (более 100 баллов).

Таблица 1

Общая характеристика участников каждой из групп исследования

Характеристика	VR ДПДГ без сопровождения психолога	VR ДПДГ в сопровождении психолога	ДПДГ	Пассивный контроль	p
Пол	2 м., 13 ж.	3 м., 12 ж.	4 м., 11 ж.	1 м., 14 ж.	
Возраст	44,5±9	40,5±10	37,3±7,3	28,7±11,5	0,003
Балл по шкале ситуативной тревожности	42±13,7	46,9±12	52,4±12,3	45,7±11,4	0,114
Балл по шкале личностной тревожности	45,4±9,3	48,3±11,6	52,9±9,3	50,8±12,5	0,268
Балл по шкале психологического стресса	88,6±28,2	98±27,7	112±31	93,8±25,7	0,223
Балл по шкале самооценки	21,2±4,6	19,3±6,3	16,4±5,5	19,2±6,5	0,167

Сравнение количества и продолжительности психотерапевтических сессий в трех группах с активным воздействием. Количество сессий в группе «VR ДПДГ без сопровождения психолога» составило $1,3 \pm 0,46$, в группе «VR ДПДГ в сопровождении психолога» – $1,5 \pm 0,74$, в группе «ДПДГ» – $2 \pm 0,85$. Несмотря на значимость различий между тремя группами (критерий Краскала-Уоллиса $H=7,022$, $p=0,03$), попарные сравнения не позволили выявить отличия между конкретными группами с учетом поправок на множественные сравнения (критерий Манна-Уитни при сравнении первой и второй группы $U=101$, $p=1,000$; первой и третьей группы $U=57,5$, $p=0,063$; второй и третьей группы $U=72,5$, $p=0,294$).

Суммарная длительность сессий в минутах в группе «VR ДПДГ без сопровождения психолога» составила $73,3 \pm 30,9$, в группе «VR ДПДГ в сопровождении психолога» – $88 \pm 55,8$, в группе «ДПДГ» – $120,7 \pm 51,6$. Полученные статистически значимые различия между группами (критерий Краскала-Уоллиса, $H=7,090$, $p=0,029$) обусловлены первой и третьей группой (критерий Манна-Уитни $U=55$, $p=0,048$ с учетом поправки на множественные сравнения). Время, затрачиваемое на переработку негативных переживаний, статистически значимо меньше при применении VR ДПДГ без сопровождения психолога по сравнению с классической ДПДГ-терапией.

Сравнение субъективных оценок негативного переживания на старте переработки и позитивного состояния после ее завершения в группах с применением метода ДПДГ. Отличий между группами по указанным параметрам субъективной оценки не наблюдалось (критерий Краскала-Уоллиса для оценки негативного переживания на старте переработки $H=5,176$, $p=0,075$; позитивного состояния после завершения переработки $H=0,453$, $p=0,797$) (см. таблицу 2).

Субъективные оценки состояния в ходе ДПДГ-терапии

Характеристика	VR ДПДГ без сопровождения психолога	VR ДПДГ в сопровождении психолога	ДПДГ	p
Оценка негативного переживания на старте переработки	-7,4±1,9	-7,9±1,8	-7,9±2,9	0,075
Оценка позитивного состояния после завершения переработки	8,1±0,8	7,9±1,1	6,8±3,9	0,797

Оценка внутригрупповой динамики состояния участников исследования. Группа «VR ДПДГ без сопровождения психолога». В данной группе при сравнении баллов по опросникам до сессий, после сессий и через месяц от начала исследования наблюдалась статистически значимая динамика по шкалам ситуативной тревожности (ANOVA Фридмана = 11,088, $p=0,004$), личностной тревожности (ANOVA Фридмана = 17,158, $p=0,000$) и самооценки (ANOVA Фридмана = 12,264, $p=0,002$). Результаты попарных сравнений данных измерений с помощью критерия Уилкоксона с поправкой Бонферрони на множественные сравнения отражены на рисунках (см. рисунки 2 и 3). Для параметра ситуативной тревожности показано статистически значимое снижение после сессий (критерий Уилкоксона = -2,550, $p=0,033$), которое оставалось значимым через месяц от начала исследования (критерий Уилкоксона = -2,826, $p=0,015$). Для параметра личностной тревожности статистически значимое снижение начинало наблюдаться через месяц как от первоначального уровня (критерий Уилкоксона = -3,235, $p=0,003$), так и от момента завершения сессий (критерий Уилкоксона = -3,187, $p=0,003$), то есть улучшение по этому параметру носило отсроченный эффект. Схожий эффект имел место и по шкале самооценки, где статистически значимое улучшение отмечалось через месяц от первоначального измерения (критерий Уилкоксона = -2,795, $p=0,015$).

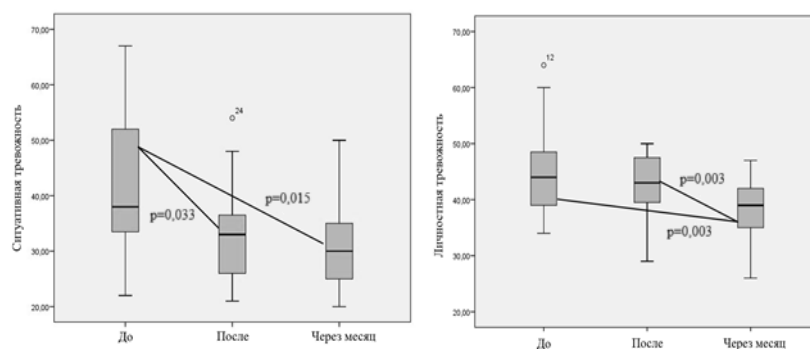

Рисунок 2 - Динамика показателей ситуативной и личностной тревожности по Опроснику Спилбергера-Ханина в группе «VR ДПДГ без сопровождения психолога». Ящички: медиана, 25-75%; усы – минимальные и максимальные значения выборки

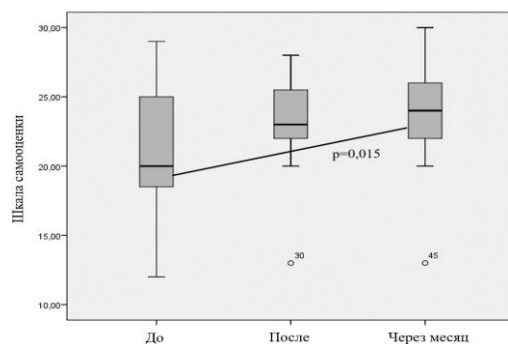

Рисунок 3 - Динамика показателей по Шкале самооценки Розенберга в группе «VR ДПДГ без сопровождения психолога». Ящики: медиана, 25-75%; усы - минимальные и максимальные значения выборки

Группа «VR ДПДГ в сопровождении психолога». В данной группе при сравнении баллов по опросникам до сессий, после сессий и через месяц от начала исследования наблюдалась статистически значимая динамика по шкалам психологического стресса (ANOVA Фридмана = 11,288, $p=0,004$) и самооценки (ANOVA Фридмана = 7,396, $p=0,025$). Результаты попарных сравнений для переменной психологического стресса отражены на рисунке (см. рисунок 4). Статистически значимое снижение по этому параметру отмечалось сразу после сессий (критерий Уилкоксона = -2,794, $p=0,015$) и сохранялось через месяц от начала исследования (критерий Уилкоксона = -2,670, $p=0,024$). В отношении самооценки попарные сравнения не позволили выявить отличия между данными замерами с учетом поправок на множественные сравнения (при сравнении результатов до и после воздействия критерий Уилкоксона = -1,969, $p=0,147$, до и через месяц - критерий Уилкоксона = -2,286, $p=0,066$, после и через месяц - критерий Уилкоксона = -0,252, $p=1,000$).

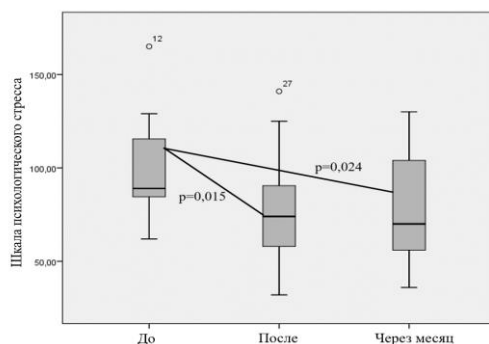

Рисунок 4 - Динамика показателей по Шкале психологического стресса в группе «VR ДПДГ в сопровождении психолога». Ящики: медиана, 25-75%; усы - минимальные и максимальные значения выборки

Группа «ДПДГ». В данной группе при сравнении баллов по опросникам до сессий, после сессий и через месяц от начала исследования наблюдалась статистически значимая динамика по шкале ситуативной тревожности (ANOVA Фридмана = 10,000, $p=0,007$). Результаты попарных сравнений с помощью критерия Уилкоксона с поправкой Бонферрони на множественные сравнения представлены на рисунке (см. рисунок 5). Статистически значимое снижение по сравнению с изначальными показателями отмечалось как сразу после сессий (критерий Уилкоксона = -2,930, $p=0,009$), так и через месяц от начала исследования (критерий Уилкоксона = -2,587, $p=0,030$).

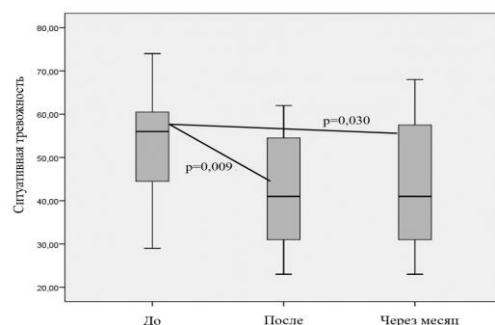

Рисунок 5 - Динамика показателя ситуативной тревожности по Опроснику Спилбергера-Ханина в группе «ДПДГ». Ящики: медиана, 25-75%; усы - минимальные и максимальные значения выборки

Группа «Пассивный контроль». В данной группе повторное прохождение опросников осуществлялось во временные интервалы, аналогичные первым трем группам (на старте исследования, через две недели и через месяц от начала исследования). При сравнении трех замеров отмечались различия по шкале самооценки (ANOVA Фрийдмана = 8,346, $p=0,015$), однако попарные сравнения не прошли поправку Бонферрони на множественные сравнения (при сопоставлении результатов до и после воздействия критерий Уилкоксона = -0,671, $p=1,000$, до и через месяц - критерий Уилкоксона = -2,148, $p=0,096$, после и через месяц - критерий Уилкоксона = -1,875, $p=0,183$).

Сравнение эффективности воздействия в представленных группах. Межгрупповое сравнение дельт изменений «после сессий – до сессий». При сравнении дельт изменений в разных группах статистически значимые различия наблюдались по параметру психологического стресса (критерий Краскала-Уоллиса = 13,258, $p=0,004$). Осуществление попарных сравнений показало, что они обусловлены отличиями между проведением VR ДПДГ в сопровождении психолога (дельта изменений = $-20,5 \pm 22$) и отсутствием воздействия (дельта изменений = $7,1 \pm 13,2$). Статистически значимых различий между разными формами проведения ДПДГ выявлено не было (см. таблицу 3).

Таблица 3

Апостериорный анализ сравнения дельт изменений «после сессий – до сессий» по Шкале психологического стресса (критерий Манна-Уитни с поправкой Бонферрони на множественные сравнения)

«VR ДПДГ без сопровождения психолога» vs «VR ДПДГ в сопровождении психолога»	«VR ДПДГ без сопровождения психолога» vs «ДПДГ»	«VR ДПДГ без сопровождения психолога» vs «Пассивный контроль»	«VR ДПДГ в сопровождении психолога» vs «ДПДГ»	«VR ДПДГ в сопровождении психолога» vs «Пассивный контроль»	«ДПДГ» vs «Пассивный контроль»
разница средних рангов = 4,94, $U=75,5$, $p=0,756$	разница средних рангов = 0,8, $U=106,5$, $p=1,000$	разница средних рангов = 8,34, $U=50$, $p=0,054$	разница средних рангов = 4,14, $U=81,5$, $p=1,000$	разница средних рангов = 10,54, $U=33,5$, $p=0,006$	разница средних рангов = 7,06, $U=59,5$, $p=0,156$

Межгрупповое сравнение дельт изменений «через месяц – до сессий». При сравнении дельт изменений в разных группах результаты оказались аналогичными наблюдаемым в условиях сравнения дельт «после сессий – до сессий». Статистически значимые различия наблюдались по параметру психологического стресса (критерий Краскала-Уоллиса = 12,022, $p=0,007$) и были обусловлены отличиями между проведением VR ДПДГ в сопровождении психолога (дельта изменений = $-18,7\pm 20,3$) и отсутствием воздействия (дельта изменений = $4,7\pm 13,1$). Статистически значимых различий между разными формами проведения ДПДГ также не наблюдалось (см. таблицу 4).

Таблица 4

Апостериорный анализ сравнения дельт изменений «через месяц – до сессий» по Шкале психологического стресса (критерий Манна-Уитни с поправкой Бонферрони на множественные сравнения)

«VR ДПДГ без сопровождения психолога» vs «VR ДПДГ в сопровождении психолога»	«VR ДПДГ без сопровождения психолога» vs «ДПДГ»	«VR ДПДГ без сопровождения психолога» vs «Пассивный контроль»	«VR ДПДГ в сопровождении психолога» vs «ДПДГ»	«VR ДПДГ в сопровождении психолога» vs «Пассивный контроль»	«ДПДГ» vs «Пассивный контроль»
разница средних рангов = 2,14, $U=96,5$, $p=1,000$	разница средних рангов = 0,86, $U=106$, $p=1,000$	разница средних рангов = 7,94, $U=53$, $p=0,078$	разница средних рангов = 2,2, $U=96$, $p=1,000$	разница средних рангов = 11,4, $U=27$, $p=0,000$	разница средних рангов = 6,6, $U=63$, $p=0,246$

Межгрупповое сравнение дельт изменений «через месяц – после сессий». При сравнении дельт изменений в разных группах в отношении отсроченных эффектов статистически значимые различия наблюдались по параметру личностной тревожности (критерий Краскала-Уоллиса = 10,257, $p = 0,017$). Проведение попарных сравнений показало, что они обусловлены отличиями между проведением VR ДПДГ без сопровождения психолога (дельта изменений = $-4,5\pm 4,2$) и отсутствием воздействия (дельта изменений = $0,9\pm 3,8$). Статистически значимых различий между разными формами проведения ДПДГ также выявлено не было (см. таблицу 5).

Таблица 5

Апостериорный анализ сравнения дельт изменений «через месяц – после сессий» по параметру личностной тревожности Опросника Спилбергера-Ханина (критерий Манна-Уитни с поправкой Бонферрони на множественные сравнения)

«VR ДПДГ без сопровождения психолога» vs «VR ДПДГ в сопровождении психолога»	«VR ДПДГ без сопровождения психолога» vs «ДПДГ»	«VR ДПДГ без сопровождения психолога» vs «Пассивный контроль»	«VR ДПДГ в сопровождении психолога» vs «ДПДГ»	«VR ДПДГ в сопровождении психолога» vs «Пассивный контроль»	«ДПДГ» vs «Пассивный контроль»
--	---	---	---	---	--------------------------------

нии психолога»					
разница средних рангов = - 6,54, U=63,5, p = 0,246	разница средних рангов = - 3,26, U=88, p = 1,000	разница средних рангов = - 10,14, U=36,5, p = 0,006	разница средних рангов = 4,4, U=79,5, p = 1,000	разница средних рангов = - 0,74, U=107, p = 1,000	разница средних рангов = - 5,86, U=68,5, p = 0,402

В данном рандомизированном контролируемом исследовании было показано, что в трех группах с применением разных форм метода ДПДГ отмечалась положительная динамика по тем или иным параметрам эмоционально-личностной сферы, чего не наблюдалось в условиях пассивного контроля. Это указывает на возможность успешного применения метода ДПДГ независимо от формата психотерапии.

Внутригрупповая динамика по параметрам ситуативной тревожности (в группах «VR ДПДГ без сопровождения психолога», «ДПДГ») и психологического стресса (в группе «VR ДПДГ в сопровождении психолога») наблюдалась сразу после проведения психотерапии и оставалась устойчивой спустя месяц от начала исследования. По параметрам личностной тревожности и самооценки (в группе «VR ДПДГ без сопровождения психолога») динамика носила отсроченный характер и проявлялась через месяц от начала исследования. Личностная тревожность и самооценка являются устойчивыми конструктами. Можно предположить, что для их изменения потребовалось время, в течение которого происходило осознание и интеграция произошедших в ходе психотерапии изменений.

При сравнении выраженности динамики между группами было показано, что группа «VR ДПДГ в сопровождении психолога» была более эффективна в снижении психологического стресса сразу после психотерапии, чем группа пассивного контроля. Это сохранялось и через месяц от начала исследования. При сопоставлении групп «VR ДПДГ без сопровождения психолога» и «ДПДГ» с пассивным контролем наблюдаемые различия как сразу после терапии, так и через месяц не прошли поправку на множественные сравнения. Тем не менее, результаты в этих группах были очень близки к показателям группы «VR ДПДГ в сопровождении психолога» и не отличались от нее статистически, что позволяет говорить о том, что представленные группы с активным воздействием относительно сопоставимы.

В интервале от завершения сессий до оценки через месяц группа «VR ДПДГ без сопровождения психолога» была более эффективна в отношении снижения личностной тревожности, чем группа пассивного контроля. Здесь вновь проявился отсроченный эффект. Остальные группы не имели значимых отличий ни от группы «VR ДПДГ без сопровождения психолога», ни от группы «Пассивный контроль» и по показателям находились в интервале между ними.

Обобщая полученные результаты, стоит обозначить, что наши первоначальные гипотезы преимущественно оказались подтверждены. По ряду обозначенных выше параметров группы с применением метода ДПДГ превосходят группу пассивного контроля, что соотносится с данными об эффективности этого метода, представленными в многочисленных исследованиях [2]. При этом статистически значимых различий между группами активного воздействия выявлено не было.

Стоит отдельно отметить, что в группе «VR ДПДГ без сопровождения психолога» имелась динамика по большему количеству шкал, кроме этого, именно в ней проявился описанный выше отсроченный эффект. Можно предполагать, что этому способствовало то, что участники в данном случае больше погружались в процесс переработки, не переключаясь на взаимодействие с психотерапевтом. Обращает на себя внимание, что в этой группе время, затрачиваемое на процесс психотерапии, было значимо меньше, чем при классической ДПДГ-терапии.

Обозначим ограничения проведенного исследования. Во-первых, оно включало небольшие выборки участников. Объём выборок может объяснять различие участников по возрасту между группами, несмотря на процесс рандомизации. Предварительного расчёта статистической мощности и размера требуемой выборки не производилось. Поэтому полученные данные следует интерпретировать с осторожностью, однако стоит отметить, что в процессе статистической обработки применялись строгие критерии. Во-вторых, отбор участников проводился по достаточно широким критериям без выбора единой проблемы, которая объединяла всех участников. В дальнейших исследованиях необходима конкретизация критериев включения участников в выборку для ее однородности и подбор более специализированных под конкретную проблему методов оценки состояния участников. В-третьих, текущее исследование проводилось на неклинической выборке участников, поэтому его результаты нельзя экстраполировать на людей, имеющих те или иные формы психической патологии. В-четвертых, количество сессий было ограничено тремя встречами для стандартизации процесса в разных группах, однако некоторым участникам, особенно в группе «ДПДГ» не хватило этого времени для прохождения всех стадий психотерапии. Кроме обозначенного стоит отметить, что в будущих работах для полноценного исследования эффективности проведенных психотерапевтических интервенций стоит осуществлять оценку состояния участников через более длительные временные интервалы после вмешательства, чтобы исключить влияние краткосрочных факторов.

Несмотря на указанные ограничения мы постарались учесть многие требования, предъявляемые к проведению современных рандомизированных контролируемых исследований эффективности психотерапии [17].

С учетом полученных предварительных данных об эффективности применения метода ДПДГ в условиях виртуальной реальности стоит остановиться на преимуществах и недостатках такого формата. Он может способствовать ее внедрению в учреждениях, для которых важна анонимность (например, в силовых структурах), может снижать нагрузку на специалистов в условиях массового потока клиентов или при нехватке кадров. Кроме этого, VR ДПДГ может применяться к людям, не готовым к глубокой работе с психологами, скептически относящимися к психотерапии. При этом данный формат не подойдет клиентам, имеющим противопоказания к погружению в виртуальную реальность, небольшому проценту людей, у которых в виртуальной среде возникает симуляторное расстройство [18]. Кроме этого, при применении технологии VR ДПДГ особенно без сопровождения психолога не выстраиваются терапевтические отношения между клиентом и психотерапевтом. Поэтому данный метод может подходить не для всех запросов, в ряде случаев он может применяться в качестве дополнения к основному процессу психотерапии.

Насколько нам известно, проведенное исследование является первой в мире попыткой оценки эффективности психотерапии на основе метода ДПДГ в условиях виртуальной реальности. Кроме этого, насколько нам известно, это первая работа по экспериментальному изучению любых форм проведения метода ДПДГ на русскоязычной выборке.

Выводы

1. При применении метода ДПДГ независимо от формата психотерапии была выявлена положительная динамика по показателям эмоционально-личностной сферы участников, чего не наблюдалось при отсутствии какого-либо воздействия. ДПДГ в условиях виртуальной реальности без сопровождения психолога привела к снижению ситуативной и личностной тревожности, повышению самооценки; в условиях виртуальной реальности в сопровождении психолога – к снижению психологического стресса; в классическом формате – к снижению ситуативной тревожности.

2. Указанная динамика по параметрам ситуативной тревожности и психологического стресса имела место сразу после завершения сессий и сохранялась в течение месяца от начала исследования. По параметрам личностной тревожности и

самооценки она носила отсроченный характер и начинала проявляться спустя месяц от начала исследования.

3. Проведение метода ДПДГ в условиях виртуальной реальности в сопровождении психолога по сравнению с ситуацией отсутствия какого-либо воздействия показало значимую эффективность в снижении психологического стресса как сразу после психотерапии, через месяц от начала исследования. Проведение метода ДПДГ в условиях виртуальной реальности без сопровождения психолога и в классическом формате близки к показателям значимой эффективности по сравнению с ситуацией отсутствия какого-либо воздействия.

4. При реализации метода ДПДГ в условиях виртуальной реальности без сопровождения психолога наблюдалась значимая отсроченная эффективность в снижении личностной тревожности по сравнению с ситуацией отсутствия какого-либо воздействия.

5. Для достижения указанных результатов с помощью метода ДПДГ в условиях виртуальной реальности без сопровождения психолога потребовалось значительно меньше времени, чем при классическом формате проведения ДПДГ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шапиро Ф. Психотерапия эмоциональных травм с помощью движений глаз (EMDR): основные принципы, протоколы и процедуры: пер. с англ. / Шапиро Ф. – СПб.: ООО «Диалектика», 2021. 832 с.

2. Казенная Е.В. Современное состояние исследований эффективности метода десенсибилизации и переработки движениями глаз (EMDR) при посттравматическом стрессовом расстройстве / Казенная Е.В. // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Том 31. № 3. С. 69–90. DOI: 10.17759/cpp.2023310304.

3. Guidelines for the management of conditions specifically related to stress [Электронный ресурс] // World Health Organization. Geneva: WHO. 2013. 273 p. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/85119/9789241505406_eng.pdf (дата обращения: 03.07.2024).

4. Клинические рекомендации. Посттравматическое стрессовое расстройство: от 28.02.2023 ID:753. (принят Минздравом РФ 28.02.2023). Рубрикатор клинических рекомендаций Министерства здравоохранения Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://cr.minzdrav.gov.ru/schema/753_1 (дата обращения: 03.07.2024).

5. Wilson S.A. Stress Management with Law Enforcement Personnel: A Controlled Outcome Study of EMDR Versus a Traditional Stress Management Program / Wilson S.A., Tinker R.H., Becker L.A., Logan C.R. // International Journal of Stress Management. 2001;8:179–200. DOI: 10.1023/A:1011366408693

6. Foster S. Eye movement desensitization and reprocessing: Four case studies of a new tool for executive coaching and restoring employee performance after setbacks / Foster S., Lendl J. // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. 1996;48(3):155-161

7. Воловик М.Г. Технологии виртуальной реальности в реабилитации участников боевых действий с посттравматическим стрессовым расстройством / Воловик М.Г., Белова А.Н., Кузнецов А.Н., Полевая А.В., Воробьева О.В., Халак М.Е. // Современные технологии в медицине. 2023. №1. С. 74–86

8. Зинченко Ю.П. Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы / Зинченко Ю.П., Меньшикова Г.Я., Баяковский Ю.М., Черноризов А.М., Войскунский А.Е. // Национальный психологический журнал. 2010. № 1. С.54–62.

9. Косоногов В.В. Обзор психофизиологических и психотерапевтических исследований стресса с помощью технологий виртуальной реальности / Косоногов В.В., Ефимов К.В., Рахманкулова З.К., Зябрева И.А. // Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова. 2022. Том 72. № 4. С. 487–503. DOI: 10.31857/So044467722040062.

10. Cons B. Intelligent virtual environment for treating anxiety exploring the Eye Movement Desensitization and Reprocessing technique. / Cons B., de Oliveira F.M., Werneck V.M.B, Costa R.M. // Proc. 13th Intl Conf. Disability, Virtual Reality & Associated Technologies Serpa, Portugal, 8–10 Sept. 2021
11. Spielberger C.D. Test Anxiety Inventory: Preliminary professional manual / Spielberger C.D. – Menlo Park. 1980
12. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к шкале реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера / Ханин Ю.Л. – Ленинград, 1976. 18 с.
13. Lemyre L. Psychological Stress Measurement (PSM): A transiation / Lemyre L., TessierR., Fillion L. – PQ: Universite Laval, 1991
14. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса / Водопьянова Н.Е. – СПб.: Питер, 2009. 336 с.
15. Rosenberg M. Society and the adolescent self-image / Rosenberg M. – Princeton: Princeton University Press, 1965. 340 p.
16. Золотарева А.А. Валидность и надежность русскоязычной версии шкалы самооценки М. Розенберга / Золотарева А.А. // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 2. С. 52–57. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.2.52-57
17. Пуговкина О.Д. Научные исследования процесса психотерапии и ее эффективности: история проблемы / Пуговкина О.Д., Никитина И.В., Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. // Консультативная психология и психотерапия. 2009. Том 17. № 1. С. 30–63
18. Ковалев А.И. Векция в виртуальных средах: психологические и психофизиологические механизмы формирования / Ковалев А.И., Меньшикова Г.Я. // Национальный психологический журнал. 2015. Том 20. № 4. С. 91-104. DOI: 10.11621/npj.2015.0409

УДК 159.9:616.72-007.24-089:614.253.5

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ПАЦИЕНТОВ СРЕДНЕГО И ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА С ОСТЕОАРТРОЗОМ КРУПНЫХ СУСТАВОВ В ПЕРИОПЕРАЦИОННОМ ПЕРИОДЕ

Шишкова Кристина Валерьевна

Аспирант кафедры социальной и клинической психологии, ФГБОУ ВО "Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова", г. Чебоксары, Россия

Гартфельдер Денис Викторович

кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и клинической психологии, ФГБОУ ВО "Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова", г. Чебоксары, Россия
SPIN-код: 7208-8320

Лазарева Елена Юрьевна

Кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и клинической психологии, ФГБОУ ВО "Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова", г. Чебоксары, Россия
SPIN-код: 2119-8861

Остеоартроз является широко распространённым заболеванием в зрелом и пожилом возрасте, оказывающим серьёзное влияние на снижение физического и социального функционирования, ухудшение способности к адаптации, и в конечном счёте ведущим к изменению качества жизни. Цель: изучение качества жизни и восприятия собственного состояния у пациентов среднего и пожилого возраста с остеоартрозом крупных суставов в периоперационный период. Материалы и методы: в исследование участвовали 58 пациентов с остеоартрозом крупных суставов в возрасте от 52 до 76 лет, проходивших плановое хирургическое лечение. Использовались опросники SF-36, HADS, MSPSS и MDICS; качественный и количественный анализ результатов с использованием различных методов математико-статистической обработки. Результаты: выявлено снижение физических и психологических компонентов качества жизни по сравнению с популяционными нормами. Более высокий уровень тревожности негативно коррелировал с показателями психологического благополучия, в то время как более высокий уровень воспринимаемой социальной поддержки и предпочтение адаптивных копинг-стратегий положительно коррелировали с психическим здоровьем. Вывод: полученные данные подчёркивают значимость психоэмоционального состояния и социальной среды в поддержании качества жизни у пациентов среднего и пожилого возраста с остеоартрозом крупных суставов в периоперационный период. Результаты помогают обозначить мишени и уточнить задачи в ходе сопровождения пациентов в периоперационном периоде, а также последующей реабилитационной работы.

Ключевые слова: качество жизни, остеоартроз, периоперационный период, пациенты пожилого и среднего возраста, психологическое благополучие, социальная поддержка, копинг-стратегии.

QUALITY OF LIFE DURING PERIOPERATIVE STAGE IN MATURE AND ELDERLY PATIENTS WITH LARGE JOINTS OSTEOARTHRITIS

Shishkova Kristina Valer'evna

*PhD student at the Social and Clinical Psychology Department
I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia*

Hartfelder Denis Viktorovich

*PhD in Psychology, Associate Professor at the Social and Clinical Psychology
Department
I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia*

Lazareva Elena Yur'evna

*PhD in Psychology, Associate Professor at the Social and Clinical Psychology
Department,
I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia*

Osteoarthritis is a widespread condition in middle-aged and elderly populations, significantly contributing to the decline in physical and social functioning, reduced adaptive capacity, and ultimately, diminished quality of life. Objective: the aim of this study was to examine the quality of life and self-perception in middle-aged and elderly patients with major joint osteoarthritis during the perioperative period. Materials and methods: 58 patients with large joints osteoarthritis aged 52 to 76 undergoing planned surgical treatment. The SF-36, HADS, MSPSS, and MDICS questionnaires were used; the qualitative and quantitative analysis of results were performed using various statistical analysis methods. Results: the results revealed a decline in both physical and psychological components of quality of life compared to population norms. Higher levels of anxiety were found to correlate negatively with psychological well-being, while higher levels of perceived social support and a preference for adaptive coping strategies were positively correlated with mental health. Conclusion: these findings highlight the importance of psycho-emotional status and the social environment in maintaining quality of life among mature and elderly patients with large joints osteoarthritis in the perioperative period. The results contribute to identifying targets and refining objectives for patient management during the perioperative period and subsequent rehabilitation.

Keywords: *quality of life, osteoarthritis, perioperative period, elderly and middle-aged patients, psychological well-being, social support, coping strategies.*

Остеоартроз является одним из наиболее часто встречающихся заболеваниями суставов, распространённость которого в популяции зависит от множества факторов, среди которых ведущим выступает возраст. Доля пожилых людей (лиц старше 65 лет), страдающих остеоартрозом крупных суставов, по различным оценкам составляет от 20 до 50% [1]. Для этой возрастной группы заболевание приводит не только к снижению или утрате работоспособности, но и сопровождается существенным затруднением физического и социального функционирования, в конечном счёте негативно сказываясь на уровне социальной адаптации [2]. Так, ограничения полноценного функционирования, возникающие на фоне остеоартроза коленного сустава, в некоторых случаях могут сопровождаться коморбидной депрессией [3], а в предоперационный период могут наблюдаться также признаки генерализованного тревожного расстройства и в редких случаях – панического расстройства [4].

Нарушения физического и психического функционирования не может не сказываться на качестве жизни. Показатели связанного со здоровьем качества жизни у пациентов с остеоартрозом крупных суставов значительно ниже популяционных норм. Это особенно актуально для пациентов зрелого и пожилого возраста, выступая одной из причин перехода от консервативных стратегий лечения к хирургическим, включая тотальное эндопротезирование [5]. В послеоперационный период качество жизни пациентов повышается в первую очередь за счёт устранения болевых ощущений и улучшения повседневного физического функционирования [6]. Эти изменения особо заметны среди пациентов женского пола, и подобные межполовые различия отмечались целым рядом исследователей, заключившими что у женщин по сравнению с мужчинами не только более выражено снижение качества жизни в предоперационный период [7] [8], но и так же более выражена положительная динамика после операции, несмотря на более низкие до- и послеоперационные показатели качества жизни [6].

В мета-обзоре I. Atukorala и D.J. Hunter, посвящённому изучению детерминант качества жизни у пожилых лиц с остеоартрозом, перечисляются такие распространённые затруднения, как снижение физической активности, повышенный риск падения и получения травмы, саркопения, психологические сложности в повседневной жизни, нарушение контроля функций тазовых органов и снижение качества сексуальной жизни [9]. W.Y. Chang et al. к числу наиболее выраженных последствий остеоартроза во взрослом и пожилом возрасте относят болевые ощущения, сложности в передвижении, снижение качества сна и субъективное ухудшение качества жизни [10]; S. Güneş et al. дополняют данный перечень астеническими проявлениями и социальной изоляцией [11]. Несмотря на то, что все эти проявления связаны со снижением качества жизни, не всегда удаётся однозначно определить, какие из них являются общими для всех пациентов с остеоартрозом, а какие являются значимыми лишь для пожилых людей [12].

Целью исследования стало изучение качества жизни и восприятия собственного состояния у пациентов среднего и пожилого возраста с остеоартрозом крупных суставов в периоперационном периоде.

Материалы и методы. Исследовательская выборка включала 58 пациентов в возрасте от 52 до 76 лет (средний возраст $65,3 \pm 6,4$ лет), среди которых было 10 мужчин и 48 женщин (средний возраст $64,0 \pm 6,2$ и $65,6 \pm 6,5$ лет соответственно). Критерии включения в исследовательскую выборку: клинически установленный диагноз остеоартроза тазобедренного или коленного сустава (шифры M16, M17 по МКБ-10); установленная нетрудоспособность в связи с заболеванием или статус пенсионера; наличие информированного согласия на участие в исследовании. Критерии исключения: отсутствие жалоб, объективных и субъективных ограничений в связи с установленным диагнозом; возраст до 50 лет; неполнота полученных результатов по результатам психологической диагностики / отказ от ответа.

Исследование качества жизни и восприятия собственного состояния производилось с помощью следующего набора психодиагностических методов: госпитальная шкала тревоги и депрессии HADS (A. Zigmond, R. Snaith; адаптация М.Ю. Дробужева), русскоязычная версия опросника качества жизни SF-36 (J. Ware, C. Sherbourne; адаптация Института клинико-фармакологических исследований), многомерная шкала восприятия социальной поддержки MSPSS (G. Zimet; адаптация К.А. Чистопольской, С.Н. Ениколопова), опросник для изучения копинг-поведения MDICS (E. Heim; адаптация НИПНИ им. В.М. Бехтерева).

Методы обработки и анализа результатов исследования включали вычисление первичных описательных статистик, логлинейный анализ, однофакторный дисперсионный анализ, подсчёт значений критериев χ^2 Ч. Пирсона, коэффициента линейной корреляции r Ч. Пирсона, t-критерия Стьюдента для независимых выборок.

Результаты исследования и их обсуждение. Результаты, полученные по госпитальной шкале тревоги и депрессии (HADS), представлены в таблице 1.

Таблица 1

Уровни показателей госпитальной шкалы тревоги и депрессии (HADS)

	Вся выборка	Мужчины	Женщины
Шкала тревоги (HADS-A)			
Нормативный уровень тревоги	6 (10,3%)	1 (10,0%)	5 (10,4%)
Субклинически выраженная тревога	28 (48,3%)	4 (40,0%)	24 (50,0%)
Клинически выраженная тревога	24 (41,4%)	5 (50,0%)	19 (39,6%)
Шкала депрессии (HADS-D)			
Нормативный уровень депрессии	20 (34,5%)	1 (10,0%)	19 (39,6%)
Субклинически выраженная депрессия	21 (36,2%)	6 (60,0%)	15 (31,3%)
Клинически выраженная депрессия	17 (29,3%)	3 (30,0%)	14 (29,2%)

Источник: составлено автором на основании результатов исследования

Уровень выраженности тревоги испытуемых в общей выборке и в подгруппах выше, чем уровень выраженности депрессии: нормативный уровень тревоги отмечен лишь у 10,3% испытуемых. При сравнении абсолютных значений показателей HADS в подгруппе мужчин были отмечены более высокие показатели по сравнению с подгруппой женщин как по шкале тревоги ($10,9 \pm 3,0$ и $9,7 \pm 2,8$ соответственно), так и по шкале депрессии ($10,7 \pm 4,3$ и $8,1 \pm 4,0$), однако эти различия не являются статистически значимыми.

Результаты, полученные по опроснику качества жизни SF-36, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Средние значения шкал опросника качества жизни (SF-36)

	Вся выборка	Мужчины	Женщины
Компоненты физического благополучия			
Физическое функционирование	$45,6 \pm 27,1$	$46,5 \pm 27,6$	$45,4 \pm 27,3$
Обусловленное физическим состоянием ролевое функционирование	$32,3 \pm 37,5$	$20,0 \pm 25,8$	$34,9 \pm 39,2$
Интенсивность боли	$41,5 \pm 21,3$	$42,6 \pm 25,0$	$41,3 \pm 20,8$
Общее состояние здоровья	$55,1 \pm 18,1$	$65,3 \pm 22,9$	$53,0 \pm 16,5$
Компоненты психологического благополучия			
Жизненная активность	$49,1 \pm 22,0$	$53,5 \pm 24,2$	$48,2 \pm 21,6$
Социальное функционирование	$62,7 \pm 23,8$	$66,3 \pm 23,6$	$62,0 \pm 24,0$
Обусловленное эмоциональным состоянием ролевое функционирование	$58,6 \pm 44,3$	$66,7 \pm 47,1$	$56,9 \pm 44,0$
Психическое здоровье	$49,9 \pm 20,1$	$54,8 \pm 19,9$	$48,8 \pm 20,2$

Источник: составлено автором на основании результатов исследования

Наименьшие значения показателей физического компонента в общей выборке и в подгруппах отмечены для ролевого функционирования, обусловленного физическим состоянием (в особенности для мужской подгруппы), что можно соотнести с состоянием здоровья испытуемых и наличием выраженных ограничений, связанных с физическим состоянием в выполнении повседневной деятельности. Это подтверждает полученный по результатам мета-анализа научных публикаций вывод о наибольшем снижении данного компонента качества жизни у пациентов с остеоартрозом [13]. В сравнении с данной шкалой уровень других составляющих физического компонента находится на более высоком уровне; наивысший средний балл отмечен для показателя общего состояния здоровья.

Набольшие значения показателей психологического компонента в общей выборке отмечены для социального функционирования; наименьшие – для жизненной активности и психического здоровья. Снижение показателей психического здоровья совпадает с аналогичными результатами, полученными С. Cook, R. Pietrobon и E. Hegedus, хотя следует уточнить, что оценка психического здоровья ими проводилась не с помощью SF-36, а иными методами [14]. Можно отметить, что по всем показателям в подгруппе мужчин значения оказались несколько выше, чем в подгруппе женщин, хотя статистически значимыми эти различия не являются.

Сопоставление полученных результатов для общей выборки с популяционными нормами [15] позволило выявить статистически значимые различия по среднему уровню показателей физического функционирования ($t=9,40$; $p<0,01$), обусловленного физическим состоянием ролевого функционирования ($t=3,84$; $p<0,01$), интенсивности боли ($t=5,71$; $p<0,01$), жизненной активности ($t=2,08$; $p=0,04$), социального функционирования ($t=2,25$; $p=0,02$) и психического здоровья ($t=3,37$; $p<0,01$). Можно заключить, что в сравнении со здоровыми людьми у пациентов с остеоартрозом в большей мере снижается общее физическое благополучие по сравнению с общим психическим, а снижение последнего в основном обусловлено снижением уровня психического здоровья.

В таблице 3 представлены в средние значения и распределение по уровням выраженности отдельных шкал опросника восприятия социальной поддержки MSPSS.

Таблица 3

Уровни восприятия социальной поддержки (MSPSS)

	Вся выборка	Мужчины	Женщины
Поддержка со стороны семьи			
Средние значения шкалы	5,8±1,4	6,2±1,4	5,7±1,4
Низкий уровень (менее 3 баллов)	2 (3,4%)	1 (10,0%)	1 (2,1%)
Средний уровень (3...5 баллов)	15 (25,9%)	1 (10,0%)	14 (29,2%)
Высокий уровень (более 5 баллов)	41 (70,7%)	8 (80,0%)	33 (68,8%)
Поддержка со стороны друзей			
Средние значения шкалы	5,4±1,5	6,3±1,0	5,3±1,5
Низкий уровень (менее 3 баллов)	4 (6,9%)	-	4 (8,3%)
Средний уровень (3...5 баллов)	20 (34,5%)	1 (10,0%)	19 (39,6%)
Высокий уровень (более 5 баллов)	34 (58,6%)	9 (90,0%)	25 (52,1%)
Поддержка со стороны значимых других			
Средние значения шкалы	5,5±1,5	5,6±1,4	5,4±1,5
Низкий уровень (менее 3 баллов)	3 (5,2%)	1 (10,0%)	2 (4,2%)
Средний уровень (3...5 баллов)	18 (31,0%)	2 (20,0%)	16 (33,3%)
Высокий уровень (более 5 баллов)	37 (63,8%)	7 (70,0%)	30 (62,5%)
Общий показатель социальной поддержки			
Средние значения шкалы	5,5±1,3	6,0±1,0	5,4±1,3
Низкий уровень (менее 3 баллов)	2 (3,4%)	-	2 (4,2%)
Средний уровень (3...5 баллов)	17 (29,3%)	1 (10,0%)	16 (33,3%)
Высокий уровень (более 5 баллов)	39 (67,2%)	9 (90,0%)	30 (62,5%)

Источник: составлено автором на основании результатов исследования

Отмечается преобладание высокого уровня восприятия социальной поддержки во всех перечисленных в опроснике группах – семья, друзья и значимые другие – а также по итоговому показателю опросника. Средние значения шкал опросника в исследуемой выборке находятся в узком диапазоне 5,4...5,8 баллов, статистически значимых отличий в характере распределения показателей шкал выявлено не было ($F=0,92$; $p=0,40$). Некоторые исследователи приписывают социальной поддержке

важную роль в компенсации ухудшения качества жизни при остеоартрозе [16], поэтому относительно высокие значения шкал опросника можно интерпретировать как с подобных позиций, так и соотнося их с выраженными нарушениями социальной адаптации и потребности в социальной поддержке.

При сопоставлении показателей в подгруппах мужчин и женщин были выявлены статистически значимые различия по шкале социальной поддержки со стороны семьи ($t=4,24$; $p=0,04$). Статистически значимых различий в характере распределения показателей при сопоставлении уровней отдельных шкал в подгруппах мужчин и женщин выявлено не было. Можно заключить, что на восприятие социальной поддержки со стороны указанных групп фактор пола значительного влияния не оказывает, а сами источники социальной поддержки представляются испытываемым равнозначно важными.

В таблице 4 представлены результаты изучения предпочтений копинг-стратегий по опроснику MDICS в исследуемой выборке.

В когнитивной сфере большее число мужчин обращаются к адаптивным копинг-стратегиям, тогда как среди женщин подобное предпочтение выражено в меньшей степени, и больше половины обращаются к неадаптивным стратегиям. В эмоциональной сфере доля неадаптивных стратегий в выборках мужчин и женщин сопоставимая, при этом для женщин характерна большая доля относительно адаптивных эмоциональных стратегий. В поведенческой сфере у мужчин доминируют относительно адаптивные стратегии при сопоставимой доли адаптивных и неадаптивных, тогда как у женщин предпочтение отдаётся адаптивным стратегиям при минимальной выраженности неадаптивных. Это подтверждается результатами анализа распределения копинг-стратегий, выявившего статистически значимые различия в предпочтении их типов и уровней адаптивности в указанных подгруппах. ($G^2=10,29$; $p=0,04$) ($\chi^2=9,71$; $p=0,04$).

Таблица 4

Распределение копинг-стратегий по сферам и степени адаптивности (MDICS)

	Когнитивные	Эмоциональные	Поведенческие
Вся выборка (N=58)			
Адаптивные	20 (34,5%)	26 (44,8%)	24 (41,4%)
Относительно адаптивные	12 (20,7%)	13 (22,4%)	22 (37,9%)
Неадаптивные	26 (44,8%)	19 (32,8%)	12 (20,7%)
Мужчины (N=10)			
Адаптивные	7 (70,0%)	6 (60,0%)	2 (20,0%)
Относительно адаптивные	2 (20,0%)	1 (10,0%)	5 (50,0%)
Неадаптивные	1 (10,0%)	3 (30,0%)	3 (30,0%)
Женщины (N=48)			
Адаптивные	13 (27,1%)	20 (41,7%)	22 (45,8%)
Относительно адаптивные	10 (20,8%)	12 (25,0%)	17 (35,4%)
Неадаптивные	25 (52,1%)	16 (33,3%)	9 (18,8%)

Источник: составлено автором на основании результатов исследования

Результаты однофакторного дисперсионного анализа для применяемых копинг-стратегий с различными типами адаптивности не выявили статистически значимых различий по степени адаптивности в когнитивной и поведенческой сферах. При этом для копинг-стратегий с разными типами адаптивности в эмоциональной сфере выявлены статистически значимые различия по возрасту испытуемых ($F=3,60$; $p=0,03$), показателям социальной поддержки со стороны семьи ($F=3,49$; $p=0,04$) и значимых других ($F=3,33$; $p=0,04$), а также суммарному показателю шкалы социальной поддержки ($F=4,76$; $p=0,01$): значения уровня воспринимаемой

поддержки тем выше, чем более адаптивному типу эмоциональных копинг-стратегий отдаётся предпочтение, тогда как с увеличением возраста их частота снижается.

Для выявления статистически значимых взаимосвязей показателей качества жизни опросника SF-36 с другими методиками был проведен корреляционный анализ. Так, для HADS выявлены статистически значимые корреляции шкалы тревожности с большей частью компонентов психологического благополучия: жизненной активностью ($r=-0,37$; $p<0,01$), социальным функционированием ($r=-0,37$; $p<0,01$) и психическим здоровьем ($r=-0,38$; $p<0,01$). Для компонентов физического благополучия также отмечается наличие корреляций с меньшим уровнем статистической значимости ($p=0,01...0,05$) за исключением шкалы интенсивности боли. Для шкалы депрессии HADS также наличествуют корреляции с меньшим уровнем статистической значимости ($p=0,01...0,05$) по большей части показателей, за исключением шкалы интенсивности боли и шкалы психического здоровья. Следовательно, повышенный уровень тревожности в периоперационном периоде, который может быть связан с различными объективными и субъективными причинами, сказывается на восприятии качества жизни в физической и психологической сферах.

Были также выявлены статистически значимые корреляции между компонентами психологического благополучия опросника SF-36 и показателями опросника восприятия социальной поддержки MSPSS. Так, шкала психического здоровья коррелирует со шкалами социальной поддержки со стороны семьи ($r=0,47$; $p<0,01$), значимых других ($r=0,34$; $p<0,01$) и с суммарным показателем ($r=0,41$; $p<0,01$); шкала ролевого функционирования, обусловленного физическим состоянием – со шкалой социальной поддержки со стороны друзей ($r=0,38$; $p<0,01$) и суммарным показателем ($r=0,37$; $p<0,01$); шкала жизненной активности – со шкалами социальной поддержки со стороны семьи ($r=0,41$; $p<0,01$), значимых других ($r=0,37$; $p<0,01$) и суммарным показателем ($r=0,41$; $p<0,01$). Следует отметить, что не было обнаружено статистически значимых корреляций показателей опросника восприятия социальной поддержки со шкалой ролевого функционирования, обусловленного эмоциональным состоянием. Среди компонентов психологического благополучия была выявлена единственная статистически значимая корреляционная зависимость между шкалой общего состояния здоровья и суммарным показателем опросника восприятия социальной поддержки ($r=0,35$; $p<0,01$). Таким образом, уровень восприятия социальной поддержки у пациентов с остеоартрозом в большей мере взаимосвязан с психологическими компонентами качества жизни, обеспечивающими активность и функционирование в повседневной жизни.

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать вывод о наличии специфических характеристик качества жизни у взрослых и пожилых пациентов с остеоартрозом крупных суставов. Установлено более выраженное снижение составляющих физического благополучия по сравнению с психическим. Среди источников социальной поддержки доминирующего значимого для пациентов выявлено не было. Отмечена значительная доля показателей среднего и высокого уровня тревоги и депрессии, особенно выраженная в подгруппе мужчин. Наибольшая доля неадаптивных копинг-стратегий отмечена в когнитивной сфере, наименьшая – в поведенческой. При этом в подгруппе мужчин по сравнению с подгруппой женщин более характерно обращение к адаптивным копинг-стратегиям в когнитивной сфере, тогда как в подгруппе женщин выше доля адаптивных копинг-стратегий в поведенческой сфере. Выявленные взаимосвязи показателей качества жизни с уровнем тревожности и восприятием источников социальной поддержки подтверждают значимую роль не только физических, но и социальных и психологических факторов в восприятии качества жизни и собственного состояния среди пациентов среднего и пожилого возраста. Тем самым результаты помогают

обозначить мишени и уточнить задачи в ходе сопровождения пациентов в периоперационном периоде и последующей реабилитационной работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сафонова Ю.А., Зоткин Е.Г. Саркопения у пациенток старшего возраста с остеоартритом крупных суставов // Научно-практическая ревматология. – 2019. – Т. 57. – № 2. – С. 154-159. – doi: 10.14412/1995-4484-2019-154-159
2. Матвеев Р.П., Брагина С.В. Остеоартроз коленного сустава: проблемы и социальная значимость // Экология человека. – 2012. – № 9. – С. 53-62.
3. Попов А.А. и др. Влияние коморбидной депрессии на качество жизни женщин в климактерии, страдающих остеоартрозом коленных суставов // Российский семейный врач. – 2008. – Т. 12. – № 1. – С. 47-50.
4. Riddle D.L., Wade J.B., Jiranek W.A. Major depression, generalized anxiety disorder, and panic disorder in patients scheduled for knee arthroplasty // The Journal of arthroplasty. – 2010. – Vol. 25, N. 4. – Pp. 581-588. – doi: 10.1016/j.arth.2009.04.002
5. Farr II J., Miller L.E., Block J.E. Quality of life in patients with knee osteoarthritis: a commentary on nonsurgical and surgical treatments // The open orthopaedics journal. – 2013. – Vol. 7. – Pp. 619-623. – doi: 10.2174/1874325001307010619
6. Борисов Д.Б., Киров М.Ю. Эндопротезирование тазобедренного и коленного суставов: эпидемиологические аспекты и влияние на качество жизни // Экология человека. – 2013. – № 8. – С. 52-57.
7. Vitaloni M. et al. Global management of patients with knee osteoarthritis begins with quality of life assessment: a systematic review // BMC musculoskeletal disorders. – 2019. – Vol. 20, N. 1. – P. 493. – doi: 10.1186/s12891-019-2895-3
8. Kiebzak G.M., Campbell M., Mauerhan D.R. The SF-36 general health status survey documents the burden of osteoarthritis and the benefits of total joint arthroplasty: but why should we use it // Am J Manag Care. – 2002. – Vol. 8, N. 5. – Pp. 463-474.
9. Atukorala I., Hunter D.J. A review of quality-of-life in elderly osteoarthritis // Expert review of pharmacoeconomics & outcomes research. – 2023. – Vol. 23, N. 4. – Pp. 365-381. – doi: 10.1080/14737167.2023.2181791
10. Chang W.Y. et al. Factors associated with osteoarthritis and their influence on health-related quality of life in older adults with osteoarthritis: a study based on the 2020 Korea National Health and Nutrition Examination Survey // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2023. – Vol. 20, N. 12. – P. 6073. – doi: 10.3390/ijerph20126073
11. Güneş S. et al. Quality of Life in Osteoarthritis: Relationship with Demographic and Clinical Variables // Turk J Osteoporos. – 2022. – Vol. 28(1) . – Pp. 55-60. – doi: 10.4274/tod.galenos.2022.73383
12. Jakobsson U., Hallberg I.R. Quality of Life Among Older Adults With Osteoarthritis // Journal of gerontological nursing. – 2006. – Vol. 32, N. 8. – Pp. 51-60. – doi: 10.3928/00989134-20060801-08.
13. Yan H. et al. Health-related quality of life in osteoarthritis patients: a systematic review and meta-analysis // Psychology, Health & Medicine. – 2022. – Vol. 27, N. 8. – Pp. 1859-1874. – doi: 10.1080/13548506.2021.1971725
14. Cook C., Pietrobon R., Hegedus E. Osteoarthritis and the impact on quality of life health indicators // Rheumatology international. – 2007. – Vol. 27, N 4. – Pp. 315-321. – doi: 10.1007/s00296-006-0269-2
15. Амирджанова В.Н., Горячев Д.В., Коршунов Н.И., Ребров А.П., Сороцкая В.Н. Популяционные показатели качества жизни по опроснику SF-36 (результаты многоцентрового исследования качества жизни «МИРАЖ») // Научно-практическая ревматология. – 2008. – № 1. – С. 36-48.

16. Jakobsson U., Hallberg I.R. Pain and quality of life among older people with rheumatoid arthritis and/or osteoarthritis: a literature review // Journal of clinical nursing. - 2002. - Vol. 11, N. 4. - Pp. 430-443.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статья, направляемая в журнал «ЖИВАЯ ПСИХОЛОГИЯ», предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе Microsoft Word по e-mail: **VAK-info@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен иметь расширение *.doc или *.docx. Разметка страницы: поля со всех сторон 2 см, ориентация книжная, формат А4. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер (кегель) 14, абзацный отступ 1,25 см, межстрочный интервал полуторный с использованием автоматической расстановки переносов. Аннотация (от 100 до 150 слов); ключевые слова на русском языке (от 8 до 15 слов). Название статьи, аннотация, ключевые слова, сведения об авторах должны быть переведены на английский язык.

Исключить громоздкие цифровые и формульные таблицы, а также рисунки, более, чем на 0,5 страницы. Все таблицы и рисунки должны быть в тексте, подписаны, ссылки на них по тексту обязательны.

Список использованной литературы составляется по мере упоминания в тексте в конце статьи в соответствии с ГОСТ по мере упоминания в тексте. Источников литературы не менее 10, не более 15 источников. Ссылки на литературу в тексте отмечаются арабскими цифрами в квадратных скобках.

В статье должны быть указаны следующие сведения о каждом авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); место работы и должность; ученая степень; домашний адрес (если необходимо почтовый экземпляр); контактный телефон; адрес электронной почты. Название ВУЗов полностью, без сокращений.

Пример оформления статьи:

<http://nauka-vak.ru/wp-content/uploads/2022/07/Пример-оформления-статьи.doc>

ВАЖНО!!!

Все статьи проверяются на ПЛАГИАТ. Процент авторского текста должен составлять не менее 75%. Цитирования не более 25%.

Все поступающие в редакцию материалы должны быть проверены на наличие заимствований из открытых источников (попросту – плагиат), проверка выполняется с помощью системы AntiPlagiat.ru.

Редакция предупреждает авторов, незаконно заимствующих объекты интеллектуальной собственности, об ответственности, предусмотренной в Статье 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав». Процент авторского текста должен составлять не менее 75%.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-83669 от 05 августа 2022г.

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Международный стандартный сериальный номер (ISSN)
в печатной версии: 2413-6522,

Каталог периодики «Урал-Пресс», Подписной индекс: 014722

Учредитель и издатель журнала: Общество с ограниченной
ответственностью «Издательство «Манускрипт» (ОГРН 1226100004679),
344114, РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, Г.О. ГОРОД РОСТОВ-НА-ДОНУ, Г.
РОСТОВ-НА-ДОНУ, УЛ БОРЯНА, Д. 20, 24

Адрес редакции и издателя: 344114, РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ,
Г.О. ГОРОД РОСТОВ-НА-ДОНУ, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, УЛ БОРЯНА, Д.
20, 24, Сайт издательства: <https://naukavak.ru/>

Подписано в печать 25.09.2025г., дата выхода номера в свет
30.09.2025г., Форм 60 x 90 1/8, печ. 14,00

Периодичность: 8 раз в год, тираж 500 экз., заказ №0729-25/10

Отпечатано в типографии Общество с ограниченной ответственност⁷
«Издательство «Манускрипт» (ОГРН 1226100004679),

Адрес типографии: 344114, РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, Г.О. ГОРОД
РОСТОВ-НА-ДОНУ, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, УЛ БОРЯНА, Д. 20, 24

Цена договорная.